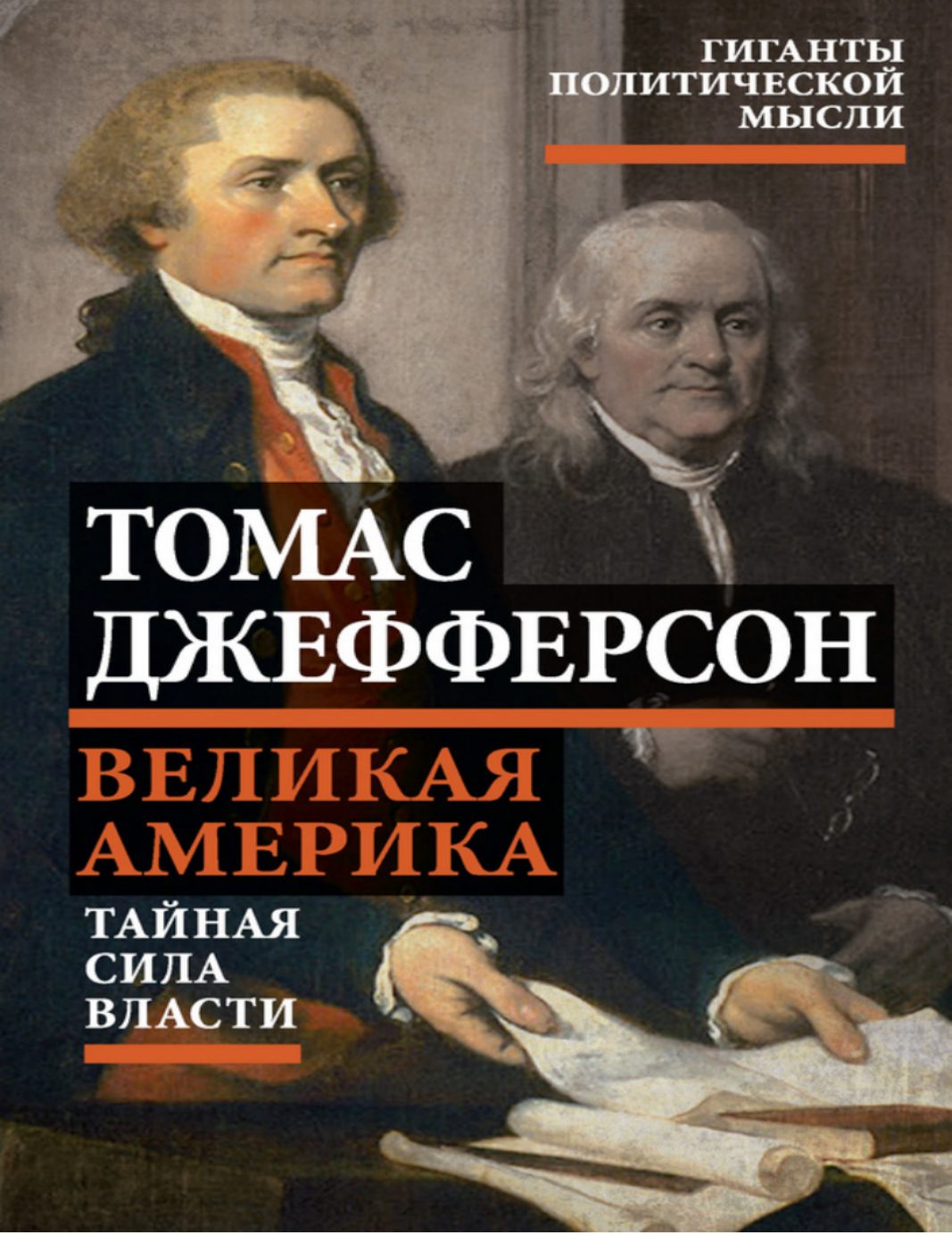
ГИГАНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ



ТОМАС ДЖЕФФЕРСОН

ВЕЛИКАЯ АМЕРИКА

ТАЙНАЯ СИЛА ВЛАСТИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Томас Джефферсон, 3-й президент США, один из авторов Декларации независимости, входит в число отцов-основателей этого государства.

Книга Т. Джефферсона состоит из нескольких частей: в одной из них он рассказывает о своей жизни и образовании США, в других речь идет об американской политической системе, ее особенностях; принципах американской политики, основанных как на рациональных позициях, так и на особом виде сакральных знаний. Эти принципы до сих пор считаются фундаментом величия Америки и определяют ее положение в мире.

- Томас Джефферсон
  -
  - Вместо предисловия
  - Основы американской свободы
    - Исторический очерк
    - Наши законы
    - Религия
    - Обычаи и нравы
    - Конституция
  - Образование Соединенных Штатов
  - Французская революция

Томас Джефферсон
Великая Америка
Тайная сила власти

Серия «Гиганты политической мысли»

© Перевод с английского В. М. Большакова, В. Н. Плешкова, 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

* * *

Вместо предисловия
Масоны и образование США

Прежде всего следует сказать, что американская республика, которая образовалась в результате войны за независимость, не была в буквальном смысле «масонской республикой», то есть созданной масонами, для масонов и в соответствии с идеалами масонов. Однако она вобрала в себя эти идеалы, она испытала влияние этих идеалов и она в гораздо большей степени была обязана этим идеалам, чем это принято считать. Один из масонских историков писал: «..масонство оказало гораздо большее влияние на формирование и развитие этого [американского] правительства, чем на любой другой институт власти. Ни историки, ни члены Братства со времен первого Конституционного Конвента не осознавали, чем Соединенные Штаты обязаны масонству, и какую огромную роль оно сыграло в рождении нации и формировании основ этой цивилизации…»

Относительно происхождения масонства в Америке существует больше мифов, легенд и слухов, чем точных фактов и достоверной информации. По преданию, определенная форма масонства, или его прототип, появилась в Новом Свете еще в 1607 году вместе с поселением Джеймстаун и обосновалась в Вирджинии, направляя свои усилия на создание некоего идеального общества, описанного двадцать лет спустя Фрэнсисом Бэконом в «Новой Атлантиде». Такую возможность полностью исключать нельзя. Розенкрейцеры начала семнадцатого века прекрасно осознавали потенциал Америки для претворения в жизнь тех планов идеального общества, которыми изобиловали их работы. Понимали это и члены «Невидимого колледжа», который в конечном итоге был преобразован в Королевскую академию. Было бы крайне удивительным, если бы одна из их идей не проложила себе путь через Атлантику. В любом случае трансплантация масонства в Америку – независимо от того, где и когда это произошло – была делом неизбежным, обычным, предсказуемым и не повлекла никаких немедленных последствий, точно так же, как перенос других английских социальных установок и институтов. Никто не мог предвидеть той огромной роли, которую в недалеком будущем сыграет эта трансплантация.

Что касается документально подтвержденных данных, то первым масоном, поселившимся в американских колониях, считается Джон Скин. Его имя было внесено в список братьев абердинской ложи в 1670 году, а в 1682 он эмигрировал в

Северную Америку. Скин обосновался в Нью-Джерси, где впоследствии стал заместителем градоначальника. Однако масонство, которое он привез с собой, в Нью-Джерси оказалось в вакууме. Здесь не было ни братьев, с которыми мог бы общаться, ни структуры, в которую он мог бы влиться. Не создал он и собственной организации. Во всяком случае, об этом не сохранилось никаких документальных свидетельств.

Скин стал масоном до отъезда в Америку. Первым американским поселенцем, принятым в братство, был Джонатан Белчер, который во время визита в Англию в 1704 году стал членом масонской ложи. Через год Белчер вернулся в колонии, сделался процветающим торговцем, а в 1730 году был назначен губернатором Массачусетса и Нью-Гемпшира. К тому времени масонство твердо стало на ноги в колониях, и активное участие в его распространении принял сын Белчера.

Вероятно, в те времена было множество людей, похожих на Скина и Белчера – тех, которые уже были масонами к моменту эмиграции в колонии, или тех, кто во время визитов в Англию вступал в масонские ложи. Сохранился даже документ 1719 года, в котором упоминается о судне с названием «Масон», выполнявшем каботажные рейсы у берегов Америки. Однако до конца 20-х годов восемнадцатого века не встречается никаких упоминаний о масонских ложах на территории американских колоний. 8 декабря 1730 года в «Пенсильванской газете» Бенджамина Франклина появилось первое упоминание о масонстве в Северной Америке. Статья Франклина, в которой содержалось в основном общее описание масонства, предварялась замечанием, что «в этой провинции появилось несколько масонских лож…».

Сам Франклин стал масоном в феврале 1731 рода, а в 1734 году его избрали Великим Провинциальным Магистром Пенсильвании. В том же году он отдал в печать первую масонскую книгу в Америке, «Конституции» Андерсона. Тем временем в Филадельфии была основана первая американская ложа. Ее самые ранние документы, обозначенные как «вторая книга протоколов», датируются 1731 годом. Таким образом, первая книга – если предположить, что она существовала – должна была охватывать как минимум предыдущий год.

Многие из первых лож в Америке – включая, вполне возможно, те, документальных свидетельств о которых не сохранилось, и мы ничего о них не знаем – были, выражаясь языком масонов, «нерегулярными». Для того чтобы стать «регулярной», ложа должна была стать «уполномоченной», то есть получить патент от высшего органа – от Великой Ложи или, так

сказать, от материнской ложи. Так, например, Великая Ложа Англии выдавала такие патенты собственным филиалам или новым ложам в американских колониях. Однако полномочия выдавали и другие масонские организации, к примеру, Великая Ложа Ирландии, предлагавшая так называемые «высшие градусы» и другие аспекты якобитской ветви масонства, которое после 1745 года утратило политическую ориентацию на Стюартов, но сохранило присущие только ему рыцарские черты.

Первой официально уполномоченной ложей в Америке стала бостонская ложа св. Иоанна, основанная в 1733 году и получившая патент от Великой Ложи Англии. В том же году Великая Ложа собирала средства для своих братьев в колонии Оглеторпа в Джорджии, хотя нет никаких документальных свидетельств о существовании там лож, как регулярных, так и нерегулярных, до 1735 года, когда масонская ложа была основана в Саванне. Тем временем в Массачусетсе уже существовала уполномоченная Провинциальная Великая Ложа, магистром которой был Генри Прайс. Его помощником стал Эндрю Белчер, сын Джонатана Белчера, который был инициирован в Англии в 1704 году. С 1733 по 1737 год Великая Ложа Англии выдала патенты Провинциальным Великим Ложам Массачусетса, Нью-Йорка, Пенсильвании и Южной Каролины. Не сохранилось никаких документов по Вирджинии, но там, вполне вероятно, имелись ложи, уполномоченные не только Великой Ложей Англии, но и Великой Ложей Йорка, исповедовавшей якобитскую систему масонства.

* * *

До начала Семилетней войны (или войны с французами и индейцами) большинство масонов в Северной Америке принадлежали к ортодоксальному, лояльному к Ганноверской династии направлению, которое олицетворяла Великая Ложа Англии. Однако во время Семилетней войны «высшие градусы» масонства благодаря полковым ложам проникли в американские колонии и быстро укоренились там. Ярким примером этого процесса и трений, которые он иногда вызывал, может служить Бостон – колыбель американской революции.

Первые масонские ложи появились в Массачусетсе в 1733 году, когда Генри Прайс, имевший полномочия от Великой Ложи Англии, стал Великим Магистром основанной им Массачусетской Великой Провинциальной Ложи св. Иоанна. Его помощником был Эндрю Белчер, сын губернатора провинции. К 1750 году в Бостоне

существовали уже две другие ложи. И они, и их головная ложа св. Иоанна собирались в таверне «Гроздь винограда», расположенной в районе современных улиц Стейт-стрит и Килби-стрит. Полковые ложи британских войск, находящиеся под покровительством Великой Ложи Англии, тоже собирались в этом помещении. Следовательно, ложа св. Иоанна взяла под свое крыло более сорока лож. Тем временем в 1743 году Великая Ложа Англии назначила видного бостонского торговца Томаса Окснарда Великим Провинциальным Магистром Северной Америки. Таким образом, Бостон превратился в масонскую столицу британских колоний за океаном.

Однако в 1752 году была основана еще одна, «нерегулярная» ложа, не имевшая патента от Великой Ложи Англии. Эта ложа собиралась в другой таверне, которая называлась «Зеленый дракон», а в 1764 году была переименована в Дом Масонов. Возмущенные члены ложи св. Иоанна начали жаловаться, и тогда «нерегулярная» ложа получила соответствующий патент, но не от Великой Ложи Англии, а от Великой Ложи Шотландии, которая предлагала своим членам «высшие градусы». Уполномоченной ложа смогла стать только после 1756 года, когда в Америку начали прибывать британские войска, в которых действовали полковые ложи, уполномоченные Великими Ложами Ирландии и Шотландии. «Нерегулярная ложа» вскоре была официально зарегистрирована как ложа св. Андрея. Затем она стала выдавать патенты новым ложам и потребовала для себя статуса Великой Провинциальной Ложи – под эгидой Великой Ложи Шотландии. Таким образом, в Бостоне одновременно действовали две соперничающие Великие Провинциальные Ложи: ложа св. Иоанна, которой покровительствовала Великая Ложа Англии, и ложа св. Андрея, гарантом которой выступала Великая Ложа Шотландии. Поэтому неудивительно, что возникали противоречия, вспыхивали ссоры, а разделение на «их и нас» привело к своего рода гражданской войне между оскорбленными масонами. Ложа св. Иоанна с подозрением смотрела на ложу св. Андрея и с мстительной страстью постоянно принимала резолюции, направленные против соперницы. Однако эти резолюции не оказывали должного эффекта, и ложа св. Иоанна продолжала сердиться и запретила своим членам посещать собрания ложи св. Андрея. На такого рода склоки многие видные граждане Бостона тратили массу времени и сил.

Не обращая внимания на все выдвигавшиеся против нее обвинения, ложа св. Андрея продолжала собираться и привлекать новых членов, и даже переманивала к себе некоторых членов ложи св. Иоанна. 28 августа 1769 года ложа св. Андрея объявила

о введении новой масонской степени, получившей название Градуса Рыцаря Храма. Точно неизвестно, откуда была позаимствована эта степень. Никаких документов на этот счет не сохранилось, но считается, что этот градус масонства был привезен в Бостон 29-м пехотным полком, полковая ложа которого получила полномочия от Великой Ложи Ирландии за десять лет до этого события. Первое упоминание об этом градусе содержится в уставе Старой ложи Стерлинга от 1745 года. В любом случае наследие тамплиеров, которое присвоили себе якобиты и которое пропагандировалось Хундом, стало приобретать сторонников за пределами их ритуалов.

Однако введение степени рыцаря Храма – это не единственное достоинство ложи св. Андрея. В 1773 году она заняла позицию в авангарде бурно развивавшихся событий. В этот период ее Великим Магистром был Джозеф Уоррен, которого Великая Ложа Шотландии назначила Великим Магистром всей Северной Америки. В числе прочих членами ложи были Джон Хэнкок и Пол Ревир.

* * *

В течение восьми лет, предшествовавших 1773 году, противоречия между Британией и ее американскими колониями заметно усилились. Практически обанкротившись в результате Семилетней войны, Британия стремилась пополнить свою казну за счет колоний, обложив их еще большими налогами и пошлинами. Эти действия вызвали новый взрыв негодования и сопротивления в колониях. В 1769 году ассамблея Вирджинии по предложению Патрика Генри и Ричарда Генри Ли (оба были известными масонами) выдвинула официальные обвинения против английского правительства и была распущена губернатором провинции. В 1770 году случилась известная «бостонская резня». Британский караул, окруженный враждебно настроенной толпой, открыл стрельбу, в результате чего погибли пять человек. В 1771 году восстание в северной Каролине было подавлено войсками, а тринадцать мятежников были обвинены в измене и казнены. В 1772 году два известных масона, Джон Браун и Эйбрахам Уиппл, напали на судно таможенников у Род-Айленда и сожгли его.

Ситуация стала критической после издания «закона о гербовом сборе», который был предназначен для того, чтобы спасти Ост-Индскую компанию от банкротства. В соответствии с этим актом компании предоставлялось право беспошлинного

ввоза чая в колонии Северной Америки. Эта мера ставила под удар как легальных торговцев чаем, так и контрабандистов, а также устанавливала монополию на рынке. В сущности, колонистов вынуждали покупать чай только у Ост-Индской компании, причем в количестве, превышавшем их желание и потребность.

27 ноября 1773 года первый из трех торговых судов Ост-Индской компании прибыл в Бостон с большой партией чая. 29 и 30 ноября состоялись массовые митинги протеста, и «Дартмут» не смог разгрузиться. Больше недели судно простояло в порту. Затем, в ночь на 16 декабря, группа колонистов (по разным оценкам, их было от шестидесяти до двухсот человек) грубо и демонстративно раскрасив себя на манер индейцев из племени могавков, проникла на корабль и выбросила весь его груз – 342 тюка с чаем стоимостью около 10 тысяч фунтов стерлингов – в Бостонский залив. Это было знаменитое «Бостонское чаепитие». Действия колонистов больше походили на хулиганскую выходку, чем на революционный акт. Сами по себе они не были связаны с насилием и не стали причиной насилия. На протяжении следующих четырнадцати месяцев не наблюдалось никакой вооруженной борьбы. Тем не менее именно «Бостонское чаепитие» знаменует собой начало войны за независимость Америки.

В тот период ложа св. Андрея регулярно собиралась в так называемой «длинной комнате» Дома Масонов, бывшей таверны «Зеленый дракон». Ложа делила эту комнату с большим количеством политических тайных обществ и подпольных квазимасонских братств, ставивших своей целью сопротивление британскому налоговому законодательству. Среди организаций, собиравшихся в «длинной комнате», были «Лонг-рум Клаб», членом которой являлся Великий Магистр ложи св. Андрея Джозеф Уоррен, «Корреспондентский комитет» (членами этой группы, занимавшейся согласованием действий местной оппозиции с действиями оппозиционеров в других американских городах, таких, как Филадельфия и Нью-Йорк, были Уоррен и Пол Ревир), а также «Северная фракция», объединявшая под своим крылом многих масонов, в том числе и Уоррена. Более радикальной была организация «Сыны свободы», и особенно ее ядро, так называемая «Loyal Nine», которая являлась сторонником насильственных действий и организовывала мятежи, демонстрации и другие формы неповиновения еще с 1765 года. Видное положение среди «Сынов свободы» занимал Сэмюэл Адамс, не принадлежавший к масонскому братству. «Сыны свободы» также не проводили свои собрания в «длинной комнате»

Дома Масонов. Тем не менее многие члены организации также являлись членами ложи св. Андрея. Так, например, активную роль в деятельности «Сынов свободы» играл Пол Ревир. Не менее трех членов «Loyal Nine» были также членами масонской ложи св. Андрея.

Показателен протокол собрания ложи св. Андрея накануне «Бостонского чаепития». 30 ноября 1773 года, на второй день массовых протестов против прибытия судна «Дартмут», состоялось собрание ложи, но на нем присутствовало только семь человек. Судя по сохранившимся записям, было решено перенести собрание ложи на вечер следующего вторника – из-за отсутствия большинства братьев, которые «отдали свое время получателям чая».

Во вторник, 2 декабря, на собрании ложи, где присутствовали пятнадцать братьев и один гость, было избрано руководство ложи. Через неделю, 9 декабря, на ежемесячном собрании ложи присутствовали четырнадцать членов и десять приглашенных, но все внутренние вопросы были отложены на неделю, до 16 декабря. Именно в эту ночь произошло «Бостонское чаепитие», и на собрании ложи присутствовало всего пять братьев. В протоколе после имен пришедших на собрание имеется запись о том, что ложа закрывается до завтрашнего вечера вследствие малого числа присутствующих.

Вопреки многочисленным утверждениям и легендам, «Бостонское чаепитие» не планировалось на собрании ложи св. Андрея. Скорее всего, его планы разрабатывались Сэмюэлом Адамсом и «Сынами свободы». Тем не менее доподлинно известно, что не менее двенадцати членов ложи принимали участие в «чаепитии». Более того, двенадцать других участников вылазки впоследствии были приняты в ложу св. Андрея.

Кроме того, «Бостонское чаепитие» не могло бы произойти без активного содействия двух подразделений колониальной милиции, которые должны были охранять груз «Дартмута». Капитан одного из этих отрядов Эдвард Проктор являлся членом ложи св. Андрея с 1763 года. Трое его подчиненных – Стивен Брюс, Томас Нокс и Пол Ревир – также были членами ложи, а трое других входили в «Loyal Nine». Во втором отряде милиции еще трое были членами ложи св. Андрея. Доподлинно известно, что из сорока двух человек в двух подразделениях милиции девятнадцать оказали помощь в уничтожении чая, находившегося на борту «Дартмута». Из этих девятнадцати шесть, включая командира одного из отрядов, были членами масонской ложи св. Андрея, а еще трое входили в «Loyal Nine».

* * *

На следующий день после «Бостонского чаепития» Пол Ревир отправился в Нью-Йорк, откуда новости о произошедшем событии распространились по всем колониям и были с радостью встречены населением. Когда три месяца спустя новость достигла Лондона, власти отреагировали быстро и жестко. Был принят закон, в соответствии с которым накладывалось эмбарго на любую торговлю с Бостоном, а бостонский порт объявлялся закрытым. Гражданская администрация города – а с ним и всей колонии Массачусетс – упразднялась, а в городе и провинции вводилось военное положение. Губернатором Массачусетса назначался военный, генерал Томас Гейдж. Через год, в 1775 году, Гейдж получил серьезное подкрепление в виде английских регулярных войск под командованием сэра Уильяма Хоу.

Медлительность трансатлантического сообщения по-прежнему тормозила развитие событий, но они уже получили внутренний импульс. 5 сентября 1774 года в Филадельфии собрался первый Континентальный конгресс. На нем председательствовал Пейтон Рэндолф, видный адвокат и Великий Магистр провинции Вирджиния. Среди бостонских делегатов были Сэмюэл Адамс от «Сынов свободы» и Пол Ревир. Вопреки последующей традиции, на конгрессе не наблюдалось единодушия мнений и взглядов. Большинство делегатов отнюдь не жаждали независимости от Британии, и даже не помышляли о ней. Предложенные конгрессом меры носили не политический, а чисто экономический характер. Кроме того, они были в высшей степени временными – сочетание поспешных действий и блефа. Так, например, была образована «Ассоциация» – номинально для того, чтобы ограничить или вообще оборвать торговые связи с Британией и с остальным миром, закрыть экономику колоний и сделать ее самодостаточной. Подобный проект вряд ли можно было воплотить в жизнь, однако его обнародование должно было подтолкнуть английский парламент к действию.

Однако находившийся за 3500 миль от Америки парламент не понимал действительной ситуации или не интересовался ею, и поэтому отреагировал совсем не так, как следовало бы. Ситуация продолжала ухудшаться, и собравшийся в феврале 1775 года массачусетский Провинциальный конгресс объявил о планах вооруженного сопротивления. Парламент ответил тем, что объявил Массачусетс мятежной провинцией. Среди бурной риторики, которая за этим последовала, Патрик Генри в речи перед Провинциальной ассамблеей Вирджинии произнес свои знаменитые слова: «Свобода или смерть».

Однако кризис уже перерос границы риторики – и даже гражданских и экономических акций. В апреле 1775 года 700 английских солдат были направлены в Конкорд, в окрестностях Бостона, для захвата находившегося там склада оружия местной милиции. Пол Ревир предпринял свой знаменитый рейд, чтобы предупредить о приближении войск. Отряд англичан был встречен в Лексингтоне семьюдесятью семью вооруженными колонистами. В ожесточенной стычке – «звуки выстрелов были слышны по всей округе» – восемь колонистов были убиты и десять ранены. На обратном пути в Бостон колонна англичан с конфискованным оружием была атакована отрядом из 4000 стрелков и потеряла 273 человека убитыми и ранеными. Колонисты потеряли девятнадцать человек.

22 апреля собрался Третий провинциальный конгресс Массачусетса, на котором председательствовал Джозеф Уоррен, Великий Магистр Северной Америки, уполномоченный Великой Ложей Шотландии. Уоррен санкционировал мобилизацию 30 тысяч человек. В то же время в своем «Обращении к Великобритании» он писал:

«В этой колонии уже давно ведутся военные действия войсками под командованием генерала Гейджа… Это, братья, является местью правительства за отказ, вместе с другими колониями, стать рабами; но им еще не удалось отторгнуть нас от нашего монарха. Мы заявляем о том, что остаемся его верными подданными… но тем не менее мы не станем покорно смиряться перед гонениями и тиранией его правительства».

Многие из непокорных колонистов, не принадлежавших к масонскому братству – такие, как Джон и Сэмюэл Адамсы – уже требовали более радикальных мер. Однако Уоррен, объявляя о своей верности королю, но не парламенту, выражал мнение большинства масонов. Именно эта позиция оказалась преобладающей на втором Континентальном конгрессе, собравшемся 10 мая 1775 года. Конгресс – под председательством сначала Пейтона Рэндолфа, а после его смерти Джона Хэнкока из ложи св. Андрея – санкционировал создание полноценной армии. Командующим был назначен Джордж Вашингтон, известный масон из ложи Вирджинии, Великим Магистром которой был Рэндолф. Некоторые историки высказывали предположение, что этим назначением Вашингтон обязан своим связям среди масонов.

* * *

В самом начале войны высшее командование колонистов почти полностью состояло из масонов. Стоит вкратце остановиться на их биографиях.

Среди тех, кого могли назначить главнокомандующим вместо Вашингтона, был генерал Ричард Монтгомери. Он родился в Ирландии, в окрестностях Дублина. Во время войны с французами и индейцами он был офицером регулярных частей английской армии и служил под командованием Амхерста. При осаде Луисбурга он воевал в 17-м пехотном полку, а затем был переведен в Лестерширский полк, входивший в бригаду Вулфа. После окончания войны Монтгомери поселился в колониях и женился на дочери Роберта Р. Ливингстона, который в 1784 году станет Великим Магистром Великой Провинциальной Ложи Нью-Йорка, а в 1789 году будет принимать клятву у Вашингтона на церемонии инаугурации первого президента Соединенных Штатов. Считается, что Монтгомери вступил в масонскую ложу 17-го пехотного полка во время осады Луисбурга. Разумеется, о том, что он масон, знали его современники. «За Уоррена, Монтгомери и Вустера!» – именно так звучал распространенный масонский тост в память известных братьев, которые стали одними из первых жертв разгоревшегося конфликта.

Во время войны с французами и индейцами Дэвид Вустер был сначала полковником, а затем бригадным генералом. Он служил под началом у Амхерста под Луисбургом и, как полагают, там же стал членом полковой ложи – вместе с лордом Блейни, который впоследствии станет Великим Магистром Великой Ложи Англии. Еще в 1750 году Вустер организовал в Нью-Хейвене первую ложу Хирама и стал ее первым магистром.

Генерал Хью Мерсер служил фельдшером в армии якобитов Карла-Эдуарда Стюарта. После Куллодена он бежал в Филадельфию, где десять лет спустя служил под началом Брэддока и был ранен у форта Дюкен. Через год его перевели в 60-й пехотный полк, где активно действовала масонская ложа. После того, как на месте форта Дюкен был построен форт Питт, Мерсера назначили его начальником в чине полковника. Он был масоном с большим стажем и входил в ту же ложу Фредериксберга, что и Вашингтон.

Генерал Артур Сен-Клер родился в Кейтнессе и был потомком сэра Уильяма Синклера, строителя часовни Росслин. Как и Монтгомери, Сен-Клер вступил в британскую армию, служил в 1756–1757 годах в 60-м пехотном полку, а затем в бригаде Вулфа под началом Амхерста при осаде Луисбурга. Через год он вместе в Вулфом участвовал в захвате Квебека. В 1762 году он вышел в отставку и поселился в колониях. Известно, что Сен-Клер был

масоном, хотя подробности его вступления в братство или название его ложи не сохранились.

Генерал Горацио Гейтс также был строевым офицером британской армии. Он также сражался под командованием Амхерста под Луисбургом. Гейтс считался одним из ближайших друзей Вашингтона и был женат на дочери Великого Магистра Новой Шотландии. Точно неизвестно, к какой ложе принадлежал Гейтс, однако он часто посещал Великую Провинциальную Ложу Массачусетса.

Генерал Израэль Патнам служил под началом лорда Джорджа Хоу и находился рядом с ним в момент его гибели во время катастрофической лобовой атаки на форт Тикондерога. Впоследствии Патнам служил под командованием Амхерста. Масоном он стал в 1758 году, вступив в полковую ложу в Кроун-Пойнт после того, как Амхерст взял этот форт.

Генерал Джон Старк вместе с лордом Джорджем Хоу служил в нерегулярном партизанском соединении «Рейнджеры Роджерса», сражался вместе с Хоу под Тикондерогой, а затем служил под командованием Амхерста. Возможно, он стал масоном именно в этот период, но никаких свидетельств о его вхождении в масонскую ложу до 1778 года не сохранилось.

Это лишь несколько имен из длинного списка, который может быть без труда продолжен. Генерал Джон Никсон воевал вместе с лордом Джорджем Хоу под Тикондерогой, затем вместе с Амхерстом под Дуйсбургом. Точно такой же путь прошел и генерал Джозеф Фрай. Генералы Уильям Максвелл и Элиас Дейтон сражались вместе с Джорджем Хоу под Тикондерогой, а затем вместе с Вулфом брали Квебек. Все они были масонами.

* * *

В начале 1776 года в конгрессе ведущую роль по-прежнему играли умеренные масонские фракции. Их позиция была еще раз озвучена в декабре прошлого года, когда Конгресс повторно отказался повиноваться английскому парламенту, но заявил о своей верности короне. Но теперь настроения стали меняться, и на первую роль выдвинулись более радикальные элементы. Большую роль в поляризации мнений сыграл памфлет Томаса Пейна «Здравый смысл»; после его появления многие прежде лояльные колонисты стали выступать за независимость от метрополии. 7 июня брат Ричард Генри Ли выдвинул официальное предложение, чтобы колонии стали «свободными и независимыми штатами». К этому времени посольство Франклина

во Франции стало также приносить плоды. Французский король Людовик XVI передал в долг колониям амуниции на сумму в миллион ливров, и примерно такой же вклад внесла Испания, другой главный соперник Британии в Европе. Этой амуниции армии повстанцев хватило почти на два года.

11 июня конгресс сформировал комитет по составлению декларации о независимости. Из пяти членов этого комитета двое – Франклин и Роберт Ливингстон – точно были масонами, а один, Роджер Шерман, по неподтвержденным данным тоже принадлежал к братству вольных каменщиков. Двое других – Томас Джефферсон и Джон Адамс – не являлись масонами, несмотря на многочисленные заявления историков об обратном. Текст декларации написал Джефферсон. Она была представлена конгрессу и принята 4 июля 1776 года. Из подписавших ее конгрессменов девять были масонами, а еще десять могли ими быть. В их число входили такие влиятельные фигуры, как Вашингтон, Франклин и, разумеется, сам президент конгресса Джон Хэнкок. Более того, армия практически полностью оставалась в руках масонов. Первоначально и в конгрессе, и в армии масоны выступали как противники полной независимости. Но после того, как жребий был брошен, они начали воплощать собственные идеалы, нашедшие отражение в институтах нарождавшейся республики. Наиболее заметно влияние масонства проявилось в конституции Соединенных Штатов.

Обнародованная Декларация о независимости поначалу казалась экзотическим жестом и совершенно безнадежным предприятием. И действительно, положение колонистов в этот момент было незавидным, а вскоре ухудшилось еще больше. В марте генерал английской армии Хоу занял Бостон, а 22 августа Нью-Йорк. В бруклинском сражении (иногда его называют битвой на Лонг-Айленде) его потери составили 65 человек убитыми и 255 ранеными, в то время как потери противника доходили до 2000 человек. Однако он не стал преследовать разбитую армию колонистов и позволил ее остаткам спастись бегством. В последовавшей за этим военной кампании Хоу проявил точно такую же апатию. Так, например, на Гарлемских высотах – там, где теперь расположен Колумбийский университет – он тянул время на протяжении четырех недель, прежде чем приказал атаковать позиции колонистов. После взятия форта Вашингтон гессенские подразделения начали штыками убивать колонистов, и Хоу в гневе обрушился на немецких наемников.

Но даже джентльменское поведение Хоу не смогло спасти армию колонистов от поражения. Вынужденный оставить Бруклин, Вашигтон отступил на Манхэттен, но затем ушел и

оттуда, и 15 сентября Хоу занял Нью-Йорк. Последующие столкновения заставили Вашингтона отступать через Нью-Джерси и Делавэр в Пенсильванию. К этому моменту численность армии колонистов упала с 13 тысяч человек до 3 тысяч. Только у форта Ли они лишились 140 пушек. И вновь Хоу проявил странную нерешительность, продолжая медлить и терять время, что позволило разбитому противнику спастись бегством. Показательно, что весь следующий год – год наиболее серьезных поражений Вашингтона – наступал именно он, а не Хоу. Не Хоу искал встречи с ним, а он с Хоу. Когда столкновение становилось неизбежным, Хоу реагировал довольно странно – почти как человек, во сне отмахивающийся от мухи и снова погружающийся в сон.

26 декабря 1776 года Вашингтон совершил свой знаменитый рейд, форсировав Делавэр и неожиданно напав на отряд гессенских наемников в Трентоне. Избежав столкновения с главными британскими силами, которыми командовал Корнуоллис, 3 января 1777 года он одержал свою вторую победу, разбив в Принстоне уступавший ему по численности контингент противника. Однако Хоу никак не отреагировал, и его армия, более многочисленная и лучше вооруженная, просто оставила Нью-Джерси и передислоцировалась в Пенсильванию. 11 сентября он отбил атаку Вашингтона под Брэндиуайном. И опять Хоу не стал преследовать противника, а вместо этого занял Филадельфию – откуда поспешно бежал конгресс – и расположился там на зимние квартиры. Три недели спустя, 4 октября, Вашингтон предпринял новую атаку, на этот раз в Джермантауне. Хоу вновь отбил атаку колонистов, на этот раз нанеся им тяжелый урон. Континентальная армия колонистов страдала от болезней, дезертирства, низкого морального духа и плохого снабжения, и Вашингтон стал на зимние квартиры в Вэлли-Фордж. С благородством истинного джентльмена Хоу оставил его в покое, позволив зализать раны и восстановить разбитую армию.

* * *

В этом процессе восстановления Континентальной армии большую роль сыграли масоны. Соблазненные масонскими идеями, многие профессиональные военные пересекали Атлантику и присоединялись к колонистам. Среди них был, к примеру прусский ветеран барон Фридрих фон Стубен, которого привлекли на свою сторону Франклин и Дин, и который стал у

Вашингтона инструктором по строевой подготовке. Принеся с собой дисциплину и профессионализм армии Фридриха Великого, Стубен практически единолично превратил отряды неопытных добровольцев в боеспособные вооруженные силы. Среди добровольцев из Европы был также француз Иоганн де Кальб, еще один ветеран войн в Европе, ставший одним из самых компетентных и надежных подчиненных Вашингтона. Среди них был беззаветно преданный делу свободы поляк Казимир Пуласки, которому было суждено умереть от ран, полученных при осаде Саванны, а также другой уроженец Польши, Тадеуш Костюшко, построивший сложные фортификационные сооружения Уэст-Пойнта и ставший ведущим военным строителем и инженером армии колонистов. И наконец, среди них был маркиз де Лафайет, чей титул и харизма компенсировали отсутствие военного опыта и оказали огромное воздействие на моральный дух солдат, а дипломатическая активность дала реальные результаты. Именно он внес наибольший вклад в то, что в войну вступила Франция – событие, сделавшее возможным окончательную победу колонистов при Йорктауне. Принадлежность всех перечисленных выше людей – за исключением Костюшко, сведений о котором не сохранилось – к масонскому братству либо документально подтверждена, либо вполне вероятна. Лафайет и Стубен сами считали, что вносят вклад в создание идеальной масонской республики…

После поражений при Брэндиуайне и Джерментауне, а также деморализующей зимовки в Вэлли-Фордж 1777 год стал самым неудачным для Вашингтона. Однако на северном фронте произошло событие, которое с наших сегодняшних позиций выглядит единственным решающим сражением войны. Но ни Вашингтон, ни Хоу не принимали в нем непосредственного участия. Самим этим фактом Хоу еще раз продемонстрировал странную нерешительность и апатию, которые характеризовали его поведение в этом военном конфликте. Дошедшие до нас свидетельства указывают на то, что он мог – по крайней мере в данном конкретном случае – вести себя иначе.

Мы уже упоминали, что эта война была крайне непопулярной у британского военного командования в Северной Америке – братьев Хоу, Корнуоллиса и Клинтона – а также у членов обеих партий в самой метрополии. Так, например, Эдмунд Берк открыто высказывался против притеснения колонистов. Такой же точки зрения придерживался Чарльз Фокс. Уильям Питт, граф Чатем, который руководил захватом Америки у французов двадцать лет назад, произнес несколько пламенных речей в парламенте, призывая к примирению – и умер во время завершения одной из

них. Сын Питта, служивший адъютантом сэра Гая Карлтона в Канаде, получил указание отца выйти в отставку, но только не сражаться против колонистов. В отставку вышел также граф Эффингем Кеппел, сменивший Сэндвича на посту военно-морского министра, во всеуслышание объявив, что не будет участвовать в военных действиях против людей, которых он считает соотечественниками. Насколько нам известно, один из величайших флотоводцев той эпохи Джордж Родни не делал подобных публичных заявлений, но и он придерживался той же точки зрения и упорно уклонялся от любых операций в водах Америки до окончания войны за независимость, и только потом его флот вошел в Карибское море и нанес сокрушительное поражение французам. Главнокомандующий частями британской армии Амхерст, имевший большой опыт боевых действий в Северной Америке, тоже отказывался принимать участие в войне. В Канаде сэр Гай Карлтон проявлял такую же нерешительность, как его друг сэр Уильям Хоу.

* * *

Следует заметить, что в британской армии и даже в верховном командовании было немало масонов.

Масонство начало распространяться в британской армии в виде полковых лож начиная с 1732 года. Полковые ложи оказали огромное влияние на армию в целом. Они обеспечивали коммуникационный канал для обмена мнениями и настроениями. Точно так же, как гражданские ложи объединяли людей различного происхождения, принадлежавших к разным социальным слоям, военные ложи объединяли офицеров и рядовых, подчиненных и начальников. Следствием этого явилось создание такой атмосферы, в которой энергичные молодые офицеры – такие, к примеру, как Джеймс Вулф – получали возможность продвижения по службе независимо от касты, к которой они принадлежали.

Одновременно масонство укрепляло свои позиции в высших эшелонах армии и государственного аппарата. Масонами были многие видные фигуры того времени. Так, например, младший сын Георга II герцог Камберленд был масоном. То же самое можно сказать и о генерале сэре Джоне Лигоньере, самом известном британском военачальнике в 40-е годы восемнадцатого века. Во время якобитского восстания 1745 года Лигоньер командовал английской армией в центральных графствах Великобритании. Через год его перебросили на континент, где он

сыграл ключевую роль в войне за Австрийское наследство. Точно неизвестно, к какой ложе принадлежал Лигоньер, однако еще в 1732 году его имя появляется среди первых подписчиков книги Джеймса Андерсона рядом с такими известными масонами, как Дезагюлье, граф Аберкорн и граф Далкейт, которые в разное время были Великими Магистрами Великой Ложи.

Среди подчиненных Лигоньера был человек, который впоследствии стал самым выдающимся британским полководцем той эпохи. Это будущий лорд Джеффри Амхерст. Он был направлен в 1-й гвардейский пехотный полк под начало Лигоньера, и вскоре он стал адъютантом командира. Прежде чем отправиться в Америку, он служил вместе с Лигоньером в Европе во время войны за Австрийское наследство. В 1756 году он стал подполковником в 15-м пехотном полку, где взял на себя руководство полковой масонской ложей, созданной двумя годами раньше. Затем его назначили командиром 3-го пехотного полка (известного как «буйволы») и 60-го пехотного полка (впоследствии королевские стрелки). В обоих подразделениях при его содействии были созданы полковые масонские ложи.

Покровителем Амхерста – человеком, который платил за офицерские патенты – был друг семьи Лайонел Сэквилл, первый герцог Дорсет, товарищ герцога Уортона, вместе с которым в 1741 году он стал кавалером ордена Подвязки. У Сэквилла было два сына. Старший Чарльз, граф Мидлсекс, в 1733 году основал масонскую ложу во Флоренции. Вместе с сэром Фрэнсисом Дашвудом он также являлся основателем «Общества дилетантов», членами которого являлись многие масоны. В 1751 году и он, и Дашвуд стали членами известного сообщества масонов при дворе принца Уэльского Фредерика, который сам был членом братства.

Младший сын Сэквилла Джордж тоже принимал активное участие в делах масонов. В 1746 году он стал полковником 20-го пехотного полка (впоследствии ланкаширские стрелки), принимал активное участие в деятельности полковой ложи и даже стал ее мастером. Одним из двух надзирателей ложи был подполковник Эдвард Корнуэльс (брат-близнец будущего архиепископа Кентерберийского), который в 1750 году занял пост губернатора Новой Шотландии и основал там первую масонскую ложу. Среди подчиненных Корнуэльса был молодой капитан Джеймс Вулф, который уже завоевал репутацию блестящего и смелого офицера, служа в Европе под началом герцога Камберленда, а затем сэра Джона Лигоньера. Вместе с Армхерстом Вулфу было суждено сыграть важную роль в истории Америки.

Тем временем, сам Джордж Сэквилл в 1751 году был избран

Великим Магистром Великой Ложи Ирландии. Восемь лет спустя во время Семилетней войны его обвинили в трусости в битве при Миндене, отдали под суд и отправили в отставку. Однако дружба с Георгом III позволила ему восстановить свою репутацию в правительственных кругах. В 1775 году он, получив титул лорда Сен-Жермена, стал военным министром. Именно в этом качестве он прошел всю войну за независимость Америки.

* * *

Поворотным пунктом в войне стало сражение под Саратогой. Во-первых, оно подняло боевой дух колонистов, причем именно в тот момент, когда это было крайне необходимо. Во-вторых, победа под Саратогой подтолкнула Францию не только признать мятежные колонии независимой республикой, но и вступить в войну на ее стороне. Это привело к серьезному изменению стратегической расстановки сил. В Северной Америке появились регулярные французские войска, а военно-морской флот Великобритании столкнулся в североамериканских водах с равным по силе французским флотом. Возникла опасность – правда, временная – морской блокады Британии. Военные действия в Европе заставляли держать в Англии значительные силы, которые в противном случае могли быть, по крайней мере, теоретически, направлены в колонии. Британия была вынуждена укреплять свои подразделения в таких удаленных районах, как Гибралтар, Мальорка и Индия. Короче говоря, результатом явилось распыление ресурсов Британской империи – военных, морских и экономических – что делало войну в колониях контрпродуктивной.

27 февраля 1782 года парламент принял резолюцию, запрещающую дальнейшие действия против колонистов, и начались мирные переговоры. Они продолжались почти год, и в это время все боевые действия были прекращены. Наконец 4 февраля 1783 года новое британское правительство официально объявило о завершении войны. 3 сентября был подписан Парижский договор, согласно которому мятежные колонии признавались независимой республикой, Соединенными Штатами. К ноябрю последние британские части были выведены с территории нового государства, и Континентальная армия колонистов была расформирована. 23 декабря Вашингтон оставил свой пост главнокомандующего.

Влияние масонов на ход войны за независимость Америки было как прямым, так и косвенным, как общим, так и

конкретным. В некоторых случаях масонство служило каналом для политический и даже революционной активности. Так, например, ложа св. Андрея в Бостоне сыграла важную роль в «Бостонском чаепитии», а также дала Континентальному конгрессу председателя в лице Джона Хэнкока. Масонство внедрило свои взгляды и ценности в формировавшуюся Континентальную армию колонистов и, вполне возможно, повлияло на назначение Вашингтона главнокомандующим. Кроме того, оно способствовало установлению братских отношений с добровольцами из-за границы, такими, как Стубен и Лафайет.

Труднее оценить помощь масонов в создании общей атмосферы, психологического климата, или обстановки, которая формировала мышление не только таких активных масонов, как Франклин и Хэнкок, но и тех, кто не был членом братства. Без масонов восемнадцатого века идеи, лежавшие в основе конфликта – свобода, равенство, братство, терпимость, «права человека», – не получили бы такого широкого распространения. Эти идеи абсолютно справедливо приписываются Локку, Юму, Адаму Смиту и французским философам, но большинство этих мыслителей, если не все, либо сами были масонами, либо вращались в масонских кругах и испытали на себе влияние масонства.

Однако масонство проникло и в среду «простых» людей. Оно не только помогло сформулировать идеи, лежавшие в основе войны за независимость Америки, не только оказало влияние на мышление политиков и государственных деятелей высшего эшелона, которые занимались стратегическим планированием и принимали решения. Оно не только определило позицию таких людей, как Хоу, Карлтон, Корнуоллис, Вашингтон, Лафайет и Стубен. Оно также проникло в среду «простых солдат», которые находили в нем объединяющие узы и идею солидарности. Влияние масонства не ограничивалось личным составом внутри двух противоборствующих армий. Связи поддерживались и с противником. История войны за независимость Америки полна примеров преданности масонскому братству, которая иногда даже пересиливала другие обязательства.

Так, например, среди военнопленных, захваченных во время взятия британцами Нью-Йорка, был местный масон по имени Джозеф Бернхэм. Ему удалось бежать и он, передвигаясь пешком, в одну из ночей нашел укрытие на досках, которые служили потолком помещения местной масонской ложи. Не прибитые гвоздями доски раздвинулись, и Бернхэм с грохотом упал прямо на испуганных британских офицеров, собравшихся в комнате внизу. Они обменялись масонским приветствием, и британские

офицеры «проявили благородство по отношению к брату Бернхэму, который впоследствии был тайно и быстро переправлен на побережье Джерси».

В другом случае масон Джозеф Клемент из 8-го пехотного полка (впоследствии Ливерпульского полка), принимая участие в разведывательной вылазке, увидел, что после стычки с противником один из индейцев собирается снять скальп с пленного колониста. Пленник подал масонский знак Клементу, прося его защиты. Клемент приказал индейцу отойти, а затем переправил раненого на ближайшую ферму, где его вылечили и отправили домой. Через несколько месяцев на севере штата Нью-Йорк Клемент сам попал в плен и был помещен в местную тюрьму. Оказалось, что его тюремщиком был тот самый человек, которому он недавно спас жизнь. В тот же вечер «к нему пришел друг и по секрету сообщил, что на рассвете дверь камеры будет открыта, а снаружи его будет ждать лошадь, на которой он сможет добраться до границы».

* * *

В ноябре 1777 года, вскоре после сражения под Саратогой, Континентальный конгресс пришел к соглашению – по крайней мере, в общих чертах – по поводу того, каким должно быть правительство становящейся на ноги республики. Новое государство представлялось в виде союза штатов, каждый из которых был обязан официально ратифицировать Договор об образовании конфедерации. Споры относительно границ штатов замедлили процесс подписания документа, и все тринадцать колоний ратифицировали договор только к началу марта 1781 года, через семь месяцев после капитуляции британских войск в Иорктауне. Но прошло еще шесть лет, прежде чем дело продвинулось дальше.

Пауза длилась 1783 по 1787 год – как будто колонисты сами изумились тому, что им удалось сделать, и им требовалось перевести дух и критически оценить сложившуюся ситуацию. Выяснилось, что за время войны население колоний уменьшилось на 211 тысяч человек. Это было вызвано в основном тем обстоятельством, что верные британской короне колонисты бежали домой в Англию или – чаще всего – в Канаду.

Наконец, 25 мая 1787 года в Филадельфии открылся Конституционный Конвент, направивший свои усилия на выработку механизма управления новым государством. Первым выступлением, которое обратило на себя всеобщее внимание,

было типично масонское заявление, и принадлежало оно Эдмунду Рэндолфу. Почти вся семья Рэндолфа осталась верной британской короне и в 1775 году вернулась в Англию. Однако сам Рэндолф, член масонской ложи Уильямсберга, был адъютантом Вашингтона. Впоследствии он стал сначала главным прокурором, а затем губернатором Вирджинии, а также Великим Магистром Великой Ложи Вирджинии. Во время президентского срока Вашингтона он был первым генеральным прокурором Соединенных Штатов, а потом первым государственным секретарем.

Во время работы Конституционного Конвента Вашингтон не принимал участия в дебатах, хотя и был избран его председателем. Вполне вероятно, что именно Рэндолф – по крайней мере, до известной степени – являлся выразителем его мнения или доверенным лицом. Рэндолф внес предложение, чтобы Конвент не просто пересмотрел, исправил или переделал Договор об образовании конфедерации, который до этого времени удерживал вместе только что получившие независимость колонии. Он предложил создать новую основу для центрального правительства. Это предложение было принято Конвентом, и началась работа по превращению рыхлой конфедерации бывших провинций в единую нацию.

Разумеется, в истории человечества и раньше были республики. Сама идея республики возникла в Древней Греции и Древнем Риме, еще до превращения его в империю. Однако делегаты Конституционного Конвента слишком хорошо знали, что все предыдущие республики точно так же страдали от хронических проблем, как и монархии. Вероятно, самой главной из них была склонность республиканских правительств попадать в руки отдельных людей или династий с диктаторскими замашками и превращаться в тирании, не менее, а иногда и более жестокие, чем любая монархия. Вследствие этой склонности сама идея республики была сильно дискредитирована в сознании философов восемнадцатого века, размышлявших о социальном устройстве общества. Даже самые передовые мыслители эпохи выражали серьезное сомнение, является ли республиканская форма правления жизнеспособной. Юм, к примеру, отбрасывал ее как «опасное новшество». Он говорил, что предпочтительнее абсолютная монархия – даже несмотря на всю ее одиозность.

Именно этими проблемами и занялись делегаты Конституционного Конвента. Они выработали и особо подчеркнули два принципа, которые легли в основу создания уникального для своего времени политического института. Первый из этих принципов заключается в том, что властью

должна быть обличена должность, а не человек, и что люди посредством голосования должны регулярно сменяться на руководящих должностях. Отдельный человек, занимающий тот или иной политический или государственный пост, исполняет обязанности, связанные с данной должностью, но не является неотделимым от нее. Конечно, этот принцип нельзя назвать новым. Опять-таки, каким бы привлекательным этот принцип ни выглядел в теории, на практике он так часто нарушался, что был полностью дискредитирован.

В отношении правительства теоретическое разделение личности и должности игнорировалось настолько часто и настолько чудовищно, что не могло вызвать ничего, кроме цинизма. Такие мыслители, как Локк, Юм и Адам Смит даже не потрудились упомянуть о нем. Однако масонство представляло собой одну из немногих организаций восемнадцатого века, в которых этот принцип действительно соблюдался и пользовался определенным уважением. Магистры и Великие Магистры выбирались из членов ложи на определенный срок. Они не получали единоличной власти. Наоборот, во многих случаях эта должность была подотчетной. А если они не соответствовали требованиям должности, на которую они были избраны, то их смещали или отправляли в отставку, причем не при помощи революции, «дворцового переворота» или другими насильственными методами, а просто в соответствии с установленной процедурой. Престиж самой должности ни в коем случае не страдал.

Чтобы обеспечить отделение человека от должности, Конституционный Конвент разработал второй руководящий принцип, и именно он стал уникальным вкладом в развитие политических институтов эпохи. В результате так называемой системы «независимости и взаимоограничения» власть была распределена между двумя различными ветвями – исполнительной в лице института президентства и законодательной в лице двух палат Конгресса. Благодаря своей независимости каждая из этих ветвей была способна воспрепятствовать чрезмерной концентрации власти в руках другой ветви.

Отделение человека от должности в каждой из ветвей власти обеспечивалось регулярными и обязательными выборами – как в системе лож. Такие выборы получили довольно широкое распространение в восемнадцатом веке, но применялись лишь по отношению к законодательной ветви власти, которая нередко не обладала никакими полномочиями и только проштамповывала решения исполнительных органов. В новой американской

республике этот принцип распространился и на исполнительную ветвь, то есть на главу государства. Влияние масонства здесь тоже очевидно.

* * *

Не подлежит сомнению, что масонство внесло определенный вклад в формирование структуры и механизмов нового американского правительства. И действительно, эти структуры имеют явно схематический и геометрический характер, напоминающий оригинальные механистические модели, разработанные «Невидимым колледжем» и Королевским обществом за столетие до этого. Они также представляют собой приложение к политике специфических архитектурных принципов. Но если масонство повлияло на структуру американского правительства, то еще большее влияние оно оказало на общую форму этого правительства. По словам одного из комментаторов:

«Получив свободу, мы еще не сумели объединиться. «Сырой» Договор об образовании конфедерации не обеспечивал существование сильного национального правительства, общей валюты или стройной судебной системы. Дальновидные люди понимали, что необходимо двигаться дальше, чтобы слабая Конфедерация американских штатов превратилась в сильную, единую нацию. И вновь масонство дало примеры идеологии и форм. Поскольку федеративная система масонских лож была в то время единственным образцом эффективной организации, действовавшей во всех тринадцати штатах, патриотически настроенные братья, естественно, настаивали, что усиление и сплочение нации должно проходить на основе, образцом которой являются ложи. Независимо от других сил, оказавших влияние на разработку конституции во время работы. Конституционного Конвента в 1787 году, факт остается фактом: федерализм, заложенный в гражданском правительстве и конституции, идентичен федерализму Великой Ложи масонов, предусмотренному в «Конституциях» Андерсона 1723 года».

Это утверждение вышло из-под пера американского масона, который одновременно допускает преувеличения и излишне упрощает ситуацию. Реальность была не столь определенной, гораздо более сложной, и конечный результат выкристаллизовывался постепенно в ходе ожесточенных дебатов. Тем не менее, общий характер сделанных выводов верен. Масонство в то время действительно служило образцом

эффективной федеративной системы. Этот факт был более очевиден для делегатов Конвента, чем для нас сегодня, когда федеративные системы существуют во многих организациях и воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. В восемнадцатом веке масонство предлагало убедительные доказательства работоспособности федеративной системы. Оно создавало такой необходимый прецедент. Если подобная система явно доказала свою осуществимость в масонской организации, то имелся, по крайней мере, образец для ее применения в отношении правительства.

Как мы уже видели, события первого периода войны за независимость Америки – скажем, с «Бостонского чаепития» до принятия Декларации о независимости – имели свою внутреннюю пружину развития. Люди почти ежедневно сталкивались со «свершившимися фактами», из которых требовалось извлечь максимальную пользу и на которые нужно было опираться в дальнейших действиях. Это требовало постоянной импровизации, в которую были вовлечены различные организации – не только масоны, но и такие радикальные братства, как «Сыны свободы». Среди выдающихся личностей этого периода лишь немногие были масонами. Масонство играло роль некоего демпфера, но это было лишь рабочее влияние; масоны не обладали ни властью, ни свободой действий, чтобы направлять события в соответствии со своими идеалами. Декларация независимости, к примеру, никак не может быть названа масонским документом – за исключением некоторого сходства риторики и фразеологии.

Совсем другое дело – конституция. К тому моменту, когда для выработки конституции нового государства был созван Конвент, влияние масонов стало преобладающим и, вне всякого сомнения, решающим. Другие организации, такие, как «Сыны свободы», были распущены после того, как выполнили свою задачу. Расформировали даже Континентальную армию. Ко времени созыва Конвента масонство оставалось не только единственной организацией, которая «продержалась до конца», но единственной реальной организационной структурой, которая функционировала, невзирая на границы штатов, во всех получивших независимость колониях.

В своем окончательном виде конституция – это результат усилий многих людей, и не все они были масонами. Текст самого документа составил Томас Джефферсон, который, несмотря на уверения в обратном, по всей видимости, не был масоном. Однако среди всех вдохновителей конституции ведущая роль принадлежала пяти людям – Вашингтону, Франклину, Рэндолфу, Джефферсону и Джону Адамсу. Из этих пяти человек первые трое

не только были масонами, но и воспринимали свою принадлежность в братству очень серьезно. Они целиком и полностью разделяли масонские идеалы, определявшие их мировоззрение. Взгляды Адамса, о принадлежности которого к масонскому братству нет никаких сведений, практически совпадали с их взглядами. Став президентом, он назначил известного масона Джона Маршалла на пост председателя Верховного суда. Именно Маршалл впоследствии добился для суда статуса, равного статусу Конгресса и президента.

В спорах и дискуссиях, сопровождавших рождение конституции, Адамс – хотя он и не присутствовал на Конвенте – выступал на стороне Франклина и Рэндолфа. И только Джефферсон был «чужаком». Именно Джефферсон в конечном итоге уступил, приняв позицию масонов. Новая республика, сформировавшаяся вместе с конституцией, соответствовала их идеалам, которые были отражением идеалов масонства.

* * *

7 сентября 1787 года проект конституции был принят, одобрен и подписан тридцатью девятью из сорока двух присутствовавших делегатов Конвента. С 7 декабря по 25 июня следующего года он был ратифицирован всеми штатами. Мэриленд, согласно конституции, уступил десять квадратных миль своей территории Конгрессу, и эта земля – округ Колумбия – стала местом для новой федеральной столицы.

4 февраля 1789 года первым президентом Соединенных Штатов был избран Вашингтон, а Джон Адамс стал его вице-президентом. Инаугурация состоялась 30 апреля. Президентскую клятву принимал Роберт Ливингстон, Великий Магистр Великой Ложи Нью-Йорка и тесть погибшего генерала Ричарда Монтгомери. Руководил церемонией другой масон, генерал Джейкоб Мортон. Еще один масон, генерал Морган Льюис, входил в состав эскорта Вашингтона. Библия, на которой давал клятву президент, принадлежала нью-йоркской ложе № 1 св. Иоанна. Сам Вашингтон в то время был магистром ложи № 22 в Александрии, штат Вирджиния.

За тринадцать дней до инаугурации умер Франклин, и половина Филадельфии приняла участие в его похоронах. Через пять дней после инаугурации Вашингтона в Версале собрались французские Генеральные Штаты и 17 июня сформировали Национальную ассамблею, объявив себя, а не короля, истинным представителем французского народа. 14 июля революционная

парижская толпа штурмом взяла Бастилию. 14 декабря Александр Гамильтон выдвинул предложение об учреждении Национального банка. Джефферсон выступил против, но Вашингтон подписал соответствующий указ. На американском долларе появилось изображение «Большой государственной печати» Соединенных Штатов. Это явно масонский символ – всевидящий глаз в треугольнике над тринадцатиступенчатой треугольной пирамидой, под которой свиток объявляет о приходе «нового гражданского порядка», давней мечты всех масонов.

18 сентября 1793 года был официально заложен первый камень Капитолия. Церемонией руководила Великая Ложа Мэриленда, и Вашингтону предложили взять на себя обязанности магистра. Присутствовали и другие ложи, находящиеся под юрисдикцией Мэриленда, а также ложа самого Вашингтона из Александрии, штат Вирджиния. Состоялся большой парад, в котором принимала участие даже артиллерия. Потом шел оркестр, а за ним Вашингтон в сопровождении чиновников и членов лож в полном облачении.

Когда Вашингтон дошел до траншеи, куда должен был закладываться юго-восточный угловой камень фундамента, ему подали серебряную мемориальную пластинку, на которой были перечислены присутствующие на церемонии ложи. Раздался артиллерийский залп. Вашингтон спустился в траншею и положил пластину на камень. Рядом он поставил сосуды с зерном, вином и маслом – обычные символические принадлежности масонского ритуала. Все присутствующие произнесли молитву и спели масонский гимн, а затем артиллерия дала еще один залп.

Вашингтон и сопровождавшие его лица передвинулись к восточной части камня, и президент, взойдя на традиционную для масонов трехступенчатую трибуну, произнес речь. За речью последовали масонский гимн и финальный залп из орудий.

Молоток, серебряный мастерок, угольник и уровень, которые Вашингтон использовал во время церемонии, в настоящее время хранятся в Потомакской ложе № 5 округа Колумбия. Фартук и пояс Вашингтона хранятся в его собственной ложе № 22 города Александрии.

Впоследствии Капитолий и Белый дом стали центрами сложной геометрической структуры, лежащей в основе планировки национальной столицы. Эта геометрия, первоначально разработанная архитектором по имени Пьер Ланфан, впоследствии была видоизменена Вашингтоном и Джефферсоном, чтобы получить характерные восьмиугольные формы, вобравшие в себя специфический крест,

использовавшийся тамплиерами.

Через шесть лет и три месяца, в декабре 1799 года, умер Вашингтон. Он был похоронен у себя дома в Маунт-Вернон со всеми масонскими почестями александрийской ложей № 22, члены которой несли его гроб.

* * *

Не менее десяти американских президентов, помимо самого Вашингтона, были масонами: Монро, Эндрю Джексон, Полк, Бьюкенен, Эндрю Джонсон, Гарфилд, Теодор Рузвельт, Тафт, Хардинг, Франклин Д. «Рузвельт, Трумэн и Форд. Войной Техаса за независимость от Мексики руководил масон Сэм Хьюстон. Дэви Крокетт, Джим Боуи и другие защитники Аламо были членами одной и той же ложи «Строгого послушания». Во время Гражданской войны в Америке масоны занимали ведущие позиции в обеих противоборствующих сторонах, но особенно много их было в государственных институтах и армии Конфедерации. Как из всего этого образовалось известное клише – это уже другое дело. То же самое относится к масонским корням ку-клукс-клана, который изначально был не той ужасной организацией, в которую он со временем превратился, а благотворительным обществом, предназначенным для защиты вдов и сирот от посягательств «саквояжников» с Севера.

Именно в Америке рыцари Храма получили то публичное признание, которого им не удалось добиться в других странах. Это признание приняло форму молодежной организации, созданной под покровительством масонов – Ордена де Моле. Орден де Моле был основан Фрэнком С. Лэндом в 1919 году в Канзас-Сити, штат Миссисипи. Он «…назван в честь Жака де Моле, последнего Великого Магистра средневековых тамплиеров, который был сожжен на костре на острове посреди Сены вблизи собора Нотр-Дам 18 марта 1314 года за верность и преданность своему ордену».

Орден де Моле имеет восемьдесят пять отделений во всех пятидесяти штатах США, в округе Колумбия и в двенадцати зарубежных странах. Из штаб-квартиры в Канзас-Сити им управляет международный высший совет, который действует под эгидой Великой Ложи Флориды и состоит из 250 «видных масонов со всего мира». Каждое местное отделение должно находиться под покровительством масонской организации, а руководящий орган отделения, или Консультативный совет, должен состоять из масонов, имеющих степень мастера. Сам

орден состоит из юношей от четырнадцати до двадцати одного года.

«Орден де Моле способствует выработке у своих членов семи добродетелей: сыновней любви (к родителям), почтения (к святыням), вежливости, товарищества, верности, чистоты (мыслей, слов и дел) и патриотизма».

Можно только предполагать, что рассказывают мальчикам о самом Жаке де Моле, о тамплиерах и о проступках, в которых их обвиняли. Нам неизвестно никаких упоминаний об этом в документах ордена. Тем не менее, эти документы рассказывают, хотя и в туманных выражениях, о цели ордена.

«Орден де Моле пытается дополнить то образование, которое дети получают дома, в церкви и в школе и таким образом лучше подготовить молодого человека к обязанностям гражданина, которые принадлежат ему по праву. Орден де Моле неизменно выступает против того, чтобы церковь, школа и гражданское общество объединялись под одной крышей. Он считает, что эти три Свободы являются основой величия нашей страны и должны стоять каждая на своем фундаменте и под отдельной крышей».

Насколько нам известно, ничего плохого о деятельности ордена де Моле сказать нельзя. Наоборот, он проводит достойную похвалы работу, предлагая более или менее разумные средства лечения характерных для Америки пороков, таких как агрессивный фундаментализм. Однако все это имеет далекое отношение к воинам и мистикам в белых мантиях, которые семь веков назад стремились своим мечом покорить небеса. Есть что-то от произведений Габриэля Гарсия Маркеса в самом существовании этой организации в сердце «средней Америки» – организации, призванной воспитывать личные и гражданские добродетели у молодого поколения, но названной в честь средневекового французского рыцаря, казненного за богохульство, ересь, содомию, колдовство и замешанного в других темных делах, которые способны ужаснуть даже Эвингов из Далласа, Каррингтонов из Денвера и всех порочных обитателей Пейтон-Плейс.

Майкл Бейджент, Ричард Ли

Основы американской свободы
(Из книги Т. Джефферсона «Заметки о штате Виргиния»)

Исторический очерк

Королева Елизавета своей грамотой, датированной 25 марта 1584 г., предоставила сэру Уолтеру Рэли право искать отдаленные варварские земли, не заселенные христианскими народами, и пожаловала ему в неограниченное наследственное владение все земли в пределах 200 лиг вокруг тех мест, где за 6 лет его люди должны построить свои жилища; королева лишь сохраняла за собой и своими наследниками их вассальную зависимость и одну пятую часть всей золотой и серебряной руды, которую они добудут.

Сэр Уолтер тотчас послал два корабля, которые посетили остров Уококон в Северной Каролине, а на следующий год отправил семь кораблей со 107 людьми, которые поселились на острове Роанок, находящемся приблизительно на широте 35°50'. Говорят, что здесь Окиско, вождь веопомеоков на совете своего народа признал себя вассалом королевы Англии и затем сэра Уолтера Рэли.

В 1586 г. была послана партия в 50 человек и в 1587 г. – в 150. С ними сэр Уолтер прислал губернатора, назначил ему двенадцать помощников, выдал им грамоту корпорации и приказал поселиться у Чесапикского залива. Они, однако, высадились у мыса Гаттерас.

В 1588 г., когда флот был готов к отплытию с новой партией колонистов и всем необходимым, королева задержала их, чтобы использовать их помощь против Испанской Армады. Сэр Уолтер, потративший к тому времени 40 000 фунтов на все эти предприятия, которым время от времени мешала корона, не получив от нее ни шиллинга помощи, оказался перед необходимостью убедить других людей рискнуть своими деньгами. Поэтому он актом, датированным 7 марта 1589 г., от имени сэра Уолтера Рэли, главного правителя Ассамакомока (возможно, Акомака), она же Вингадакойя, она же Виргиния, предоставил Томасу Смиту и другим, учитывая, что они рисковали определенными суммами денег, свободу торговли на своей новой территории и освобождение от всех пошлин и налогов на семь лет, за исключением пятой части добытой золотой и серебряной руды.

Он условился с ними и другими предпринимателями, находившимися тогда в Виргинии, что подтвердит грамоту корпорации, выданную в 1587 г. со всеми прерогативами, юрисдикцией и привилегиями, пожалованными ему королевой.

Сэр Уолтер в разное время послал туда еще пять других

пайщиков, последнего – в 1602 г., а в 1603 г. он сам был осужден и заключен в тюрьму, которая положила конец его заботам о своей молодой колонии. Какой была судьба тех колонистов, которых он прежде отправил и поселил в колонии: убили ли их, или они смешались с дикарями – об этом никогда и ничего не стало известно.

* * *

Несколько джентльменов и купцов, полагая, что с осуждением сэра Уолтера Рэли он лишился предоставленного ему пожалования, не выяснив тщательно, распространялся ли приговор английского суда на земли, находящиеся вне его юрисдикции, обратились к королю Якову с петицией о новом пожаловании им Виргинии. Он соответственно оформил пожалование Томасу Гейтсу и другим, датированное 9 марта 1607 г., по которому в тот же год у Джеймстауна было основано поселение, существующее с тех пор. Об этом пожаловании, однако, нет нужды упоминать особо, поскольку оно было заменено хартией того же короля от 23 мая 1609 г. графу Солсбери и другим, объединившей их под именем «Казначей и компания пайщиков и колонистов города Лондона для первой колонии в Виргинии», жаловавшей им и их наследникам все земли Виргинии от мыса Комфорт на двести миль к северу и на двести миль к югу вдоль побережья, а также все земли к западу и северо-западу от линии побережья, в глубь континента от моря до моря, и острова в пределах ста миль от берега, со всеми природными богатствами, юрисдикцией, доходами, прерогативами, привилегиями и правами в пределах этой территории и окрест нее по суше и по морю, в той полной мере, в какой прежде совершались такие пожалования.

Земельное держание учреждалось от имени короля и его наследников в форме обычного сокеджа с уступкой одной пятой части обнаруженной там золотой и серебряной руды в качестве обязательства личного держания. Для управления этим предприятием в Англии учреждался совет, члены которого должны были избираться и замещаться большинством голосов членов компании и пайщиков, имели право назначать и отзывать губернаторов, чиновников и священников, которые ими будут сочтены нужными для колонии, обладали полномочиями устанавливать законы и формы правления, имеющие силу не только в самой колонии, но также и на море, по пути к ней или из нее. Грамота разрешала им перевозить туда любых лиц,

согласившихся ехать в колонию, и освобождала их навсегда от пошлин и налогов на любые грузы или товары, ввозимые в колонию или вывозимые из нее, кроме пятипроцентной таможенной пошлины на все товары, ввозимые в британские владения, согласно старинному торговому обычаю. Заплатив только эти пять процентов, они могли в течение 13 месяцев реэкспортировать те же товары в чужие края без уплаты королю или любым его чиновникам и представителям всяких пошлин, налогов или других сборов.

Они получили полномочия вести войну против тех, кто будет досаждать им; жителям колонии предоставлялись все права естественных подданных, как если бы они родились и проживали в Англии. При этом указывалось, что эта хартия должна толковаться во всех допускающих сомнение пунктах к наибольшей выгоде лиц, получивших это пожалование.

Впоследствии, 12 марта 1612 г., другой грамотой король добавил к этим своим предыдущим пожалованиям все острова, находящиеся в любой части океана между 30 и 41 градусами широты и в пределах 300 лиг от любой части пожалованной ранее «Казначею и компании» территории, не принадлежащие или не заселенные каким-либо христианским государем или государством и не находящиеся в границах северной колонии.

Используя права, предоставленные компании этими грамотами, а особенно той частью хартии 1609 г., которая давала полномочия устанавливать форму правления, они 24 июля 1621 г. актом, скрепленным общей печатью, объявили, что отныне в Виргинии должно быть два высших совета. Первый будет называться Совет колонии и его состав будет время от времени определяться и замещаться казначеем, советом в Англии и компанией. Обязанностью его будет помогать и советовать губернатору. Второй совет будет называться Генеральной ассамблеей, созываться губернатором раз в году или чаще, и будет состоять из Совета колонии и двух представителей от каждого города, хандрид или плантации, избранных соответственно их жителями. Все вопросы в ней должны решаться большинством голосов присутствующих, за губернатором сохраняется право вето.

Членам ассамблеи предоставляется право рассматривать, обсуждать и решать все возникающие вопросы, касающиеся общего благосостояния, принимать для пользы колонии и управления ею законы, копирующие или максимально придерживающиеся законов и политики Англии – при условии, что эти законы не будут иметь силы до тех пор, пока они не будут ратифицированы общим квартальным собранием компании в

Англии и возвращены, скрепленные общей печатью, обратно. Провозглашалось, что после того, как управление колонии будет окончательно сформировано и установлено, никакие указы совета в Англии не будут обязательны для колонии, если они не ратифицированы названной Генеральной ассамблеей.

Вскоре король и компания поссорились. Смешением закона и силы последняя лишена была всех своих прав без какого-либо возмещения, хотя она потратила 100 000 фунтов на основание колонии без малейшей помощи от правительства. Прокламацией от 15 июля 1624 г. король Яков приостановил полномочия компании, а Карл I взял управление в свои руки. Обе стороны имели своих сторонников в колонии, но на деле население в целом считало, что этот спор его мало касается. Поскольку существовало три заинтересованных в этих нескольких хартиях стороны, считалось, что то, что происходило между первой и второй, могло не волновать третью сторону. Если король отбирал у компании власть, она лишь, не усиливаясь и не ослабевая, переходила в другие руки, а права народа оставались прежними. Но долго это не продолжалось. Земли в северной части колонии были пожалованы лордам Балтимору и Фэрфаксу, причем первый получил права самостоятельной юрисдикции и управления. А в 1650 г. парламент, считая, что он занимает положение низложенного короля и полностью унаследовал его власть, как в самом королевстве, так и вне его, начал присваивать себе право управления колониями, приняв закон, запрещающий им торговлю с другими странами.

Такая преемственность в использовании королевской власти породила первый случай парламентского вмешательства в дела колоний и создала тот роковой прецедент, которому парламент продолжал следовать и после того, как вернулся во всем остальном к исполнению присущих ему обязанностей.

* * *

Когда нашу колонию, которая все еще была в оппозиции к Кромвелю и парламенту, в 1651 г. принуждали сложить оружие, она предварительно особо закрепила свои наиболее существенные права в торжественном соглашении, которое я привожу дословно, по протокольным записям, поскольку оно никогда ранее не публиковалось.

«Статьи, на которые согласились и которые утвердили в Джеймстауне в Виргинии в связи с капитуляцией и подчинением

колонии правительству Английской республики комиссары Государственного совета по уполномочию парламента Англии и Большая ассамблея в составе губернатора, Совета и Палаты горожан этой колонии.

Первое. Согласовано и установлено, что колония Виргиния и все ее жители будут впредь находиться в должном подчинении у Английской республики в соответствии с существующими в ней законами и что это подчинение признается добровольным актом, не навязанным силой или принуждением в результате ее завоевания, и что они будут обладать и пользоваться такими же свободами и привилегиями, какие принадлежат свободнорожденным жителям Англии, и что прежнее управление колонией с помощью полномочий и инструкций не будет иметь законной силы.

Во-вторых, Большая ассамблея, как и прежде, будет собираться и решать дела Виргинии, не совершая никаких действий, направленных против правительства Английской республики и установленных в ней законов.

В-третьих, провозглашается всеобщее прощение и полная амнистия за любые действия, за устные или письменные высказывания против английского парламента.

В-четвертых, Виргиния сохраняет старые границы, установленные хартиями прежних королей и что с этой целью против всего, что может нарушить вытекающие из этого права, должно добиваться у парламента новой хартии.

В-пятых, все патенты на землю, пожалованные за печатью колонии любым предшествующим губернатором, остаются в силе.

В-шестых, право на получение пятидесяти акров земли за ввоз каждого поселенца в эту колонию будет, как и прежде, сохраняться.

В-седьмых, население Виргинии будет пользоваться свободой торговли так же, как ею пользуется население Англии повсюду и со всеми нациями согласно законам республики. Виргиния будет пользоваться всеми привилегиями наравне с любой английской колонией в Америке.

В-восьмых, Виргиния освобождается от всех налогов, пошлин, обложений и не может быть обложена никаким налогом без согласия Большой ассамблеи. Без ее согласия также не могут строиться форты, замки или содержаться гарнизоны.

В-девятых, с нее не будет взыскиваться средства на содержание прибывшего флота.

В-десятых, для поддержания в колонии должного порядка в будущем всем жителям будет предложено подписать Обязательство в соответствии с принятым с этой целью актом

парламента. Все, кто откажется подписать указанное обязательство, получат годичный срок для подготовки к отъезду, если они пожелают покинуть Виргинию со своим имуществом. В течение же этого года они будут, как и ранее, пользоваться равными с другими правами.

В-одиннадцатых, с согласия большинства приходов в течение упомянутого рода разрешается пользование «Книгой общего богослужения» при условии, что темы, имеющие отношение к королевской власти или правительству, не будут обсуждаться публично. Священники, если ими не будет совершено никаких проступков, продолжат занимать свои места, получать установленную плату, заключенные с ними соглашения будут выполняться в течение года так же, как это делается сейчас.

В-двенадцатых, ничей скот не должен считаться принадлежащим компании кроме скота, переданного ею кому-либо во временное пользование, или скота, которым распорядились без разрешения.

В-тринадцатых, все боеприпасы, порох и оружие, кроме необходимых для личного пользования, должны быть сданы, и за них получено возмещение.

В-четырнадцатых, все товары, уже доставленные сюда голландцами или другими людьми и выгруженные в настоящее время на берег, должны быть защищены от неожиданного захвата.

В-пятнадцатых, взимание с нас квитренты, установленное покойным королем на семь лет, будет продолжено.

В-шестнадцатых, комиссары парламента, подписавшие это соглашение, обязуются сами и честью парламента полностью его выполнять, а нынешний губернатор, Совет и депутаты также подписываются и обязуются со своей стороны за всю колонию.

Рич. Беннет – печать.

Уил. Клэйборн – печать.

Эдмонд Кертис – печать».

Это соглашение было подписано и скреплено печатями комиссаров Государственного совета за Английскую республику двенадцатого марта 1651 года».

* * *

Далее следуют статьи, сформулированные губернатором и членами Совета, относящиеся лично к ним и их собственности, а затем следующий документ.

«Акт об амнистии, заключенный при капитуляции колонии.

Властью парламента Англии мы, комиссары, назначенные Государственным советом и уполномоченные им, приведя флот и войска к городу Джеймс в Виргинии для приведения этой колонии в подчинение Английской республике, обнаружили собранные губернатором и колонией военные силы для оказания сопротивления упомянутому флоту, благодаря чему создавалась опасность разорения и разрушения колонии. Чтобы предотвратить это, из всех поселений были вызваны депутаты для совета и помощи в создавшемся положении. После длительного и серьезного обсуждения, отдавая должное печальным соображениям о грозящих всей колонии великих бедах и неизбежном ее разрушении, мы, упомянутые комиссары, сочли подобающим снизойти и подписать, собственноручно скрепив печатями и клятвенно подтвердив, соглашение, имеющее дату настоящего обсуждения. За сим мы провозглашаем, что властью парламента и Английской республики, возложенной на нас, их комиссаров, и в соответствии с соглашением в целом мы даруем акт об амнистии и прощении всех жителей колонии за все слова, действия или сочинения, высказанные, совершенные или написанные против парламента или Английской республики или какого-либо лица от сотворения мира по сегодняшний день. И сделали мы это с тем, чтобы все жители колонии могли жить в мире и безопасности под властью Английской республики. И мы обещаем, что парламент и Английская республика подтвердят и выполнят все эти совершенные нами акты.

Заверено нашими подписями и печатями 12 марта 1651 г.

Ричард Беннет – печать.

Уил. Клэйборн – печать.

Эдм. Кертис – печать».

Колония полагала, что этим торжественным соглашением, которое колонисты заключили с оружием в руках, они обеспечили старые границы своей колонии, свободу торговли, освобождение от налогов помимо принятых их собственной ассамблеей, и недопущение использования в колонии военной силы. Однако каждый пункт этого соглашения нарушался в последующее время королями и парламентами, совершались и другие, одинаково опасные, нарушения их конституции. Наша Генеральная ассамблея, состоявшая из Совета колонии и Палаты горожан, заседавших совместно и принимавших решения большинством голосов, была разделена на две палаты, при этом Совет получил право вето при принятии решений. Апелляции нашего высшего суда, которые по закону должны были рассматриваться нашей

Генеральной ассамблеей, произвольно передавались в Англию на рассмотрение короля и его совета. Протяженность колонии вдоль морского побережья за тридцать лет сократилась с четырехсот миль почти до ста. Торговля с иностранцами была полностью запрещена, а товары, доставлявшиеся в Великобританию, облагались там пошлинами.

Нет нужды, однако, приводить многочисленные примеры таких нарушений, рассыпанные по всей американской и британской истории, тем более, что, обратившись к правлению нынешнего короля, мы обнаружим образцы всех их, только умноженные и усугубленные, втиснутые в короткий промежуток времени, так что становится очевидным постоянное стремление рассматривать наши естественные права и права, обусловленные соглашениями и хартиями, как нечто несуществующее.

Вот краткое изложение первых пятнадцати лет его правления. Колонии облагались как внутренними, так и внешними налогами, их существенные интересы приносились в жертву интересам отдельных лиц в Великобритании, деятельность их легислатур приостанавливалась, хартии аннулировались, суды присяжных ликвидировались, подсудимые подлежали перевозке через Атлантику, а их дела – разбору перед чуждым судом; их просьбы о возмещении ущерба считались не заслуживающими ответа, в советах метрополии и европейских дворах они объявлялись трусами; чтобы заставить подчиниться подобному насилию, в них посылались войска и против них начинались настоящие боевые действия.

Никакой альтернативы не оставалось, кроме сопротивления или безоговорочного подчинения. Колебаний быть не могло. Колонии сплотил призыв к оружию. Они объявили себя независимыми штатами. Они объединились в одну большую республику, обеспечив этим каждому штату преимущества союза всех их сил. В каждом штате отдельно была установлена новая форма правления. В частности, наша в общих чертах выглядит следующим образом. Исполнительная власть находится в руках избираемого ежегодно губернатора, который не может находиться на этом посту более трех лет из каждых семи. Ему помогает совет из восьми членов. Судебная власть поделена между несколькими судами. Законодательная власть осуществляется двумя палатами ассамблеи. Одна, называемая Палатой депутатов, состоит из двух представителей от всех графств, избираемых ежегодно гражданами, владеющими пожизненно 100 акрами необжитой земли или земельным участком в 25 акров с домом на нем или имуществом в виде дома или участка земли в каком-нибудь городе. Другая палата – Сенат, состоящий из 24 членов,

избираемый раз в четыре года теми же избирателями, для чего образуются 24 округа. Для принятия закона необходимо согласие обеих палат. Палаты назначают губернатора и совет, судей высших судов, аудиторов, генерального прокурора, казначея, регистратора земельной конторы и делегатов в конгресс.

Поскольку урезание территории штата никогда не получало должного утверждения, а напротив, всегда было предметом протестов и жалоб, то для того, чтобы у нас в этом отношении никогда не могло быть колебаний и чтобы не нарушалась гармония нашей новой конфедерации, были ратифицированы уступки земель Мэриленду, Пенсильвании и обоим Каролинам.

Наши законы

Штат делится на графства. В каждом графстве назначаются должностные лица, называемые мировыми судьями, обычно числом от восьми до тридцати или сорока человек в зависимости от размера графства, из самых рассудительных и честных жителей. Они выдвигаются своими согражданами, но получают назначение от губернатора и работают без вознаграждения. Эти должностные лица осуществляют как уголовную, так и гражданскую юрисдикцию. Если стоящий перед ними вопрос является только вопросом права, они решают его самостоятельно; но если это вопрос установления самого факта или смешанный вопрос, требующий установления факта и применения права, он должен быть передан жюри присяжных.

В последнем случае, сочетающем правовую и фактическую сторону судебного разбирательства, присяжные заседатели обычно принимают решение об определении факта, возникающий при этом вопрос права передают на рассмотрение судей. Но такое разделение производится только по их усмотрению. И если дело касается каких-либо вопросов общественной свободы или окажется таким, в котором судьи могут быть заподозрены в предвзятости, жюри присяжных берет на себя решение как по вопросу права, так и по установлению самого факта. Если они допустят ошибку, примут противоречащее праву решение, это будет лишь случайностью, это менее опасно для штата и наносит меньше ущерба проигравшему, чем если бы такое решение было проявлением регулярно и единообразно работающей системы. Поистине лучше решить дело, бросив монету и загадав на орла или решку, чем предоставлять его решению судьи, сознание которого при рассмотрении этого случая находится под влиянием какого-то побудительного мотива. Но здравый смысл двенадцати честных мужчин дает все же больше шансов на справедливое решение, чем рискованное загадывание орла или решки.

Эти судьи отправляют свои обязанности с помощью шерифа или коронера графства либо с помощью констеблей, назначенных ими самими. Если какой-нибудь свободный человек совершит преступление против общественных интересов, и если оно ниже степени тяжкого преступления, этот человек обязан по закону предстать перед мировым судьей, чтобы ответить по обвинению или жалобе. Если преступление носит тяжкий характер, его заключают в тюрьму, созывают заседание суда из мировых судей; если они при ознакомлении с данными следствия сочтут его виновным, обвиняемого отправляют в тюрьму генерального суда,

и в этом суде он должен сначала предстать перед большим жюри из 24 присяжных, из которых 13 должны быть единодушны в своем суждении. Если они признают его виновным, тогда его дело будет слушаться жюри из 12 присяжных того графства, где было совершено преступление. По их вердикту, который должен быть единодушным, его оправдают или осудят без права апелляции. Если преступником окажется раб, разбирательство в суде графства является окончательным. Во всех случаях, однако, кроме государственной измены, губернатору принадлежит право помилования. В случае государственной измены помилование может исходить только от генеральной ассамблеи. В гражданских делах мировые судьи осуществляют юрисдикцию в отношении всех исков, оцениваемых в любую сумму, кроме тех, что относятся к компетенции суда адмиралтейства. Эта юрисдикция осуществляется в двух формах. Если предмет спора оценивается менее чем в 4 1/6 доллара, дело может быть рассмотрено одним членом суда в любое время и в любом месте в пределах графства, и судья может вынести решение о возмещении судебных издержек за счет имущества стороны, присужденной к уплате ущерба. Если иск равен этой сумме или превышает ее, дело решается судом графства, состоящим из четырех по меньшей мере таких судей и собирающимся каждый месяц в определенный день в здании суда графства. После его решения, если сумма иска оценивается в десять фунтов стерлингов или касается права собственности на землю либо земельных границ, право рассматривать апелляцию принадлежит одному из высших судов.

В штате существует три суда высшей инстанции, а именно – высокий канцлерский суд, генеральный суд и суд адмиралтейства. Первый и второй суды принимают апелляции по делам из судов графства, а также имеют первоначальную юрисдикцию над делами, в которых предмет спора оценивается от десяти фунтов стерлингов и выше или касается права собственности на землю или границ земельных владений. Юрисдикция судов адмиралтейства полностью первоначальная. Высокий канцлерский суд состоит из трех судей, генеральный суд – из пяти и суд адмиралтейства – из трех. Первые два проводят свои заседания в Ричмонде в установленное время, канцлерский суд – дважды в год, генеральный суд – дважды в год, по делам гражданским и уголовным, и еще дважды – только по уголовным. Суд адмиралтейства заседает в Вильямсберге по мере необходимости.

Есть один верховный суд, называемый апелляционным судом, состоящий из судей трех судов высшей инстанции и собирающийся дважды в год в установленное время в Ричмонде.

Этот суд принимает апелляции по всем гражданским делам из всех высших судов и решает их окончательно. Но он не имеет права первоначальной юрисдикции.

Если спор возникает между двумя иностранцами из союзной Соединенным Штатам страны, он разрешается консулом этого государства или, по желанию обеих сторон, в обычных судах. Если же таким иностранцем является только один из участников разбирательства, дело подсудно судам штата. Но если дело назначается к слушанию в суде графства, иностранец может перенести его в генеральный суд или канцлерский суд, и там его должны решить на ближайших заседаниях, точно так же, как должны были бы сделать, если бы оно было и начато в этих судах. Если дело касается их жизни и смерти, иностранцы имеют право на суд присяжных, в котором половина жюри – иностранцы, а другая – местные жители.

Все государственные счета улаживаются советом аудиторов, состоящим из трех членов, назначаемых Генеральной ассамблеей, для решения достаточно участия двух из них. Но лицо, не удовлетворенное определением этого совета, может передать свое дело в соответствующий суд высшей инстанции.

* * *

Генеральная ассамблея была учреждена, как уже говорилось, на основании грамоты от 9 марта 1607 г., 4-го года царствования Якова Первого. Законы Англии были, вероятно, приняты здесь с согласия поселенцев, которое могло быть достаточно легко получено, пока их было немного и жили они все вместе. Однако у нас нет никакого другого доказательства их принятия, кроме практики их применения, вплоть до 1661 г., когда они были специально приняты актом ассамблеи, за исключением тех, которые из-за «различия условий» представлялись ей непригодными. По этому акту в судах нашего судоустройства стало действовать правило: обычное право Англии и общие статуты, принятые до 4-го года царствования короля Якова, были здесь в силе закона, но последующие статуты в силу не вступали, – «если мы не были в них названы», – говорили судьи и другие приверженцы короны, но – «названы или не названы, не имеет значения», – говорили те, кто мыслил свободно. Нет необходимости пытаться описывать законы Англии, поскольку все это можно найти в английских публикациях. К тем английским законам, которые были установлены здесь актом принятия их легислатурой, с тех пор был добавлен ряд актов ассамблеи,

принятых в период монархии, и постановлений конвента и актов ассамблеи, принятых после установления республики. Возможно, стоит отметить следующие отличия от британской модели.

Должники, неспособные выплатить свои долги, но честно отдавшие все, что имеют, выпускаются из заключения и навсегда освобождаются от заключения в тюрьму за свой предыдущий долг. Однако любое имущество, которое они смогут впоследствии нажить, будет подлежать распоряжению их кредиторов.

Бедняки, неспособные содержать себя, существуют на средства от налога с лиц, облагаемых церковной десятиной в их приходе. Этот налог взимается и распределяется в каждом приходе двенадцатью лицами, членами приходского совета – первоначально они избирались домовладельцами прихода, а впоследствии стали замещать вакансии в своем совете по собственному выбору. Обычно это самые рассудительные фермеры, выбранные так по месту жительства в приходе, что каждая часть его находится под непосредственным присмотром одного из них. Они хорошо знают все детали и экономику частной жизни и, чтобы хорошо исполнять свои обязанности, находят достаточно стимулов в своем человеколюбии, в одобрении своих соседей и почете, который дает им их положение.

Бедняки, у которых нет ни собственности, ни друзей, ни сил для работы, имеют пансион в домах зажиточных фермеров, которым ежегодно выплачивается установленная сумма. Те, у кого есть возможность кое-как прокормиться самим или у кого есть друзья, оказывающие некоторую помощь, недостаточную, однако, для полного их обеспечения, получают дополнительное вспомоществование, которое дает им возможность с уютом жить в своем доме или в доме своих друзей.

Бродяги, явно не имеющие ни собственности, ни профессии, помещаются в работные дома, где их обеспечивают жильем, хорошо кормят, одевают и заставляют трудиться. Примерно таким же образом обеспечиваются бедняки во всех наших штатах, и от Саванны до Портсмута вы редко встретите нищего. В крупных городах, действительно, они иногда встречаются. Обычно это приезжие иностранцы, так и не сумевшие поселиться ни в одном из приходов. До сих пор я не видел ни одного коренного американца, просящего подаяние на улицах или дорогах. У нас легко добыть себе пропитание. Но если, к несчастью, люди оказываются зависимыми от благотворительности этого мира, то милости, оказываемые их собственной округой, настолько достаточны и надежны, что они и не думают отказываться от них, чтобы стать бродячими нищими.

Если они болеют, им тоже гораздо лучше находиться в семье хорошего фермера, – где каждый стремится оказать им добрую услугу, где их навещают все соседи, приносящие всякие маленькие гостинцы, какие только может пожелать аппетит больного человека, и которые поочередно дежурят по ночам у их постелей, когда это требует их состояние, – чем в общей больнице, где больные, умирающие и мертвые теснятся в одной палате, а зачастую и в одной постели. Недостатки общих больниц настолько велики, что их никогда не сможет уравновесить то, что дают здесь медицина, лекарства и режим. Природа и хороший уход спасают гораздо больше в нашей бесхитростной жизни, и с меньшими затратами, с меньшими злоупотреблениями. Нам нужен лишь один вид больницы – для трудных случаев хирургического лечения. Польза, приносимая этим искусством, несомненна. Но каждый приход не может иметь способного, хирурга. Поэтому для больных, нуждающихся в таком хирургическом лечении, должно быть создано специальное учреждение, но другие больные в него не должны приниматься.

* * *

Браки должны заключаться либо по специальному разрешению, выдаваемому первым должностным лицом графства по получении согласия родителя или опекуна любой из вступающих в брак сторон, не достигшей совершеннолетия, либо после официального оглашения во время трех воскресных богослужений в тех приходах, где проживают бракосочетающиеся. Церемонию бракосочетания может проводить священник любой христианской церковной общины, которому ранее было выдано на это разрешение судом графства. Квакеры и меннониты, однако, освобождаются от всех этих условий и бракосочетание между ними должна производить сама община.

Гражданин любой страны, не находящийся в состоянии открытой войны с нами, получает натурализацию, переехав в наш штат, чтобы здесь жить, и приняв присягу верности, получает все права гражданства. Граждане могут отказаться от этих прав, объявив в официальном документе или на открытом судебном заседании, что они собираются эмигрировать и не являются больше гражданами этого штата.

Передача земельных владений должна регистрироваться в суде графства, в котором они находятся, или в генеральном суде. В противном случае они поступают в распоряжение кредиторов и последующих покупателей.

Рабы, как и земли, передаются по наследству и в приданое. Наследник, получивший наследство от родителя, обязан выплатить деньгами равную долю его стоимости каждому из своих братьев и сестер.

Рабы, как и земли, наследовались в период монархии без права отчуждения; но по закону, принятому первой республиканской ассамблеей, все лица, вступающие в настоящее время и в будущем во владение таким имуществом, наделялись неограниченным правом распоряжения наследством.

Переводные векселя, будучи опротестованными, приносят 10 процентов дохода со времени, обозначенного датой их подписания.

Во всех других случаях никому не разрешается взимать более пяти процентов годовых с денежных займов.

Долги, сделанные в азартных играх, считаются недействительными, и деньги, фактически выплаченные в погашение таких долгов (если они превышают 40 шиллингов), могут быть получены обратно плательщиком в течение трех месяцев, или любым другим лицом – позднее.

Табак, мука, говядина, свинина, смола, деготь и скипидар должны досматриваться официально назначенными лицами, прежде чем будут экспортированы.

Сооружение железоделательных мастерских и заводов поощряется многими привилегиями. Однако принимаются необходимые меры предосторожности, чтобы заводские плотины не мешали судоходству по водным путям. Генеральная ассамблея несколько раз выражала свое сильное желание поддержать открытие для судоходства больших водопадов на реках Джеймс и Потомак. Но пока ни одно из них не состоялось.

Законы также обратились к сохранению и улучшению пород полезных животных, таких как лошади, коровы, олени; к истреблению вредных, таких как волки, белки, вороны, черные дрозды; и к защите наших граждан от инфекционных заболеваний, обязав приходящие в наш штат подозрительные суда соблюдать карантин и установив для лиц с такими заболеваниями определенные правила на территории штата.

В самые ранние времена жизни нашего поселения земли приобретались через подачу прошения в Генеральную ассамблею. Если земли, на которые подавалось прошение, уже не принадлежали индейцам, и ассамблея считала прошение обоснованным, то после голосования она передавала право собственности на землю просителю. Но если земли еще принадлежали индейцам, просителю надо было сначала выкупить у них право владения землей. Ассамблея проверяла этот выкуп,

опрашивая индейских владельцев. Убедившись в достоверности и честности сделки, она переходила к рассмотрению обоснованности прошения и его согласованности с земельной политикой, а затем в соответствии с результатом удовлетворяла или отклоняла его. Компания также время от времени, хотя и очень редко, жаловала земли независимо от Генеральной ассамблеи.

С ростом колонии и увеличением числа индивидуальных прошений о предоставлении земель оказалось, что рассмотрение прошений и оформление пожалований в каждом отдельном случае занимает у ассамблеи слишком много времени. Поэтому она решила, что лучше установить общие правила, в соответствии с которыми должны производиться все земельные пожалования, а их оформление, согласно этим правилам, предоставить губернатору. И такие законы, обычно называемые земельными законами, были ею приняты. Время от времени, по мере того как проявлялись их недостатки, ассамблея вносила в них поправки. В соответствии с этими законами, когда какое-нибудь лицо желало получить участок свободной земли, оно должно было должным образом определить его местонахождение и размежевать его с помощью назначенного для этой цели государственного чиновника. Ширина участка должна была находиться в определенном соотношении с его длиной. Пожалование оформлялось губернатором, а земли подлежали обработке определенным образом в установленный срок. Из этих правил проистекало исключительное и монопольное право штата осуществлять передачу земельных прав индейцев, поскольку в соответствии с этими правилами передача прав самими индейцами не могла дать человеку никаких прав, которые признавались бы законами.

Колония или корона с тех пор совершали время от времени значительные приобретения прав на земли у индейцев, и губернатор разделял их на участки специальными пожалованиями в соответствии с описанными выше правилами, пренебречь которыми не было ни в его власти, ни во власти короны. Пожалования, не имевшие надлежащих правовых оснований, регулярно отклонялись scire facias или иском канцлерского суда. Со времени образования нашего нового правительства этот порядок почти не изменился. Лицо, пожелавшее приобрести еще никому не принадлежащие земли, платит государственному казначею денежную сумму, соразмерную количеству земли, которое оно хочет приобрести. Расписку казначея это лицо передает аудиторам государственных расходов, которые вносят эту сумму в дебет казначея и

предписывают регистратору земельной конторы выдать покупателю ордер на его земли. С этим ордером новый владелец идет к землемеру графства, в котором находятся земли, которые он хочет приобрести. Землемер размечает их для него, дает их точное описание в виде сертификата, который он возвращает в земельную контору, где предоставление земли оформляется и затем подписывается губернатором. Этот документ наделяет его полным правом владения землей, которое может быть передано тому, кому пожелает владелец, по акту или завещанию, или по наследству его наследникам, если он умрет, не оставив завещания.

* * *

Поскольку многие законы, действовавшие во времена монархии, соответствовали лишь этой форме правления или включали принципы, несовместимые с республиканскими, первая ассамблея, собравшаяся после установления республики, назначила комитет по пересмотру всего свода законов с тем, чтобы привести его в надлежащую форму и к меньшему объему, а затем доложить ассамблее. Эта работа была выполнена тремя джентльменами и доложена ассамблее, но, вероятно, по-настоящему к ней не вернутся до тех пор, пока восстановление мира не предоставит легислатуре достаточно времени для выполнения этой работы.

План пересмотра был следующим. Общее право Англии, под которым подразумевается та часть английского права, которая предшествовала древнейшему из дошедших до нас статутов, послужило для этой работы основой. Считалось рискованным пытаться свести его к какому-то тексту. Поэтому решено было сохранить порядок обычного обращения к памятникам общего права. Необходимые изменения в нем, как и во всем своде британских статутов, а также в актах ассамблеи, которые считалось целесообразным сохранить, были кратко изложены в 126 новых актах, в которых, насколько это оказывалось возможным, стремились к простоте стиля. Наиболее значительные из предложенных изменений следующие.

Изменить права наследования с тем, чтобы земли любого лица, не оставившего после своей смерти завещания, делились бы поровну между его детьми или другими родственниками.

Распределять рабов подобно прочему движимому имуществу между ближайшими родственниками.

Получать деньги на все общественные расходы, будь то

расходы общей казны, церковного прихода или графства (как то: помощь бедным, строительство мостов, зданий местных органов управления и т. п.) из средств, полученных от налогообложения граждан пропорционально их собственности.

Нанимать подрядчиков для ремонта общественных дорог и возмещать ущерб лицам, по землям которых будут проложены новые дороги.

Определить четко правила, по которым подданные другого государства могут стать гражданами и граждане – стать подданными другого государства.

Установить религиозную свободу на самой широкой основе.

Освободить всех рабов, родившихся после принятия настоящего акта. В самом законопроекте, о котором докладывали члены комитета, этого предложения не было; но была подготовлена поправка, содержащая это предложение, для представления легислатуре при принятии законопроекта. Кроме того, указывалось, что эти дети рабов должны оставаться со своими родителями до определенного возраста, затем – приобщаться за государственный счет к обработке земли, ремеслам или наукам в соответствии с их способностями.

По достижении лицами женского пола восемнадцати лет и мужского – двадцати одного года их следует поселить как колонистов в таком месте, которое в этот момент окажется наиболее подходящим. Нужно обеспечить их оружием, домашней утварью и орудиями труда, семенами, парой полезных домашних животных и т. п., признать их свободными и независимыми людьми и предоставить им нашу помощь и защиту, пока они не станут достаточно самостоятельными. В то же время необходимо отправить суда в другие части света за равным количеством белых поселенцев и побудить их переселиться сюда, предложив соответствующее вознаграждение.

* * *

Можно спросить: «Почему бы не принять этих чернокожих в число граждан штата, сэкономив таким образом на расходах, связанных с доставкой белых поселенцев для заполнения освобождаемых ими вакансий?» Глубоко укоренившиеся среди белых предрассудки, десятки тысяч воспоминаний о несправедливостях и обидах, перенесенных черными, новые обиды, реальные различия, созданные самой природой, и многие другие обстоятельства будут разделять нас на два лагеря и вызывать потрясения, которые, возможно, кончатся только

истреблением одной или другой расы.

К этим политическим возражениям можно добавить еще другие, физического и морального порядка. Первое различие, которое поражает нас, это цвет кожи. Заключены ли причины черноты негра в клетчатке между внутренним слоем кожи и ее роговым слоем или в самом роговом слое, зависят ли они от цвета крови, цвета желчи или от цвета других секреций – это различие закреплено природой и настолько реально, как если бы его причины и основания были нам хорошо известны. А имеет ли это различие какое-нибудь значение? Не наделяет ли оно большей или меньшей долей красоты эти расы? Не является ли тонкое смешение красного и белого, способность выражать любую страсть и чувство усилением или ослаблением цвета лица у людей одной расы, предпочтительнее того вечного однообразия лиц, той неснимаемой черной вуали, что скрывает эмоции людей другой расы? Добавьте к этому ниспадающие волосы, более изящную симметрию форм, собственное мнение чернокожих – их предпочтение в пользу белых, выраженное с таким же единодушием, с каким орангутанг предпочитает черных женщин особям своего вида.

Считается, что соображения красоты достойны внимания при разведении наших лошадей, собак и других домашних животных, почему же это не должно касаться и человека?

Помимо отличий в цвете кожи, в строении фигуры и волос есть и другие физические отличия, подтверждающие различие рас. У них меньше волос на лице и теле. У них меньше выделений идет через почки, и больше – через кожные железы, из-за чего от них исходит сильный неприятный запах. Из-за сильного потоотделения по сравнению с белыми они лучше переносят жару и хуже – холод. Возможно также, что различия в строении органов дыхания, которые, как установил покойный талантливый экспериментатор, являются основным регулятором температуры тела животных, лишают их возможности при вдохе поглощать определенное количество влаги из наружного воздуха или больше отдавать ее при выдохе.

Похоже, что им нужен менее продолжительный сон. После дня тяжелой работы чернокожий ради какого-нибудь легкого развлечения будет бодрствовать до полуночи, а то и больше, зная, что ему надо быть на ногах с рассветом. Смелостью они по крайней мере не уступают белым и более склонны к риску. Но, возможно, это происходит от недостатка предусмотрительности, из-за чего они не видят опасности вплоть до ее появления. В опасной ситуации они не ведут себя хладнокровнее и тверже белых.

Они более пылки в отношениях с женщинами, но их любовь больше похожа на страстное желание, чем на тонкое, нежное переплетение чувств и ощущений. Горе их скоротечно. Они легче переживают и скорее забывают те бесчисленные несчастья, из-за которых нам становится неясным, дают ли небеса нам жизнь из милости или во гневе. В целом, по-видимому, в их жизни больше участвуют чувства, чем разум. Этим должна объясняться их склонность ко сну в периоды, когда они не заняты развлечениями или работой. Животное, тело которого находится в покое и которое не размышляет, конечно, должно быть склонным ко сну.

Когда я сравниваю их память, воображение и умственные способности с памятью, воображением и умом белых, мне кажется, что память у них одинаковая с нами, но умственными способностями они намного уступают белым – так что, я думаю, с трудом можно будет найти негра, способного изучить и понять исследования Евклида. Воображение у них тусклое, безвкусное и аномальное.

Необходимо сделать большие поправки на различие жизненных условий, воспитания, языка и окружающей среды. Миллионы их были привезены в Америку, и миллионы их родились здесь. Действительно, большинство их было принуждено лишь обрабатывать землю, вести жизнь, ограниченную лишь своим домом и обществом себе подобных. И все же многие из них находились в таких условиях, что могли беседовать со своими хозяевами, многие были обучены ремеслу и в силу этого постоянно общались с белыми. Некоторые из них были воспитаны в либеральном духе, и все они жили в таких местах, где в значительной степени были развиты искусства и науки и где перед их глазами были образцы лучших заграничных работ.

Индейцы, хотя и не имели таких благоприятных возможностей, часто на своих трубках вырезают фигурки, не лишенные художественного замысла и достоинств. Они рисуют животных, растения, пейзажи, как бы доказывая существование у них задатков, которые нуждаются только в развитии. Они изумляют вас вспышками самого высокого ораторского искусства, как бы подтверждая силу их ума и чувств, яркость и возвышенность их воображения. Но до сих пор я ни разу не смог обнаружить, чтобы чернокожий высказал мысль выше уровня простого пересказа, не видел у них ни малейших признаков существования искусства живописи или скульптуры. Музыкально они, как правило, более одарены, чем белые, обладают хорошим слухом и чувством ритма, установлено, что они способны сочинить простой мотив. Окажется ли им под силу сочинение

более сложных мелодий и композиций, еще не доказано.

К нашему стыду следует сказать, что, хотя в течение полутора веков перед нашими глазами находились люди, относящиеся к расам чернокожих и краснокожих людей, мы никогда не рассматривали их с точки зрения естественной истории. Поэтому я высказываю только как догадку, что чернокожие, независимо от того, были ли они первоначально отдельной расой или время и обстоятельства выделили их, уступают белым по умственным и физическим способностям.

Предположение о том, что различные виды одного и того же рода или разновидности одного и того же вида могут обладать различными качествами, не противоречит опыту. Тогда не простит ли любитель естественной истории, рассматривающий градации во всех расах животного мира глазами философа, попытку соблюсти эти градации в отношении человеческого рода такими же отчетливыми, какими их создала природа? Это злополучное различие в цвете и, возможно, в способностях является огромным препятствием для эмансипации этого народа.

Многие защитники этих людей, желая отстоять свободу человеческой природы, стремятся также защитить ее достоинство и красоту. Некоторые из них, будучи озадачены вопросом: «Что же делать с ними дальше?» – объединяются в оппозицию к тем, кто движим лишь омерзительной алчностью. У римлян эмансипация требовала лишь одного необходимого усилия. Раб, будучи освобожден, мог смешиваться со свободными людьми, и при этом не считалось, что он может осквернить кровь своих хозяев. Но у нас нужно еще и другое, неизвестное в истории: После освобождения раб должен быть лишен возможности смешиваться с белыми.

* * *

Возвращаюсь к основаниям наших законов. Другой целью пересмотра системы законов является более широкое распространение знаний среди массы народа. Настоящий законопроект предлагает разделить каждое графство на небольшие округа в пять или шесть квадратных миль, называемых «сотни», и в каждом из них основать школу для обучения чтению, письму и арифметике. Учителя должна содержать «сотня», и каждый ее житель имеет право посылать своих детей в школу на три года бесплатно и на более продолжительный срок по своему желанию – за деньги. Эти школы должны находиться под наблюдением инспектора, который ежегодно отбирает наиболее

одаренных мальчиков из числа тех, чьи родители слишком бедны, чтобы дать им дальнейшее образование, и направляет их в одну из средних школ; двадцать таких школ предполагается создать в различных частях штата для обучения греческому языку, латыни, географии и высшим разделам числовой арифметики. Среди мальчиков, отобранных таким путем, ежегодно или раз в два года в средних школах должны проводиться испытания, и самый одаренный из всех продолжит обучение в течение шести лет, а остальные будут отпущены домой. Таким образом, двадцать самых одаренных будут каждый год выбираться при просеивании «пустой породы» и получать за государственный счет знания в объеме средней школы.

После шести лет обучения половина их на этом и остановится (из их числа, вероятно, будут пополняться новыми учителями средние школы), а другая их половина, отобранная за способности и наклонности, должна продолжать в течение трех лет изучение тех наук, которые они изберут, в колледже Уильяма и Мэри, программу которого, как будет показано дальше, предполагается расширить и включить в нее все полезные науки. Конечным результатом всей этой системы образования будет обучение всех детей чтению, письму и элементарной арифметике; ежегодный отбор десяти наиболее одаренных детей, хорошо обученных греческому, латыни, географии и высшим разделам арифметики; отбор ежегодно десяти других, еще более способных, которые к этим знаниям добавят знание тех наук, к которым приведет их одаренность; предоставление зажиточной части населения хороших школ, где их дети могут обучаться за свой счет. – Основная цель этого закона заключается в предоставлении образования всем с учетом возраста, способностей и материальных условий каждого и направленного на достижение ими счастья и свободы.

Отдельные детали не следует рассматривать в законе. Это должно быть делом инспекторов, ответственных за его исполнение. Поскольку первым этапом этой системы образования будут школы «сотен», где будут обучаться большие массы народа, принципиальные основы будущего порядка жизни будут здесь и закладываться. Поэтому, вместо того чтобы вкладывать в руки детей Библию и Евангелие в возрасте, когда их мышление еще не созрело для религиозных исканий, их память следует здесь загружать наиболее важными фактами из греческой, римской, европейской и американской истории.

Кроме того, здесь в их умах можно утвердить первые основы нравственности, – те, которые в дальнейшем, по мере того как их взгляды будут крепнуть и развиваться, смогут научить их

добиваться своего величайшего счастья, показывая, что оно не зависит от условий жизни, в которых они оказались волей случая, а всегда является результатом чистой совести, крепкого здоровья, трудолюбия и свободы во всех справедливых устремлениях.

Те, кому на средства родителей или за государственный счет будет суждено продолжить образование, будут обучаться в средних школах, представляющих собой следующую ступень, где они будут изучать языки. Мне известно, что в Европе изучение греческого и латинского языков выходит из практики. Я не знаю, чем это объясняется, но для нас было бы весьма неразумно последовать этому примеру. В жизни человека существует определенный период, примерно от восьми до пятнадцати-шестнадцати лет, когда его разум, так же как и тело, еще недостаточно окрепли для напряженного и интенсивного труда. Если в этом возрасте человека перегружать, он вскоре становится жертвой преждевременного напряжения. Вначале эти молодые и нежные существа выглядят как взрослые, что лестно, когда они еще лишь дети; но кончается все это тем, что они деградируют до состояния детей в том возрасте, когда должны уже быть взрослыми. В этот период память наиболее восприимчива и цепко схватывает впечатления. А поскольку изучение языков в основном требует работы памяти, представляется целесообразным именно в этот достаточно продолжительный период в точном соответствии с человеческими способностями овладевать наиболее полезными языками, как древними, так и современными.

Я не хочу сказать, что язык – это наука. Это лишь средство овладения наукой. Время, затраченное на подготовку инструментов для будущей работы, не потеряно, в особенности потому, что в этом случае книги, вложенные в руки юношей с целью изучения языков, могут одновременно обогащать их умы полезными фактами и хорошими принципами. Безделье в этот период ведет к тому, что ум становится вялым и слабым, каким может стать и тело, если его не тренировать в этом возрасте. Разум и тело во время своего развития, расцвета и упадка находятся в слишком строгом и очевидном согласии; это следует помнить, чтобы не возникала опасность ошибки при переходе от рассуждений о разуме к рассуждениям о теле.

Предполагается, что по достижении должного возраста, ученики из средних школ перейдут в университет, который составляет нашу третью и последнюю ступень образования, где они будут изучать науки, отвечающие их склонностям. Мы надеемся, что наш проект в той его части, которая предусматривает отбор одаренной молодежи из бедных слоев населения, предоставит на пользу государству те таланты,

которыми природа щедро наделила как бедных, так и богатых, но которые гибнут напрасно, если их не отыскивать и не развивать.

* * *

Нет у этого закона цели более важной и более правомерной, чем надежно оградить людей от опасностей, поскольку они являются в конечном счете сами стражами своей собственной свободы. С этой целью, как уже было отмечено выше, предлагается, чтобы все чтение в школе на первой стадии, когда люди получают основы образования, было в основном историческим. Давая знания о прошлом, история позволяет людям судить о будущем; она дает им возможность пользоваться опытом других времен и других народов; она делает их судьями поступков и помыслов людей; она учит распознавать честолюбие, под какой бы маской оно ни скрывалось, и, распознав его, срывать его замыслы. Любому существующему в мире правительству присущи некоторые черты человеческой слабости, зародыши коррупции и вырождения, которые человеческая хитрость сумеет обнаружить, а испорченность – незаметно найти к ним доступ, поощрять их, использовать и развивать. Любое правительство деградирует, если оно вверено лишь правителям народа. Именно сам народ является единственным надежным хранителем власти и правительства. И как раз, чтобы сделать людей надежными, необходимо до определенной степени усовершенствовать их сознание. Это, конечно, не все, что необходимо, хотя и существенно важно. Поправка к нашей конституции должна в этом помочь народному образованию.

Все люди должны оказывать влияние на правительство. Если каждый из тех, кто составляет народ, будет в конечном счете обладать властью, правительство будет в безопасности, потому что для того, чтобы вся масса народа подвергалась коррупции, не хватит никаких частных средств, а народные деньги не могут быть получены иначе, как путем взимания налогов с населения. В этом случае каждый вынужден был бы сам себя покупать. Правительство Великобритании подверглось коррупции потому, что лишь один человек из десяти имеет право избирать членов парламента. Поэтому те, кто торгует услугами правительства, получают чистыми девять десятых назначенной ими цены. Полагают, что коррупцию можно сдержать предоставлением избирательного права лишь небольшой, наиболее зажиточной части населения. Но коррупция была бы ограничена еще эффективнее, если бы это право было расширено и предоставлено

столь многим людям, что коррупции было бы с ними не справиться.

И наконец, в билле, который также предлагается в этом проекте пересмотра законов, предусматривается приступить к созданию публичной библиотеки и галереи, выделяя ежегодно определенную сумму денег на приобретение книг, картин и скульптур.

Религия

Первыми поселенцами были эмигранты из Англии, последователи англиканской церкви, как раз того времени, когда ею была одержана полная победа над верующими всех других исповеданий. Получив право издавать, применять и исполнять законы, они проявили ту же нетерпимость в здешних местах, как и их собратья-пресвитериане, переселившиеся в северные колонии. Бедные квакеры бежали из Англии от преследований. Они с надеждой смотрели на эти новые земли как на убежище гражданской и религиозной свободы; но они нашли их свободными лишь для правящей секты. По ряду актов ассамблеи Виргинии 1659, 1662 и 1693 гг. стали подлежать уголовному наказанию родители, отказавшиеся крестить своих детей; запрещались, как незаконные, собрания квакеров; подлежали уголовному наказанию капитаны любых судов, доставивших квакеров в штат; предписывалось тех квакеров, которые уже находились здесь, и тех, которые могли приехать впоследствии, заключать в тюрьму до тех пор, пока они не отрекутся от своих убеждений; определялось сравнительно мягкое наказание за их первое и второе возвращение, но смертная казнь – за третье; запрещалось всем лицам разрешать их собрания в своих домах или вблизи них, принимать их у себя лично или распространять книги, защищающие их догматы. Если здесь и не было казней в противоположность Новой Англии, то не из-за терпимости церкви или особого настроения легислатуры, как можно заключить из самого закона, а в силу исторических обстоятельств, о которых нам ничего не рассказано. Англикане сохраняли свое полное господство в штате на протяжении почти целого столетия. Затем к нам начали проникать иные взгляды, а постоянное стремление правительства поддерживать свою церковь порождало равную степень праздности в духовенстве. И к началу нынешней революции две трети населения стали диссидентами. Законы по отношению к ним действительно все еще были деспотическими, но настроения одной стороны стали умеренными, а другой – достигли уровня твердой решимости, внушавшей уважение.

В настоящее время состояние нашего законодательства по вопросам религии таково. Майский конвент 1776 г. в своей декларации прав провозгласил истиной и естественным правом человека свободу вероисповедания, но когда на основе этой декларации приступили к изданию постановления о форме правления, то вместо того чтобы принять все принципы, провозглашенные в Билле о правах, и защитить их

законодательной санкцией, просто обошли молчанием все то, что защищало наши права в отношении религии, оставив все как было прежде. Тот же конвент, однако, когда он собрался как Генеральная ассамблея в октябре 1776 г., отменил все акты парламента, по которым считалось преступным отстаивать какие-либо иные религиозные взгляды и отправлять любого иного вида богослужения, воздерживаться от посещения англиканской церкви; было приостановлено действие законов, по которым духовенству выплачивалось жалование и они были отменены полностью в октябре 1779 г. Таким образом, поскольку узаконенные притеснения в вопросах религии были устранены, у нас остались теперь лишь те притеснения, которые установлены общим правом или собственными актами нашей ассамблеи. По общему праву, ересь считалась тяжким преступлением, каравшимся сожжением. Определение ереси предоставлялось церковным судьям, которым давалось право обличения в этом грехе до тех пор, пока 1-й акт первого года царствования Елизаветы не ограничил такой порядок, объявив, что ничто не должно считаться ересью, кроме того, что было установлено в качестве таковой авторитетом канонического священного писания, или одним из четырех первых церковных соборов, или каким-либо другим собором, имеющим в качестве основания своего решения ясно выраженные и недвусмысленные высказывания священного писания. Поскольку ересь в ограниченном таким образом понимании по общему праву, считается преступлением, 17-й акт нашей ассамблеи, принятый в октябре 1777 г., обращает на это внимание генерального суда, объявляя, что юрисдикция этого суда распространяется на все вопросы общего права. Судебное постановление выполняется по предписанию «De haeretico comburendo».

Согласно 30-му акту нашей ассамблеи, принятому в 1705 г., если человек, воспитанный в христианской вере, отрицает существование Бога или. Святой Троицы или утверждает, что существует больше, чем один Бог, или отвергает истинность христианской религии или божественный авторитет священных писаний, то при первом нарушении он наказывается лишением права занимать церковную, гражданскую или военную должность, при втором – лишением права возбуждать против кого-либо судебные дела, принимать какие-либо дары или получать наследство, быть опекуном, душеприказчиком или должностным лицом, а также тремя годами тюрьмы без освобождения под залог. Право отца опекать своих детей содержится в законе о праве опеки, причем, если отца лишают этого права, дети, конечно, могут быть разлучены с ним и по решению суда

переданы в руки людей более правоверных. Таков краткий обзор того религиозного рабства, в котором желали оставаться люди, жертвовавшие своей жизнью и достоянием ради установления гражданской свободы.

* * *

Ошибка искоренена, как кажется, не до конца; работа ума, как и действия, совершаемые телом, являются предметом применения принуждения со стороны закона. Но наши правители могут иметь лишь ту власть над такими нашими естественными правами, какую только мы передали им. Прав свободы совести мы никогда им не передавали и не могли передать! За них мы отвечаем перед нашим Богом. Законная власть правительства простирается только на те действия, которые влекут за собой причинение ущерба другим людям. Но мне не наносит ущерба утверждение соседа, что существует двадцать богов или что бога нет. Это не задевает моего кармана и не переламывает мне ногу. Если же скажут, что на его показания в суде нельзя положиться, тогда отвергните их и пусть это ляжет на него клеймом. Принуждение может сделать человека хуже, сделать его лицемером, но никогда не сделает его более правдивым. Оно может лишь заставить его упорствовать в своих заблуждениях, но не излечит от них. Разум и свободное исследование – единственные действенные средства против заблуждения. Дайте им волю, и они поддержат истинную религию, поставив каждую ложную перед своим судом, перед испытанием собственным исследованием. Они – естественные враги заблуждения и только заблуждения.

Если бы римское государство не разрешило свободного поиска истины, люди никогда бы не смогли познакомиться с христианством и оно не могло бы распространиться. Если бы к свободному поиску истины не обратились в эпоху Реформации, христианство не смогло бы очиститься от извращений. Если его пресечь сейчас, то это защитит нынешние извращения и поощрит новые. Если бы государство должно было прописывать нам лекарство и диету, наше тело было бы в таком же состоянии, в каком находятся сейчас наши души. Так, когда-то во Франции было запрещено применять рвотное как лекарство, а картофель – как продукт питания.

Вот так же непогрешимо может быть государство, когда оно устанавливает системы взглядов в физике. Галилей был предан инквизиции за утверждение, что Земля имеет форму шара;

государство объявило, что Земля плоская как доска, на которой режут хлеб, и Галилею пришлось отречься от своего заблуждения. Однако в конце концов это заблуждение восторжествовало, Земля стала шаром, и Декарт заявил, что она вертится вокруг своей оси неким вихрем. Государство, в котором он жил, было достаточно мудрым, чтобы понять, что это не вопрос гражданской юрисдикции, иначе мы все бы были втянуты его властью в вихрь. В действительности же теория вихрей лопнула и ньютоновский принцип земного тяготения теперь более прочно утвердился на основе разума, чем если бы государство вмешалось и сделало это предметом обязательной веры. Разуму и эксперименту дали волю и заблуждение отступило перед ними.

Лишь одно заблуждение нуждается в поддержке правительства. Истина стоит сама по себе. Подвергните мысль насилию – кого вы изберете при этом в судьи? Людей, подверженных ошибкам, людей, управляемых низменными страстями и как личными, так и общественными соображениями. И зачем подвергать мысль насилию? Чтобы добиться единства мнений. А желательно ли единомыслие? Не больше, чем желательны одинаковые лица или одинаковый рост. Введите тогда прокрустово ложе и, так как есть опасность, что люди большого роста могут побить маленьких, сделайте всех нас одного роста, укорачивая первых и растягивая вторых. Различие мнений полезно в религии. Различные секты выполняют роль censor morum по отношению друг к другу.

Достижимо ли единообразие? Со времени введения христианства миллионы невиновных мужчин, женщин и детей были сожжены, замучены, оштрафованы, брошены в тюрьмы, и все же мы ни на дюйм не приблизились к единомыслию. К чему приводит принуждение? Одна половина человечества превращается в дураков, а другая – в лицемеров. Поощряется мошенничество и обман во всем мире. Давайте подумаем о том, что его населяет с тысячу миллионов людей, что они исповедуют, вероятно, тысячу различных религий; что наша вера – лишь одна в этой тысяче; что если бы существовала только одна истинная вера и ею оказалась бы наша, нам бы следовало пожелать, чтобы 999 заблудших верований собрались под знамена истины. Но такое огромное большинство мы не можем заставить силой это сделать. Разум и убеждение – единственные реальные средства. Чтобы дать им дорогу необходимо поощрять свободный поиск истины.

Является ли это доказательством непогрешимости установленной государственной религии? Наши штаты – братья Пенсильвания и Нью-Йорк, однако, долгое время существовали

вообще без какой-либо официальной религии. Эксперимент был новым и сомнительным, когда его вводили. Результат превзошел все ожидания. Оба штата безгранично процветают. Религия различных толков, действительно, хорошо поддерживается, и все они хорошо и надежно поддерживают мир и порядок, а если появится секта, догматы которой подрывают мораль, то здравый смысл возьмет верх и выгонит ее за дверь силой разума и смеха, не утруждая этой заботой государство. Они не вешают больше преступников, чем мы. Они не страдают от религиозных распрей больше нас.

Напротив, существующая у них гармония беспримерна и может быть объяснена только их безграничной терпимостью, потому что ничем иным, кроме этого, они не отличаются от других государств на земле. Они сделали счастливое открытие: чтобы утихомирить религиозные распри, необходимо не обращать на них никакого внимания. Давайте же и мы предоставим этому эксперименту свободу действия и избавимся, пока мы в состоянии это сделать, от тиранических законов. Правда, сейчас мы еще защищены от них духом нашего времени. Я не уверен, будет ли народ в нашем штате подвергаться казни за ересь или же трехгодичному заключению за непостижение таинств Троицы. Но является ли дух народа непогрешимой, постоянной опорой? А государство? Того ли рода защиту мы получаем в обмен на права, которые мы отдаем?

Кроме того, дух времени может меняться и будет меняться. Наши правители станут подвергаться коррупции, наши люди станут беспечными. Один фанатик может стать преследователем, а лучшие люди – стать его жертвами. Никогда не будет лишним еще раз повторить, что закреплять все наши основные права законодательным путем надо, пока наши правители честны, а мы сами едины. После окончания этой войны у нас дело пойдет на спад. Тогда не надо будет ежеминутно обращаться к народу за поддержкой. Поэтому народ будет забыт и его права не будут приниматься во внимание. Он и сам забудет себя, кроме единственной своей способности – делать деньги, и никогда не будет думать о том, чтобы объединиться и заставить должным образом уважать свои права. Поэтому те оковы, которые останутся, не будут сбиты после окончания этой войны и будут потом долго сковывать нас и становиться все тяжелее и тяжелее, пока наши права не будут восстановлены или не сгинут в тяжких потрясениях.

* * *

В дополнение к вышесказанному прилагаю *Акт об установлении религиозной свободы*, принятый Ассамблеей Виргинии в начале 1786 г.

«В полной мере осознавая, что Всемогущий Господь создал разум человека свободным, что все попытки подчинить его влиянию в этом мире, налагая на человека наказания и отягощая его существование или лишая его гражданских прав, приводят только к порождению навыков лицемерия и низости, что эти попытки далеки от замысла Святого Творца нашей религии, который, будучи Господином как тела, так и разума человека, тем не менее предпочел не распространять нашу религию через принуждение и насилие над телом или разумом, хотя то и другое – во власти Всемогущего;

что нечестивая самонадеянность руководит теми законодателями и правителями, как светскими, так и церковными, которые, будучи сами никем иным, как не боговдохновенными и способными заблуждаться людьми, присваивают себе власть над верованиями других и устанавливают свои взгляды и образ мышления как единственно истинные и безошибочные, и стремятся насильно навязать их как таковые другим, создавая и поддерживая ложные религии по всему свету и во все времена;

что это грех и тирания – вынуждать человека вносить денежные пожертвования для распространения взглядов и мнений, в которые он не верит; что заставлять его материально поддерживать даже проповедника его собственных религиозных верований, но не выбранного им самим, значит лишать его успокоительной вольности предоставлять свои пожертвования тому именно духовному наставнику, чью нравственность он принимает себе за образец, в чьи силы подвигать людей к пути праведному он верит; что делать так, значит лишать священнослужителей тех мирских вознаграждений, которые проистекают из одобрения его личного поведения и образа жизни и являются дополнительным поощрением к серьезным и непрестанным трудам в наставлении человечества;

что наши гражданские права находятся не в большей зависимости от наших религиозных воззрений, чем от наших воззрений в области физики или геометрии;

что поэтому осуждать любого гражданина как недостойного общественного доверия, делая для него невозможным занимать должности, требующие общественного доверия и дающие доход, если только он не исповедует те или иные религиозные взгляды или не откажется от каких-либо из них, – это значит наносить ему ущерб, отказывая ему в тех привилегиях и преимуществах, на

которые он вместе со своими согражданами имеет естественное право; что это ведет к разложению принципов той самой религии, которой предполагается способствовать, – к разложению через подкуп, через монопольное право на мирские почести и доходы, через тех, кто будет лишь внешне исповедовать ее и сообразовываться с ней; и что хоть, конечно, преступны будут те, кто не сможет устоять перед таким соблазном, однако, не явятся невиновными и те, кто предложил им этот соблазн;

что допускать вторжение правящей власти в сферу взглядов и мнений и ограничивать исповедание или распространение принципов на основе их предполагаемой дурной направленности – опасная ошибка и заблуждение, разрушающие разом всю религиозную свободу, поскольку тот, кто будет выносить суждение о такой направленности, будет руководствоваться в нем своими взглядами и одобрит или осудит мнения других только в зависимости от того, насколько они ему близки или отличаются от его собственных;

что для правомерных действий гражданской администрации и ее представителей будет достаточно времени, чтобы вмешаться, если какие-либо принципы приведут к явным действиям против мира, спокойствия и доброго порядка;

и наконец, что правда поистине велика, что истина восторжествует, если будет предоставлена своим собственным силам, что она сама является надлежащим и достойным противником заблуждения, и не следует опасаться за исход их столкновения до тех пор, пока людское вмешательство не лишит ее естественного оружия – свободы доводов и дискуссий: заблуждения перестают быть опасными, когда разрешается свободно им возражать.

И потому Генеральная ассамблея устанавливает на правах закона:

что никто не должен принуждаться посещать или участвовать в содержании любого религиозного культа, места богослужений или каких бы то ни было священнослужителей, так же как никто не должен быть понуждаем насильно, вынужден или подвергнут наложению каких-либо тягот, как личных, так и имущественных, и не должен нести какой-либо иной ущерб по причине его религиозных взглядов или убеждений;

что, напротив, все люди должны быть свободны в исповедании и отстаивании в дискуссии своих религиозных взглядов и что это ни в малейшей мере не должно ограничивать, расширять или еще каким-либо образом сказываться на их гражданских правах.

И хотя мы отдаем себе полностью отчет в том, что настоящая

ассамблея, избранная народом для отправлений обычной законодательной деятельности, не имеет полномочий ограничивать действия ассамблей последующих созывов, которые будут обладать равными с ней правами, и что поэтому провозглашение настоящего акта неотменяемым не имело бы законной силы, мы тем не менее свободны провозгласить:

если в будущем будет принят какой-либо акт, отменяющий настоящий, или ограничивающий права, подтвержденные настоящим актом как естественные права человека, и тем самым ограничивающий действие настоящего акта, это будет нарушением естественного права».

Обычаи и нравы

Трудно установить критерии, по которым можно было бы поверять обычаи и нравы народа, будь то всеобщие или особенные. Еще труднее уроженцу своей страны сравнивать с этими критериями нравы и обычаи своего собственного народа, хорошо знакомые и привычные ему в силу обыкновения. Несомненно, на нравы нашего народа должно было оказать несчастливое влияние существующее у нас рабство. Все отношения между хозяином и рабом представляют собой постоянное проявление самых бурных страстей, самого упорного деспотизма с одной стороны, и унизительного повиновения – с другой. Наши дети видят это и учатся подражать этому, потому что человек – животное подражающее. Это качество лежит в основе всего его воспитания. От колыбели до могилы он учится делать то, что, как он видит, делают другие. Если бы для обуздания неумеренной вспышки гнева по отношению к своему рабу родитель не мог найти сдерживающей силы в своем человеколюбии и любви к себе, то присутствие при этом его ребенка должно было бы быть всегда для этого достаточным. Но обычно этого оказывается недостаточно. Родитель буйствует, ребенок наблюдает, схватывает выражение гнева, напускает на себя такой же грозный вид в кругу маленьких рабов, дает волю своим худшим порывам; выращенный и воспитанный в такой атмосфере, ежедневно упражняясь в тирании, ребенок неизбежно усваивает дурное и приобретает дурные качества. Человек, способный сохранить в таких условиях свою моральную чистоту и умение держать себя – чудо.

Какие проклятья должны сыпаться на голову того государственного мужа, который, позволяя одной половине граждан попирать таким образом права другой, превращает первых в деспотов, а вторых – во врагов, разрушает моральные устои одной части населения и amor patriae – другой. Потому что, если раб и может считать какую-то землю родиной в этом мире, то ведь тогда он должен предпочесть любую другую страну той, в которой был рожден, чтобы жить и работать на других, в которой он вынужден сковывать способности, заложенные в его натуре, и отказаться, настолько это зависит от него, продолжать человеческий род или же – передавать по наследству происходящим от него бесчисленным поколениям свое жалкое положение. С разрушением нравственности у людей разрушается также их трудолюбие. Так, в жарком климате никто не станет сам работать, если можно заставить работать на себя другого. Что это

– правда, подтверждается тем, что очень немногих рабовладельцев можно действительно когда-нибудь увидеть за работой.

А можно ли свободу народа считать обеспеченной, если мы устранили ее единственно прочную основу – убежденность людей в том, что наши свободы – из даров Божьих? Что к ним нельзя применять насилие, не вызвав гнева Божьего? Поистине, я опасаюсь за свою страну при мысли, что Бог справедлив; что правосудие его не может дремать вечно; что, учитывая хотя бы только численность, характер и естественные ресурсы нашего народа, представляется вполне вероятным, что колесо фортуны повернется и положение может измениться, и это может произойти благодаря сверхъестественному вмешательству! У всемогущего нет такого свойства, которое позволило бы нам надеяться, что он сможет принять нашу сторону в этой борьбе. Но невозможно оставаться сдержанным, продолжая рассматривать эту тему сквозь призму различных соображений политики, морали, естественной и гражданской истории.

Мы должны довольствоваться надеждой, что они пробьют себе дорогу к сознанию каждого. Я думаю, что со времени зарождения нынешней революции, перемена стала уже ощутимой. Дух рабовладельца слабеет, дух раба восстает из праха, его положение становится легче. Я надеюсь, что под покровительством небес подготавливаются условия для полного освобождения рабов, и все склоняется к тому, чтобы это произошло по ходу самих событий, скорее с согласия хозяев, чем через их истребление.

Конституция

Летом 1783 г. ожидалось, что ассамблея Виргинии созовет Конвент для принятия Конституции. Тогда был подготовлен следующий *Проект основной Конституции* для Республики Виргиния с намерением представить его Конвенту, если он будет собран.

«Собравшиеся на Конвент делегаты Республики Виргиния приветствуют граждан названной республики и всех, кто заинтересован в наших делах.

И вам, и всем миру известно, что правительство Великобритании, с которым не так давно были связаны американские штаты, присвоило себе противозаконную деспотическую власть над ними. Оно стремилось навязать эту власть силой оружия, и штаты Нью-Гэмпшир, Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, Делавэр, Мэриленд, Виргиния, Северная Каролина, Южная Каролина и Джорджия, считая, что сопротивление со всеми его ужасными последствиями является меньшим злом по сравнению с унизительным повиновением, сплотились в обращении к оружию. Высшему Вершителю всех человеческих судеб было угодно, чтобы это обращение к оружию имело исход, благоприятный для утверждения прав этих штатов, чтобы эти штаты смогли навсегда отвергнуть всякую зависимость от правительства, которое показало себя настолько способным злоупотреблять оказанным ему доверием, и смогли добиться от этого правительства торжественного и ясного признания того, что они являются свободными, суверенными и независимыми штатами. Во время войны, в которой нам пришлось бороться за свои права, легислатура Республики Виргиния сочла необходимым создать временную форму правления для предотвращения анархии и направления наших усилий на выполнение двух важных задач: ведения войны против интервентов и достижения мира и счастья нами самими. Но поскольку последующие составы легислатуры, обладающие равной властью, могут изменять как этот, так и все другие законодательные акты, было сочтено целесообразным, чтобы в акт о форме правления были внесены те поправки, которые подсказаны временем и опытом, и чтобы этому акту были приданы постоянство и долговременность властью, стоящей выше обычной легислатуры. Поэтому Генеральная ассамблея этого штата настоящим рекомендует нашим добропорядочным гражданам избрать делегатов в генеральный конвент, обладающих полномочиями определить для них форму

правления и провозгласить те основные принципы, которым должны подчиняться все наши законы, настоящие и будущие. В соответствии с этой рекомендацией они сочли нужным избрать нас и наделить нас необходимыми для этой цели полномочиями.

Поэтому мы, делегаты, избранные упомянутыми добропорядочными гражданами нашего штата с вышеуказанной целью и ныне собравшиеся на генеральный конвент, во исполнение и в силу предоставленных нам полномочий, устанавливаем следующую форму и основные принципы правления для названного штата Виргиния.

Названный штат отныне и навсегда будет управляться как республика.

Правящая власть разделяется на три отдельные ветви, каждая из которых будет вверена отдельному органу управления, а именно: законодательная – одному из них, судебная – другому, исполнительная – третьему. Ни одно лицо или группа лиц, наделенных полномочиями одного вида власти, не должны осуществлять полномочия ни одного из двух других, за исключением случаев, специально оговоренных ниже.

Законодательная власть

Легислатура состоит из двух палат, одна называется Палата депутатов, другая – Сенат, и обе вместе – Генеральная ассамблея. Для принятия закона необходимо согласие обеих палат, выраженное на трех отдельных чтениях.

Депутаты в Генеральную ассамблею избираются ежегодно в последний понедельник ноября. Но, если выборы не могут быть завершены в этот день, они могут продлеваться на каждый последующий день вплоть до того, когда они смогут завершиться.

Число депутатов от каждого графства должно быть пропорционально числу имеющихся в нем лиц, обладающих правом голоса. Общее число депутатов штата должно находиться в такой пропорции к общему числу граждан, обладающих избирательным правом, чтобы оно никогда не превышало бы 300 и не было бы меньше 100. Если же случится, что число депутатов превысит или будет меньше названных пределов, то Палата депутатов такого неполного или избыточного состава, несмотря на это обстоятельство, продолжает свою работу до истечения установленного законом срока полномочий. Однако в течение этого срока палата должна таким образом перестроить исходное соотношение, чтобы на следующих выборах число депутатов оказалось в указанных выше пределах. Если в каком-либо графстве для избрания одного депутата будет не хватать требуемого количества обладающих правом голоса избирателей,

то это графство следует присоединить к какому-либо из соседних.

Для избрания сенаторов Сенат через некоторые промежутки времени образует из нескольких графств соответствующие округа и в таком количестве, какое он сочтет наилучшим. Во время избрания депутатов каждое графство избирает также из числа граждан, обладающих правом голоса, сенаторских выборщиков – по четыре выборщика на каждого депутата, которого имеет право избрать данное графство. Выборщики, действуя в соответствии с указаниями легислатуры, собираются вместе с сенаторскими выборщиками из других графств их округа и затем избирают тайным голосованием по одному сенатору на каждые шесть депутатов, которых имеет право избирать их округ. Округа по выбору сенаторов делятся на две группы, и сенаторы, избранные от одной из них, освобождаются от своих полномочий при первых последующих выборах депутатов, сенаторы от другой группы – при следующих, и так все время поочередно.

Все свободные совершеннолетние граждане мужского пола, находящиеся в здравом уме, в течение одного года до выборов являвшиеся жителями графства или же все это время владевшие в нем недвижимым имуществом стоимостью _____ или же в течение этого же периода времени внесенные в списки милиции – эти граждане, и никто кроме них, имеют право голосовать за депутатов от данного графства и за сенаторских выборщиков от округа. Голосовать они должны лично и viva voce.

Генеральная ассамблея собирается в том месте, где проходило последнее ее заседание, на 42-й день после дня избрания депутатов и в дальнейшем – в любое иное время и в любом месте по ее усмотрению вплоть до истечения срока ее полномочий, который заканчивается в день, предшествующий назначенному дню заседания следующей Генеральной ассамблеи. Но если она когда-либо прервет свое заседание более чем на один год, перерыв следует считать равным ровно году. Ни одна из палат не может без согласия другой прервать свои заседания более чем на неделю, или перенести их из того места, где они заседают, в какое-нибудь другое. Губернатор также имеет право после консультации с советом штата созвать ассамблею в любое другое время в том же самом месте или, если оно со времени последнего перерыва в работе стало опасным из-за угрозы со стороны противника или по причине инфекции, в каком-либо другом.

В любой из палат необходимый для работы кворум составляет большинство от общего числа членов палаты. Однако любое меньшее число присутствующих, которое соответствующей палатой от случая к случаю будет сочтено достаточным,

полномочно вызвать для объяснений и наказать не посещающих заседания членов палат и для решения о перерыве в работе на любой срок, не превышающий одной недели.

Во время пребывания на сессии Генеральной ассамблеи, а также до и после нее в течение того времени, которое требуется им на дорогу, члены ассамблеи пользуются привилегией неприкосновенности личности и не имеют никаких других привилегий. В этот же период времени они получают золотом или серебром ежедневное жалование, равное стоимости двух бушелей пшеницы. До 1790 г. эта сумма исчисляется из расчета по одному доллару за бушель. С 1790 г. и в дальнейшем через каждые десять лет генеральный суд на своем первом заседании в году создает специальное жюри из самых уважаемых купцов и фермеров с тем, чтобы они определили среднюю цену на пшеницу за последнее десятилетие. В течение последующих десяти лет размер этого жалования основывается на этой средней цене.

Депутаты и сенаторы Генеральной ассамблеи, казначей, прокурор, регистратор, проповедники, офицеры регулярной армии штата или Соединенных Штатов, как и все другие лица, получающие жалование или вознаграждение от любого, не входящего в нашу Конфедерацию государства, или лица, не являющиеся жителями графства, от которого они избраны депутатами или округов, от которых они избраны сенаторами, лица, не имеющие права голоса, лица, совершившие государственную измену, тяжкое уголовное преступление или другое преступление, повлекшее лишение гражданских прав или их ограничение, или лица, признанные в законном порядке виновными во взяточничестве и коррупции при попытке добиться избрания в данную ассамблею, не могут быть членами ассамблеи. Все остальные лица, помимо перечисленных выше и имеющих право голоса, могут быть в нее избранными.

Любой член данной ассамблеи, принимающий какую-нибудь оплачиваемую должность на государственной службе в этом штате или в Соединенных Штатах, или в любом из штатов, должен вследствие этого освободить свое место, но сохраняет возможность быть избранным вновь.

Вакансии, появляющиеся в результате перечисленных ограничений, смерти и других причин, заполняются с помощью обращения к избирателям по предписанию спикера соответствующей палаты.

Генеральная ассамблея не имеет права: нарушать настоящую конституцию; ограничивать гражданские права любого лица по причине его религиозных верований, препятствовать ему в исповедании и отправлении этих верований или заставлять его

делать иные пожертвования, чем те, которые он лично пожелает сделать в поддержку тех или иных вероучений; устанавливать смертную казнь за любые преступления, помимо измены, убийства или воинских преступлений; объявлять помилование или предоставлять кому-либо право помилования лиц, должным образом осужденных за измену или тяжкое уголовное преступление, вместо этого она может назначать одно или два новых разбирательства в суде, и не более; принимать законы, предусматривающие наказания за действия, совершенные до появления этих законов; принимать любые законопроекты о лишении людей их гражданских и имущественных прав за измену или тяжкое уголовное преступление; предписывать применение пыток в каких бы то ни было случаях; а также не имеет права разрешать как ввоз новых рабов для проживания в этом штате, так и продление существования рабства, начиная с поколения, которое будет жить после 31 декабря одна тысяча восьмисотого года. Все люди, родившиеся после этой даты, настоящим объявляются свободными.

Генеральная ассамблея имеет право выделять из штата всю или любую часть его территории к западу от Огайо или от меридиана, проходящего через устье реки Грейт-Канова, и уступить Конгрессу территорию размером сто квадратных миль в любой другой части этого штата, изъятую из юрисдикции и управления этого штата, до тех пор пока конгресс проводит по этому поводу свои заседания или по поводу какой-нибудь примыкающей территории, которая может быть передана Конгрессу каким-либо другим штатом.

Генеральная ассамблея имеет право назначать спикеров палат, казначея, аудитора, генерального прокурора, регистратора, всех высших чинов армии, клерков ассамблеи, приставов и более никаких иных должностных лиц, за исключением тех, право назначения которых специально предоставлено ассамблее в других разделах настоящей конституции.

Исполнительная власть

Исполнительная власть осуществляется губернатором, который избирается совместным тайным голосованием обеих палат ассамблеи и, будучи избранным, остается в своей должности в течение пяти лет, и не может быть избран на второй срок. В течение всего времени действия его полномочий он не может занимать еще какую-либо другую должность или получать еще какое-либо жалование от данного штата или от любого другого штата или государства. Под исполнительной властью мы никоим образом не подразумеваем сопоставление с той властью,

которую в качестве своей прерогативы осуществляла корона через наше прежнее правительство, точно так же, как не считаем, что та власть и то правление должны служить мерилом тому, что может или не может признаваться правомерной властью губернатора. Мы предоставляем ему только те полномочия и ту власть, которая требуется для исполнения законов (и осуществления правления) и которая по своему характеру не является ни законодательной, ни судебной. При претворении в жизнь этого принципа следует руководствоваться здравым смыслом. Однако мы особо отказываем ему в прерогативе создавать суды, учреждения, поселения, учреждать корпорации, ярмарки, рынки, порты, бакены, маяки и ориентировочные знаки; вводить эмбарго, устанавливать приоритеты, удерживать внутри штата или отзывать в него любого гражданина штата; давать права гражданства иностранцам, за исключением тех отдельных случаев, когда легислатура может наделить его любым из этих полномочий. Право объявлять войну и заключать мир, создавать союзы, выдавать каперские свидетельства и разрешения на репрессалии, учреждать или набирать вооруженные силы, строить военные корабли, форты или укрепления, чеканить монеты или регулировать их ценность, устанавливать единицы мер и весов мы предоставляем власти Конфедерации. Но во всех случаях, касающихся полномочий, которые находятся вне компетенции упомянутой Конфедерации, они предоставляются губернатору в соответствии с теми законами, которые легислатура сочтет целесообразным принять.

Губернатору подчиняются все войска штата, как регулярные, так и милиция. Но выполнение его приказов возлагается на старших офицеров, назначаемых легислатурой.

Легислатура устанавливает размер жалованья губернатора на той сессии ассамблеи, которая его назначит, и принимает это решение до самого назначения. Если же размер жалованья не установлен в этом порядке, оно должно оставаться таким же, какое было назначено его ближайшему предшественнику. В обоих случаях он может требовать ежеквартальной выплаты жалованья из любых средств, имеющихся в казне штата. Легислатура не имеет права увеличивать или уменьшать размер жалованья ни во время исполнения губернатором своих обязанностей, ни после оставления их. Выделенные губернатору в пользование земли, дома и другие вещи остаются в его пользовании во время его пребывания в должности.

Совет штата избирается совместным тайным голосованием обеих палат ассамблеи. Члены совета избираются на семь лет и не могут избираться на второй срок, не могут занимать еще

какую-нибудь другую должность или получать еще вознаграждение от этого штата или какого-либо другого штата или государства. Их обязанностью является собираться на заседания, созываемые губернатором для обсуждения дел и выслушивания их суждений. Во всех случаях он следует их рекомендациям. Члены совета имеют также право и обязанность собираться по собственному усмотрению и выносить рекомендации для губернатора без запроса с его стороны во всех тех случаях, когда этого, по их мнению, требуют интересы общества. Их рекомендации и протоколы заседания заносятся в журналы, которые должны вестись для этой цели и подписываются ими как в случае одобрения, так и неодобрения изложенного всеми присутствующими членами. Эти журналы представляются любой из палат ассамблеи по ее требованию. В настоящее время упомянутый совет должен состоять из восьми членов, но легислатура при необходимости может увеличивать или сокращать их число при условии, что такое сокращение должно происходить только при появлении вакансий по причине смерти, отставки, дисквалификации или лишения прав в законном порядке. Кворум составляет присутствие большинства от полного состава членов совета, и не менее. В настоящее время каждый член должен получать по _____ жалованья в год, выплачиваемого поквартально из любых средств, имеющихся в казне штата. Однако по усмотрению легислатуры их жалованье от случая к случаю может быть увеличено или уменьшено, при условии, что такое увеличение или уменьшение никоим образом ни сейчас, ни в будущем не будет использовано как средство оказания влияния на тех, кто занимает эти должности. В конце каждого квартала их жалованье должно делиться на равные части по числу дней, в которые в течение квартала происходили заседания совета или же таковые созывались губернатором, или же должны были происходить по истечении установленного самим советом перерыва, – и с каждого члена за каждый из названных выше дней, в который он без причины, признанной советом уважительной, не являлся на заседание или покидал его до официального окончания без разрешения членов совета, удерживается одна из этих частей установленной суммы жалованья. Если в течение квартала заседаний совета не было, удержания не производятся.

Члены совета ежегодно избирают президента, который в отсутствие губернатора председательствует на заседаниях совета и который, в том случае, если должность губернатора по причине смерти или по какой-либо другой становится вакантной, получает право выполнять все функции губернатора до тех пор, пока не

будет назначен новый, так же как и в любые другие периоды, на время которых губернатор объявляет о том, что он не в состоянии выполнять свои должностные обязанности.

Судебная власть

Судебная власть осуществляется: судами графств, а также теми другими нижестоящими судами, которые, по суждению легислатуры, должны продолжить свою деятельность или должны быть учреждены вновь; тремя высшими судами, а именно – Судом адмиралтейства, Генеральным судом общего права, Высоким канцлерским судом; и одним верховным судом, называемым Апелляционным судом.

Судьи Высокого канцлерского суда, Генерального суда и Суда адмиралтейства – числом по четыре в каждом из них – избираются при совместном тайном голосовании обеих палат ассамблеи и занимают эти должности до тех пор, пока они добросовестно ведут себя и исполняют свои обязанности. Пока они являются судьями они не могут занимать другие должности или получать вознаграждение от этого штата или какого-либо другого штата или государства, за исключением тех случаев, когда они могут быть делегированы в Конгресс, не получая дополнительного жалованья.

Эти судьи, собравшись вместе составляют Апелляционный суд, который занимается рассмотрением апелляций, поступающих на решения трех высших судов, и выносит по ним решения, но не принимает к производству новых дел, за исключением специально оговоренных здесь случаев.

Присутствие большинства членов в любом из этих судов, и не менее того, составляет кворум. Но в Апелляционном суде для его работы необходимо присутствие девяти членов. Однако с разрешения легислатуры при любом меньшем числе судей в работе этих соответствующих судов может быть объявлен официальный перерыв.

В настоящее время каждый судья должен получать по ___ жалованья в год, выплачиваемого поквартально из любых средств, имеющихся в казне штата. Однако по усмотрению легислатуры их жалованье от случая к случаю, может быть увеличено или уменьшено при условии, что такое увеличение или уменьшение никоим образом ни сейчас, ни в будущем не будет использовано как средство оказания влияния на тех, кто занимает эти должности. В конце каждого квартала их жалованье должно делиться на равные части по числу дней, в которые в течение квартала проходили, или должны были проходить, заседания соответствующих судов, и с каждого члена суда за каждый из

названных выше дней, в который он без причины, признанной его судом уважительной, не являлся на заседание суда или покидал его до его официального окончания без разрешения членов суда, удерживается одна из этих частей установленной суммы жалованья. Если в течение квартала заседаний суда не было, удержания не производятся.

Помимо этих судов должен быть также суд импичмента, в состав которого входят три члена совета штата, по одному члену от каждого из высших судов – Канцлерского, Общего права и Адмиралтейства, два члена палаты депутатов и один сенатор, избираемые соответственно теми органами, которые они представляют. На этом суде любому представителю трех ветвей власти, а именно – губернатору, любому члену совета штата, обеих палат легислатуры или высших судов может быть предъявлено обвинение губернатором, советом, любой из названных палат или любым из названных судов – и никем другим – за такие проступки, совершенные во время нахождения в должности, которые достаточно серьезны, чтобы повлечь за собой отстранение от нее. Единственный приговор, который они полномочны выносить – это смещение с должности или лишение выборных полномочий, а также лишение права занимать должности в будущем. Для проведения заседания суда импичмента требуется наличие семи его членов, а для вынесения приговора – согласие двух третей присутствующих. Подсудные этому суду дела неподсудны никакому другому суду, а члены его расследуют факты и являются судьями.

Судьи нижестоящих судов, уже учрежденных, или тех, которые будут учреждены впоследствии, должны назначаться губернатором по представлению совета штата и занимать эти должности до тех пор, пока они добросовестно ведут себя и исполняют свои обязанности или пока существуют сами эти суды. Если они своим поведением нарушают этот принцип, то в соответствии с существующими законами они предстают перед Апелляционным судом, члены которого и расследуют факты, и являются судьями. Единственный приговор, который они полномочны выносить – это смещение с должности и лишение права занимать ее в будущем. Для вынесения такого приговора требуется согласие двух третей присутствующих членов суда.

Все суды должны назначать своих собственных клерков, которые занимают свои должности пока они добросовестно ведут себя и исполняют свои обязанности или до тех пор, пока существуют сами эти суды. Суды назначают также всех других своих чиновников на тот срок, который будет удобен этим людям. Смещение клерков, назначенных верховным или высшими

судами, производится соответствующими судами. Перед назначением клерков другими судами, два члена генерального суда должны испытать и удостоверить их пригодность к этой работе. Увольнение этих клерков за нарушение норм поведения производится только Апелляционным судом, члены которого и расследуют факты, и являются судьями. Для вынесения приговора требуется согласие двух третей присутствующих членов суда.

Судьи судов низшей инстанции могут быть членами легислатуры.

Решения судов низшей инстанции по любым гражданским делам, в которых стоимость иска превышает стоимость 50 бушелей пшеницы, какой ее определяет Генеральный суд при установлении жалованья членам Генеральной ассамблеи, не являются окончательными; точно также не являются окончательными и их решения по любым делам о государственной измене, тяжких преступлениях или других уголовных преступлениях, влекущих за собой лишение или ограничение гражданских прав.

Во всех делах, разбираемых любым судом, за исключением дел об импичменте, апелляций и дел, разбираемых в военных судах, – факты должны устанавливаться присяжными заседателями и во всех судах любые свидетели должны давать свои показания viva voce в открытом заседании и тогда, когда их присутствие может быть обеспечено. Все стороны могут пользоваться помощью адвоката и требовать принудительного вызова свидетелей по своему делу.

Размеры штрафов, денежных начетов и сроки тюремного заключения, в тех случаях, когда они не установлены законодательством, помимо назначающихся за неуважение к суду, определяются жюри присяжных заседателей, исследующими фактическую сторону дела.

Если какой-либо законопроект, представленный в указанный совет, не будет в течение недели (не считая дня представления) возвращен с его заключением и изложением причин отклонения в ту палату, в которой он был первоначально внесен или клерку этой палаты, то в том случае, когда ее заседания окажутся прерванными более, чем на недельный срок, этот законопроект становится законом по истечении недели и подлежит регистрации клерком Палаты депутатов.

Одобренные советом законопроекты становятся законом с момента такого одобрения и после этого возвращаются в Палату депутатов или затребываются клерком Палаты депутатов для регистрации.

Отклоненный по рекомендации указанного совета

законопроект может быть вновь предложен на той же сессии ассамблеи с внесенными согласно рекомендации совета изменениями.

Члены данного совета должны по мере необходимости назначаться тем советом или судом, в состав которого они соответственно входят.

Для работы совета требуется присутствие двух представителей исполнительной и двух представителей судебной власти. Для того чтобы предотвратить помехи из-за неявки необходимого числа его членов, совет штата и названные выше суды могут в любое время обязать всех своих членов или стольких из них, сколько посчитают нужным, в определенном по их усмотрению порядке поочередно заменять на заседаниях данного совета тех своих представителей, которые не смогут на нем присутствовать: в случае неявки обязан явиться следующий по очередности. Члены данного совета за свои труды в нем должны дополнительно получать такое же жалованье, как и члены ассамблеи.

Совет по проверке законопроектов

Губернатор, два члена совета штата и по одному судье от каждого из высших судов – Канцлерского, Общего права и Адмиралтейства, образуют совет по просмотру всех законопроектов, принятых обеими палатами ассамблеи. В этом совете председательствует губернатор, в том случае, когда он присутствует на заседании. Каждый законопроект, прежде чем он станет законом, должен передаваться в этот совет, который должен иметь право рекомендовать отклонить его, возвращая в этом случае законопроект со своим заключением и изложением причин в письменном виде в ту палату, в которой он был первоначально внесен и которая должна приступить к пересмотру этого законопроекта. Но если после такого пересмотра две трети палаты выскажутся за окончательное принятие законопроекта, палата должна принять его и передать вместе с письменным заключением и изложением причин возврата на пересмотр указанного совета в другую палату; и, если две трети членов этой палаты также выскажутся за окончательное принятие законопроекта, он должен получить статус закона, в противном же случае он законом становиться не должен.

Печать

Печатное слово не должно подвергаться никаким иным ограничениям, помимо судебной ответственности за публикацию и распространение ложных сведений.

Конвент

Если любые две из трех существующих ветвей власти сходятся во мнении, определяющимся двумя третями голосов от общего числа составляющих их членов, о том, что необходим созыв конвента для изменения данной конституции или исправления ее недостатков, они должны иметь полномочия выдать предписание каждому графству выбрать такое же количество делегатов, какое они имеют право избирать в Генеральную ассамблею. Эти предписания должны быть исполнены и выборы должны быть проведены в соответствии с теми законами, которые определяют порядок избрания депутатов в ассамблею, mutatis mutandis. Избранные таким образом делегаты должны собраться там, где обычно проводятся заседания ассамблеи, спустя три месяца после издания предписания об их избрании; их полномочия должны быть признаны равноправными с полномочиями делегатов настоящего конвента. Названные выше предписания должны быть подписаны всеми лицами, относящимися к упомянутым ветвям власти и одобряющими выдачу таких предписаний.

При установлении данного устройства правления оговаривается имеющее особый и временный характер следующее условие.

Поскольку настоящий конвент уполномочен только изменить и улучшить те законы, которые создают форму правления, не следует считать, что была произведена общая отмена всей системы законов. Напротив, все законы, действовавшие ко времени созыва настоящего конвента и не входящие в противоречие с настоящей конституцией, полностью остаются в силе и могут изменяться легислатурой, избранной обычным порядком.

* * *

Эта конституция создавалась тогда, когда мы были неопытными новичками в науке правления. Она была к тому же первой конституцией, созданной во всех Соединенных Штатах. Поэтому не приходится удивляться, что время и испытания выявили в ней весьма существенные недостатки.

1. Большинство мужчин, которые платят штату налоги и сражаются за него, не представлено в легислатуре: список свободных землевладельцев, имеющих право голосования, обычно не включает и половины тех, кто включен в списки милиции или

сборщиков налогов.

2. Представительство же тех, кто имеет на это право, весьма неравноправное. Так, графство Уорик, которое дает всего сто ополченцев, имеет равное представительство с графством Лаудон, в котором их 1746. Таким образом, каждый мужчина в Уорике имеет такое же влияние на управление штатом, какое имеют 17 мужчин Лаудона. 3. Сенат по своей структуре очень однороден с Палатой депутатов. Поскольку одни и те же избиратели в одно и то же время выбирают из одних и тех же кандидатов, то выбор, конечно, падает на людей, обладающих одинаковыми данными. Цель учреждения различных законодательных палат – обеспечить влияние различных интересов или различных принципов. Так, говорят, что в Великобритании конституция опирается на честность палаты общин и мудрость палаты лордов; это было бы разумным, если бы честность можно было купить за деньги, а мудрость передавалась бы по наследству. В некоторых американских штатах делегатов и сенаторов избирают таким образом, что первые представляют людей, а вторые – собственность. Но у нас богатство и мудрость имеют равные шансы попасть в обе палаты. Поэтому из разделения нашей легислатуры на две палаты мы не извлекаем тех выгод, которые в состоянии дать должное сочетание принципов и которые одни могут компенсировать зло, способное возникнуть из-за этих разногласий.

4. Все ветви власти – законодательная, исполнительная и судебная – сходятся в законодательном органе. Средоточие их в одних и тех же руках как раз и определяет деспотическое правление. Ничуть не будет легче, если вся эта власть находится в руках многих, а не кого-то одного. 173 деспота, несомненно, будут угнетать так же, как и один. Пусть те, кто сомневается в этом, посмотрят на Венецианскую республику.

Что из того, что они нами выбраны? Выборный деспотизм – эта не та форма правления, за которую мы боролись. Мы боролись за такую форму правления, которая не только должна основываться на принципах свободы, но при которой правящая власть была бы так разделена и уравновешена между несколькими институтами власти, чтобы ни один из них не смог бы выйти за пределы своих законных полномочий, не встретив эффективного сдерживания и противодействия со стороны остальных. По этой причине конвент, который принял постановление об организации правительства, положил в основу его принцип четкого разделения законодательной, исполнительной и судебной власти, с тем чтобы ни один человек не являлся носителем более чем одной формы власти

одновременно. Но между этими разными ветвями власти не устанавливалось никакого барьера. Лица, облеченные судебной и исполнительной властью, в получении своей должности оставались зависимыми от законодательной, а некоторые из них и заинтересованы в том, чтобы сохранять ее состав в дальнейшем. Поэтому если законодательная власть присвоит себе еще исполнительную и судебную функции, то, вероятнее всего, это не встретит оппозиции, а если и встретит, то вряд ли она будет эффективной, поскольку в этом случае законодатели смогут облечь свои решения в форму законодательного акта, и тогда они станут обязательными и для других ветвей власти.

Таким именно образом они уже во многих случаях и принимали решения по вопросам, которые должны были быть оставлены для судебного разбирательства; так руководство исполнительной властью в течение всего времени сессии становится им привычным и знакомым. И делается это без всяких дурных намерений. Взгляды нынешних членов законодательных органов абсолютно честные. Вывести их за пределы их собственной сферы деятельности может лишь ловкость других людей или их собственная оплошность. И так, возможно, и будет продолжаться еще некоторое время, но не очень долго. Люди вскоре научатся извлекать пользу из обладания любыми правами и властью, которыми располагают или могут присвоить.

Вскоре обнаружится, что общественные деньги и свобода общества, которые должны находиться в руках трех институтов власти, но по оплошности оказавшиеся в руках лишь одного, являются источниками богатства и господства для тех, кто ими владеет. Здесь есть одна соблазнительная особенность: орудие и цель приобретения здесь соединяются. Будут деньги, будут и люди, говорил Цезарь, а будут люди, будут и деньги. Наша ассамблея также не должна быть обманута честностью своих собственных целей и делать отсюда вывод, что этими неограниченными возможностями никто никогда не будет злоупотреблять, потому что она сама не склонна злоупотреблять ими. Следует ожидать того времени, а оно недалеко, когда коррупция в нашей стране, как и в той, от которой мы происходим, охватит стоящих во главе правления и распространится от них на весь народ, когда они станут покупать голоса народа и заставят его заплатить себе полной ценой. Человеческая натура одинакова по обеим сторонам Атлантического океана, и она будет оставаться одинаковой при влиянии одних и тех же причин. Противостоять коррупции и тирании надо до того, как они завладеют нами. Лучше вообще не впускать волка в овчарню, чем надеяться на то, что сумеешь

выдрать ему зубы и когти после того, как он туда войдет.

* * *

Перечисляя недостатки конституции, было бы неправильно относить к ним то, что является всего лишь ошибками отдельных личностей. В декабре 1776 г., когда наше положение было весьма бедственным, в Палате депутатов было внесено предложение назначить диктатора, облеченного всей полнотой власти – законодательной, исполнительной и судебной, военной и гражданской, правом жизни и смерти, всей властью над нашей личностью и нашей собственностью. В июне 1781 г., снова в период бедствия, было повторено то же самое предложение, и не хватило всего лишь нескольких голосов для того, чтобы оно было принято.

Тот, кто вступил в эту борьбу из чистой любви к свободе и осознания своих попранных прав, кто решил пойти на любую жертву и пренебречь любой опасностью, чтобы восстановить эти права на прочной основе, тот, кто не намеревался отдавать свою кровь и имущество ради жалкой цели – замены одного хозяина другим, но хотел, чтобы власть, которая будет им управлять, находилась в руках многих людей, выбранных им самим, с тем чтобы никакая дурная воля одного человека не смогла в будущем угнетать его, – тот должен быть поражен и охвачен негодованием, когда ему сообщат, что значительная часть этих многих избранных им людей замышляла передать всю власть в одни руки и передать его самого из подданства ограниченного в своих правах монарха монарху деспотическому. Как должны быть поруганы и сведены на нет все его усилия и жертвы, если окажется возможным одним-единственным голосованием повергнуть его к стопам одного человека! Ради бога, скажите, откуда у них такие полномочия? Неужели они исходят из наших древних законов? Но такие законы не могли быть изданы. Может быть, из каких-то принципов нашей новой конституции, выраженных недвусмысленно или подразумеваемых? Но каждая строка конституции по своей букве и духу этому полностью противоречит. Ее основной принцип состоит в том, что штат должен управляться как республика. Конституция предусматривает республиканское устройство, запрещает под именем прерогативы отправление всякой власти, не установленной законом. На этой основе базируется вся система наших законов; скрепляя их воедино, конституция устанавливает, что они должны либо действовать все вместе, либо вовсе

перестать существовать. Она не предусматривает никаких обстоятельств, – и не допускает, что таковые могут возникнуть, – при которых действие хотя бы одного из законов может быть приостановлено. Наши древние законы ясно говорят, что те, кто сами являются ничем иным, но лишь депутатами, сами не должны делегировать другим лицам полномочий, которые требуют здравого суждения и честности при их исполнении.

Или, быть может, такое предложение было внесено на голосование на основе предполагаемого у его авторов права покидать свой пост в час беды? Те же законы запрещают покидать этот пост даже при обычных обстоятельствах и тем более – передавать власть в другие руки и другим институтам без обращения к совету с народом. Законы никогда не допускают и мысли, что полномочия, подобно овцам или иному домашнему скоту, можно передать из рук в руки, не обращаясь к собственной воле народа. – Разве все это проистекало из необходимости? Когда необходимость требует роспуска правительства, она не передает его полномочия олигархии или монархии. Необходимость возвращает обратно в руки народа всю власть, которую он прежде делегировал, и предоставляет людям возможность действовать как индивидам самим по себе. Лидер может предлагать себя, но не навязывать себя или быть навязанным народу. Тем более нельзя обязать народ подставлять свою шею под его меч, подчинять свою жизнь его воле и капризу. Необходимость, которая может привести к последствиям такого огромного значения, должна быть по крайней мере осязаемой и непреодолимой. И все же в обоих этих случаях, когда у нас такие опасения были или нам их внушали, ход событий эти опасения опроверг. Это было опровергнуто также предшествующим опытом наших штатов-братьев, некоторые из которых даже побороли еще большие трудности, не отказываясь от своих форм правления. Когда это предложение было сделано в первый раз, Массачусетс, чтобы продержаться при вторжении, счел вполне приемлемой даже форму правления комитетов. Но в то время, когда это предложение у нас выдвигалось, к нам еще никто не вторгался. Когда же такое предложение было сделано во второй раз, то вслед за Массачусетсом в Род-Айленде, Нью-Йорке, Нью-Джерси и Пенсильвании республиканская форма правления уже была признана способной провести их через самые суровые испытания.

Неужели в одном только нашем штате оказалось так мало достойного, что страх должен был вселиться в сердца людей, стать движущей силой их действия и основой правления? Сама по себе мысль об этом была бы предательством по отношению к народу, изменой всему человечеству. Ибо, оставляя цепи навеки

скованными и головы – склоненными, люди давали бы угнетателям доказательство неспособности республиканского правительства защищать свой народ от беды во время нависшей опасности, о чем они раструбили бы на весь мир.

* * *

Те, кто считает себя вправе передавать бразды правления по своему желанию, должны быть уверены, что стадо, которое они отдают во власть бича и топора диктатора, сложит свои головы на плаху по первому его кивку. Но если наши ассамблеи считали народ таким смиренным, я надеюсь, они заблуждаются в отношении его характера. Я придерживаюсь мнения, что вместо укрепления и стимулирования правительства – с целью добиться больших результатов с его помощью при существующих трудностях – управление следовало бы передать пусть хоть плохо работающему механизму комитетов управления графств, пока не будет созван конвент и снова ритмично не заработают правительственные колеса. И в какой жестокий момент было вызвано это замешательство, была подвергнута испытанию приверженность наших соотечественников республиканскому строю!

Те из сторонников этой меры, кто вдохновлялся благими намерениями (а таких среди них было большинство, я знаю этих людей лично, был их соратником в борьбе за общее дело и часто убеждался в чистоте их принципов), обольщались в своем суждении примером античной республики, положение и строй которой были совершенно иными. Они искали подобный прецедент в истории Рима – единственно, где его и можно было найти, и где он также в конце концов доказал свою фатальность. В качестве примера они взяли республику, раздиравшуюся мятежами и острейшей борьбой враждующих группировок, где правила жестокая бесчувственная аристократия, правила народом ожесточившимся, доведенным до отчаяния нищетой и несчастьями, волнения которого в тяжелейших условиях можно было усмирить только всемогущей рукой одного деспота. Поэтому их конституция допускала установление власти временного тирана, называя его Диктатором, и этот временный тиран, после ряда прецедентов, превратился в постоянного. Они неправильно отнесли этот прецедент к народу, мягкому по своему характеру, терпеливому в испытаниях, единому в стремлении к общей свободе, приверженному к своим вождям. Но если конституция Римского государства позволяла его сенату вручать

все свои права воле одного человека, разве отсюда следует, что ассамблея Виргинии обладает таким же правом? Какая статья нашей конституции дополнительными оговорками, касающимися не предусмотренных другими статьями случаев, заменяет в этом отношении римскую конституцию? Или здесь возможен переход ad libitum к любой другой форме правления, к тому, чтобы нами управляли прецеденты? А для какого угнетения нельзя найти прецедента в этом мире ballum omnim in omnia? – В поисках фундамента этого предложения я не смог обнаружить ничего, что хотя бы отдаленно напоминало справедливость или здравый смысл, а кроме того, обнаружился тот изъян, о котором я говорил уже раньше: поскольку между законодательной, исполнительной и судебной властью нет никакого барьера, легислатура может захватить все в свои руки. Но захватив все и обладая правом устанавливать свой собственный кворум, она может снизить его до одного человека, назвав его председателем, спикером, диктатором или любым другим именем, какое ей заблагорассудится. – Наше положение поистине опасно, и, я надеюсь, мои соотечественники осознают это и прибегнут, когда потребуется, к должному средству, каковым явится созыв конвента для утверждения конституции, устранения ее недостатков, ограничения различных ветвей власти определенным законами, которые, когда эти власти преступят их своими актами, сделают последние недействительными. Конвент устранит необходимость апелляции к народу или, если сказать иначе, восстания по каждому случаю нарушения прав народа, дабы не создавалось опасности, что покорность будет истолкована как его готовность от этих прав отказаться.

Образование Соединенных Штатов *(Из книги Т. Джефферсона «Автобиография»)*

…Отец мой был третьим или четвертым поселенцем, обосновавшимся приблизительно в 1737 г. в той части страны, где сейчас живу я. Он умер 17 августа 1757 г., оставив мою мать вдовой с шестью дочерьми и двумя сыновьями, старшим из которых был я. Она прожила до 1776 г. Моему младшему брату он оставил усадьбу на реке Джеймс, названную Сноудон в честь предполагаемого места происхождения нашей семьи. Мне же он оставил те земли, на которых я родился и живу.

Отец отдал меня в английскую школу в возрасте пяти лет, а с девяти лет вплоть до его смерти я ходил в латинскую школу. Мой учитель, г-н Дуглас, священник из Шотландии, владел начатками латыни и греческого и обучал меня французскому языку. После смерти отца я попал к преподобному г-ну Моури, настоящему ученому-классику, который занимался со мной два года. Затем, точнее с весны 1760 г., в течение двух лет я учился в колледже Уильяма и Мэри. Моей большой и доброй удачей, возможно определившей мой жизненный путь, была встреча с д-ром Уильямом Смоллом из Шотландии, тогда профессором математики, человеком глубоких знаний в области большинства прикладных разделов науки, обладавшим счастливым талантом общения, корректными манерами джентльмена, широким и либерально настроенным умом. К величайшему для меня счастью, он вскоре привязался ко мне и я стал его ежедневным компаньоном в те часы, когда не был занят в колледже. Из бесед с ним я почерпнул свои взгляды на развитие науки и того порядка вещей, часть которого мы все составляем. К счастью, вскоре после моего поступления в колледж освободилась кафедра философии, и его назначили на эту должность per interim. Он впервые в этом колледже начал регулярное чтение лекций по этике, риторике и литературе. Он возвратился в Европу в 1762 г., но прежде из доброго отношения ко мне добился, с помощью своего близкого друга Джорджа Уита, чтобы меня допустили к изучению права под его руководством, а также ввел меня в окружение губернатора Фокье, самого способного человека из всех, когда-либо занимавших этот пост. За его столом он сам, его amici omnium horarum д-р Смолл, г-н Уит и я составили partie quaree, и беседам, которые обычно велись во время наших встреч, я во

многом обязан моему образованию. Г-н Уит был моим верным и любимым наставником в юности и на всю жизнь остался самым дорогим другом. В 1767 г. он помог мне заняться юридической практикой в адвокатуре Генерального суда, которую я и продолжал до тех пор, пока Революция не закрыла все суды.

В 1769 г. я стал членом легислатуры, куда был избран от своего графства, и оставался им, пока Революция не закрыла и ее. Я предпринял в легислатуре попытку добиться разрешения на освобождение рабов, но она была отклонена. Действительно, трудно было рассчитывать на успех чего-либо либерального в условиях королевского правления. Наши мысли были ограничены узкими рамками, привычной верой в то, что в вопросах управления наш долг – повиноваться метрополии, подчинять свою деятельность ее интересам и даже проявлять ханжескую нетерпимость ко всем религиям, кроме ее, англиканской. Трудности, которые испытывали члены нашей легислатуры, исходили от обычая и чувства безнадежности, а не из раздумий и убеждения. Практика вскоре показала, что они смогли правильно осознать свою задачу, как только к ней было призвано их внимание. Однако в королевском совете, являвшимся другой палатой легислатуры, места занимались по воле высшей власти, и сами члены совета находились в полной зависимости от этой воли. Губернатор, назначавшийся той же властью и еще более преданный ей, наложил вето на наши законы. И вот, наконец, само королевское вето захлопнуло дверь перед всеми надеждами на улучшение.

1 января 1772 г. я женился на 23-летней Марте Скелтон, вдове Батхерста Скелтона, дочери Джона Уэйлеса. Г-н Уэйлес был адвокатом с большой практикой, что объяснялось, скорее, его огромным трудолюбием, пунктуальностью и готовностью практически вести дела, чем выдающимися профессиональными заслугами. Он был очень приятным собеседником, полным добродушного юмора шутником, и ему были рады в любой компании. Он нажил приличное состояние и умер в мае 1773 г., оставив трех дочерей. Часть его состояния, унаследованная г-жой Джефферсон, после выплаты долгов, которые были весьма значительны, приблизительно равнялась тому, что мне досталось в наследство от моего отца, и вследствие этого мы стали вдвое свободнее в своих средствах.

* * *

Когда была внесена знаменитая резолюция 1765 г.,

запрещающая введение гербового сбора, я все еще изучал юриспруденцию в Вильямсберге. Однако во время дебатов в Палате горожан я стоял у входа в зал и слушал блестящее выступление г-на Генри, который отличался талантом популярного оратора. Он действительно обладал этим талантом в огромной степени. Другого такого оратора мне больше не приходилось слышать. Мне казалось, что он говорил так, как Гомер писал. Г-н Джонсон, адвокат и член палаты от Норзерн Нек, поддержал эту резолюцию. Благодаря ему разум и логика в этом деле восторжествовали. Мои воспоминания об этих событиях можно найти на стр. 60 жизнеописания Патрика Генри, написанного Уиртом, которому я их и предоставил.

В мае 1769 г. губернатор лорд Ботетур созвал заседание Генеральной ассамблеи. К этому времени я уже стал ее членом. Ассамблея узнала о совместных резолюциях и обращении палат лордов и общин 1768–1769 гг., касающихся событий в Массачусетсе. Контррезолюции и обращение Палаты горожан к королю были приняты почти единогласно и все были настроены считать дело Массачусетса общим делом. Губернатор распустил палату. Но на следующий день мы встретились в зале Аполлона в таверне «Рэли», самостоятельно организовали заседание, составили статьи «Ассоциации» о бойкоте любых британских товаров, подписали их и представили народу. Мы разъехались по своим графствам и почти все были там переизбраны за исключением тех немногих, кто не одобрил наших действий.

Поскольку в течение значительного периода времени не произошло никаких волнующих событий, наши сограждане, казалось, впали в состояние безразличия к нашему общему положению, над нами все еще висели неотмененный налог на чай и декларативный акт о праве британского парламента навязывать нам свои законы в любых случаях. Но на нашей сессии весной 1773 г. мы решили, что требует внимания деятельность следственного суда, учрежденного в 1762 г. в Род-Айленде и наделенного властью высылать в Англию и судить там лиц, совершивших здесь, у нас, преступления. Считая, что старейшие и ведущие члены палаты не в состоянии проявить ту степень готовности и рвения, которую требовало время, г-да Генри, Ричард Генри Ли, Фрэнсис Л. Ли, г-н Карр и я договорились встретиться вечером в отдельной комнате в таверне «Рэли», чтобы обсудить положение дел. Возможно, там были еще один-два члена палаты, которых я не запомнил. Все мы сознавали, что самой неотложной задачей было достижение соглашения со всеми остальными колониями о том, чтобы считать борьбу против британских притязаний общим делом и договориться о единстве

действий. Лучшим способом поддержания контактов было бы создание для этой цели в каждой колонии комитетов связи, первым шагом которых, вероятно, мог быть созыв в каком-либо центральном месте собрания представителей от каждой колонии, наделенных полномочиями принимать решения о совместных действиях. Поэтому мы составили проект резолюции. Обсуждавшие проект члены легислатуры предложили мне внести его на рассмотрение, но я настоял на том, чтобы это сделал новый член палаты, мой друг и шурин, г-н Карр, потому что мне хотелось предоставить ему возможность проявить свои большие достоинства и таланты перед всей палатой. Со мной согласились; внесенные им резолюции были приняты пет. соп и был создан комитет связи, председателем которого стал спикер палаты Пейтон Рандолф. Губернатор (тогда им был лорд Данмор) распустил ассамблею, но члены комитета встретились на следующий день, подготовили циркулярное письмо к спикерам других колоний, приложив к нему копию принятых резолюций и поручив председателю комитета разослать их с нарочными.

С той поры считается, что приоритет создания комитетов связи между колониями принадлежит Массачусетсу. Разделяет это ошибочное мнение и Маршалл (John Marshall's Life of Washington), хотя из самих примечаний в приложении к его книге, на которые он ссылается, видно, что там их создание ограничивалось городами. Этот вопрос ясно изложен в письме ко мне Самуэля Адамса Уэллса от 2 апреля 1819 г. и в моем ответе от 12 мая. В своем письме г-н Уэллс исправил допущенную мною неточность в информации, переданной мною г-ну Уирту, как указано в примечании на стр. 87, относительно того, что курьеры Массачусетса и Виргинии, доставляя аналогичные предложения, встретились на пути; г-н Уэллс пишет, что в Массачусетсе решение было принято только после того, как наше предложение было получено и оглашено на следующей сессии. Таким образом их послание, встретившееся в пути с нашим, должно быть, касалось какого-то другого вопроса, потому что я хорошо помню, как Пейтон Рандолф рассказывал мне о том, как встретились наши курьеры.

* * *

Следующим событием, вызвавшим наше сочувствие Массачусетсу, было принятие закона о Бостонском порте, в соответствии с которым 1 июня 1774 г. порт должны были закрыть. Это произошло во время сессии нашей ассамблеи весной

того же года. Поскольку старые члены палаты больше не играли ведущей роли в этих вопросах, г-н Генри, Р. Г. Ли, Фр. Л. Ли, еще три-четыре члена палаты, – имен которых я не припомню, – и я сам, решив, что мы должны смело занять недвусмысленную позицию в поддержку Массачусетса, договорились встретиться в зале заседаний Совета, так как там была библиотека, и обсудить надлежащие действия. Мы были убеждены в необходимости пробудить наш народ от апатии, в которую он впал по отношению к происходящим событиям, и сочли, что назначение дня всеобщего поста и молитвы лучше всего привлечет его внимание. Со дня наших бедствий в войне 1755 г. еще не было случая такого торжественного обращения. С тех пор выросло новое поколение, которое этого не помнит. И вот, с помощью Рашуорта, которого мы тщательно просмотрели в поисках хранимых им революционных прецедентов и правил пуритан тех дней, мы, несколько модернизировав их формулировки, приготовили резолюцию, объявив 1 июня, дату вступления в силу закона о порте, днем поста, скорби и молитвы, чтобы умолить небеса отвратить от нас беды гражданской войны, вдохнуть в нас твердость в защите наших прав и обратить сердца короля и членов парламента к умиротворению и справедливости.

Чтобы придать нашему предложению больший вес, мы решили явиться на следующее утро к г-ну Николасу, чей степенный и религиозный характер более соответствовал тону нашей резолюции, и уговорить его внести ее на рассмотрение ассамблеи. Соответственно мы отправились к нему утром. В тот же день он внес наше предложение о 1 июня, и оно прошло, не встретив возражений. Как обычно, губернатор распустил ассамблею. Как и прежде, мы направились в зал Аполлона, согласовали статьи «Ассоциации» и обязали наш Комитет связи предложить комитетам связи других колоний назначить своих представителей для ежегодного проведения Конгресса в удобном для всех месте с тем, чтобы время от времени принимать необходимые решения в интересах общего дела. Мы заявили также, что нападение на любую из наших колоний должно рассматриваться как нападение на всех.

Это происходило в мае. Далее мы рекомендовали нескольким графствам избирать представителей на встречу в Вильямсберге 1 августа для того, чтобы обсудить положение колонии и в особенности для того, чтобы назначить делегатов на всеобщий Конгресс, если к решению провести его присоединится большинство комитетов связи. Решение о проведении Конгресса было принято; местом его проведения была выбрана Филадельфия; начало работы назначено на 5 сентября.

Мы разъехались по домам, и в своих графствах обратились к священникам с просьбой 1 июня встретиться с народом, провести церемонии и произнести соответствующие этому дню проповеди. Лица большинства собравшихся 1 июня людей выражали беспокойство и тревогу. Влияние этого дня на настроение всей колонии было подобно воздействию электрического шока – каждый словно очнулся, выпрямился и твердо встал на ноги. Повсеместно были избраны делегаты на конвент. Будучи избранным от своего графства, я подготовил проект инструкций для делегатов, которых мы пошлем на Конгресс, и собирался огласить его на нашем собрании.

Готовя этот проект, я руководствовался тем, что с самого начала считал общеизвестным и незыблемым фактом, а именно, что отношения между Великобританией и нашими колониями были точно такими же, как между Англией и Шотландией после восшествия на престол короля Якова и до Акта об унии, и такими же, как нынешние отношения Англии с Ганновером. У них один и тот же глава исполнительной власти, но больше нет никаких иных необходимых политических связей, и наша эмиграция из Англии в эти земли дала ей не больше прав над нами, чем эмиграция в Англию датчан и саксов дала современным правительствам их стран над Англией.

С этой моей мыслью я не мог никого убедить согласиться кроме г-на Уита. Он согласился со мной, как только был задан этот коренной вопрос: каковы политические отношения между нами и Англией? Другие наши патриоты – Рандолф, оба Ли, Николас, Пенделтон – остановились на полпути вместе с Джоном Дикинсоном, который допускал, что Англия имеет право регулировать нашу торговлю и облагать ее налогами с этой целью, но не для извлечения дохода. Для такой точки зрения нет оснований ни в каком-либо договоре, ни в общепризнанных принципах колонизации, ни в логике вещей. Эмиграция же, являясь естественным правом, практиковалась как таковая всеми народами, во все времена.

* * *

За несколько дней до назначенного срока я выехал в Вильямсберг, но по дороге заболел дизентерией и не смог ехать дальше. Поэтому я отослал в Вильямсберг два экземпляра моего проекта, один Пейтону Рандолфу, который, как я знал, будет председателем конвента, а другой Патрику Генри. Был ли г-н Генри не согласен с моими предложениями или поленился

прочитать их (а когда дело касалось чтения, он был самым ленивым человеком из всех, кого я когда-либо знал), я так никогда и не узнал, но он никому не сообщил о моем проекте. Пейтон Рандолф сообщил конвенту, что он получил такой документ от делегата, которому болезнь помешала самому довести его до сведения присутствующих, и представил его для ознакомления. Он был в основном прочитан делегатами и многие его одобрили, хотя и посчитали слишком смелым при нынешнем положении вещей. Однако они опубликовали его в виде памфлета под названием «Общий обзор прав британской Америки». Памфлет дошел до Англии и был взят на вооружение оппозицией. С тем чтобы он лучше отвечал целям оппозиции, г-н Берк слегка дополнил текст и в таком виде он выдержал несколько изданий. Об этом мне рассказал Парсон Херт, оказавшийся в это время в Лондоне, куда он прибыл для посвящения в духовный сан.

Впоследствии Пейтон Рандолф сообщил мне, что из-за этого я был удостоен чести быть занесенным в длинный проскрипционный список, включенный в билль об осуждении парламентом за государственную измену, разработка которого началась в одной из палат парламента, но вскоре же была прекращена благодаря быстрой смене событий, научившей членов палаты быть более осторожными. Монтагью, бывший агентом Палаты горожан в Англии, сделал выписки из этого билля, переписал упоминавшиеся имена и отослал их Пейтону Рандолфу. Всего, мне кажется, Рандолф перечислил около двадцати имен, но я помню только Хэнкока, двух Адамсов, самого Рандолфа и себя. Конвент открылся 1 августа, возобновил «Ассоциацию», избрал делегатов на Конгресс, дав им весьма умеренные и соответственно выдержанные как по форме, так и по содержанию инструкции. В назначенное время делегаты отбыли в Филадельфию.

Великолепный ход первой сессии этого Конгресса принадлежит истории, он известен всем и нет нужды описывать его здесь снова. Сессия Конгресса закончилась 26 октября, а следующая была назначена на 10 мая. Очередная сессия конвента колонии в марте 1775 г. одобрила работу Конгресса, поблагодарила делегатов и вновь уполномочила тех же лиц представлять колонию на Конгрессе в мае. Предвидя возможность того, что Пейтон Рандолф, президент нашего конвента, а также и спикер Палаты горожан, может быть отозван, на этот случай в состав делегации включили меня.

Как и ожидалось, г-н Рандолф был вынужден оставить пост президента Конгресса, чтобы присутствовать на Генеральной ассамблее в Виргинии, созванной лордом Данмором 1 июня

1775 г. Примирительные, как их называли, предложения лорда Норта, полученные губернатором, стали основным вопросом, для обсуждения которого созывалась ассамблея. Г-н Рандолф, естественно, присутствовал на заседаниях ассамблеи, и – поскольку эти предложения были направлены всем губернаторам, смысл и содержание их были общеизвестны, – ему очень хотелось, чтобы ответ нашей ассамблеи, который, вероятно, мог стать первым, соответствовал бы известным ему чувствам и пожеланиям членов Конгресса, который он недавно покинул. Он опасался, что г-н Николас, чьи взгляды еще не отвечали требованиям времени, возьмется за составление ответа ассамблеи и поэтому настаивал, чтобы ответ был подготовлен мною. Я так и сделал, и с помощью Рандолфа провел этот ответ через палату, при этом г-да Николас и Джеймс Мерсер долго сомневались и колебались, а некоторые возражения несколько ослабили этот наш ответ, но в конце концов голосование было единодушным или почти единодушным.

* * *

Сразу же после этого я отправился в Филадельфию и первым сообщил Конгрессу о нашем ответе. Там он был полностью одобрен. С 21 июня я присутствовал на заседаниях Конгресса. Для подготовки декларации о причинах, побудивших нас взяться за оружие, был создан комитет, который 24 июня представил свой доклад (составленный, как я полагаю, Дж. Ратледжем). Поскольку доклад не был одобрен, 26-го Конгресс вернул его в комитет на доработку, добавив в его состав г-на Дикинсона и меня.

На собрании Конгресса, еще до заседания комитета, я оказался рядом с губернатором У. Ливингстоном и предложил ему составить текст этого документа. Он отказался и сказал, что это следует сделать мне. Когда же я стал настаивать, он сказал: «Мы же только что познакомились с вами, сэр, почему вы так хотите, чтобы я занялся им?» – «Потому что я знаю, – сказал я, – что это Вы подготовили «Обращение к народу Великобритании», которое определенно написано лучшим пером Америки». – «На этот счет у Вас, вероятно, не совсем точные сведения, сэр», – отвечал он.

Сведения же об этом я получил еще в Виргинии от полковника Гаррисона после его возвращения с Конгресса. В комитет по составлению проекта входили Ли, Ливингстон и Джей. Первый проект, подготовленный Ли, был отвергнут и отправлен на доработку. Второй – составлен Джеем, но

представлен губернатором Ливингстоном, это и ввергло в ошибку полковника Гаррисона.

На следующее утро, в то время как я прохаживался по залу Конгресса, где уже собралось много его членов в ожидании начала работы, г-н Джей, беседуя с Р. Г. Ли, подвел его ко мне за пуговицу сюртука. «Насколько мне известно, сэр, – сказал он мне, – этот джентльмен сообщил вам, что губернатор Ливингстон составил «Обращение к народу Великобритании»». Я тотчас же заверил его, что не получал такой информации от г-на Ли и что вообще мы с ним не обмолвились об этом ни единым словом; обменявшись еще несколькими фразами, мы оставили эту тему. Эти два джентльмена и прежде препирались в дебатах и продолжали весьма враждебно относиться друг к другу и далее.

Я подготовил проект порученной нам декларации. Он оказался слишком сильным для г-на Дикинсона, который еще сохранял надежду на примирение с метрополией и боялся помешать этому агрессивными заявлениями. Он был таким честным и талантливым человеком, что даже те, кто не разделял его взглядов, относились к нему очень хорошо. Поэтому мы обратились к нему с просьбой взять этот документ и облечь его в приемлемую для него форму. Он так и сделал: подготовил совершенно новый документ, сохранив от прежнего только четыре последних абзаца и половину предыдущего. Мы одобрили его вариант декларации и передали его в Конгресс, который принял ее. Конгресс проявил знак уважения к г-ну Дикинсону, заявив о своем желании ни в чем не проявлять поспешности, разрешил Дикинсону составить второе обращение к королю Великобритании в соответствии с его собственными взглядами и принял его почти без изменений. Отвращение к этому проявлению покорности было всеобщим, и только восторг г-на Дикинсона при принятии этого обращения примирил Конгресс с его содержанием.

После голосования, когда дальнейшее обсуждение было излишним, он не смог удержаться от того, чтобы не встать и не выразить свое удовлетворение, закончив словами: «Господин председатель, в этом документе есть только одно слово, которое я не одобряю. Это слово – Конгресс». В ответ на это встал Бен Гаррисон и сказал: «Господин председатель, в этом документе есть только одно слово, которое я одобряю. Это слово – Конгресс».

* * *

22 июля д-р Франклин, г-н Адамс, Р. Г. Ли и я были назначены членами комитета для рассмотрения примирительных предложений лорда Норта и доклада о них Конгрессу. Поскольку ответ ассамблеи Виргинии по этому вопросу был одобрен, комитет попросил меня подготовить этот доклад, что должно было обеспечить сходство этих двух документов.

15 мая 1776 г. конвент Виргинии дал указание своим представителям в Конгрессе внести предложения объявить колонии независимыми от Великобритании и назначить комитет для подготовки декларации прав и плана правления.

В Конгрессе, пятница 7 июня 1776 г.

Делегаты Виргинии в соответствии с инструкциями, полученными от своих избирателей, внесли резолюцию, призывающую Конгресс провозгласить, что настоящие Соединенные колонии являются и по праву должны быть свободными и независимыми штатами; что они полностью освобождаются от верности британской короне; что всякая политическая связь между ними и государством Великобритания является и должна быть полностью расторгнута; что немедленно должны быть приняты меры для обеспечения помощи иностранных государств и должна быть образована конфедерация для большего сплочения колоний.

Поскольку в это время Конгресс был занят другими делами, обсуждение этого предложения было перенесено на следующий день, и делегатам было велено явиться точно к 10 часам без опозданий.

Суббота, 8 июня.

Делегаты продолжили рассмотрение этого предложения и передали его в комитет всей палаты, который и был тотчас образован. Дебаты проходили в этот день и в понедельник, 10-го.

Уилсон, Роберт Р. Ливингстон, Э. Ратледж, Дикинсон и другие утверждали, что, хотя они и были сторонниками самих этих мер и считали невозможным, чтобы мы когда-нибудь снова объединились с Великобританией, они все же были против их принятия в настоящее время;

что образ действий, которого мы придерживались ранее, воздерживаясь от совершения любого решительного шага до тех пор, пока голос народа не заставит нас сделать это, теперь оказался мудрым и соответствующим обстоятельствам;

что народ – это наша сила и что без него наши декларации не могут осуществиться;

что жители средних колоний (Мэриленда, Делавэра, Пенсильвании, Джерси и Нью-Йорка) еще не созрели для того, чтобы порвать связи с Британией, но что они быстро созревают и

вскоре присоединятся к общему голосу Америки;

что внесенная 15 мая резолюция о прекращении действия всякой власти, исходящей от короны, показала благодаря тем волнениям, в которые она ввергла жителей средних колоний, что их сознание еще не свыклось с отделением от метрополии;

что некоторые из них намеренно запретили своим делегатам соглашаться на такую декларацию, а другие не дали никаких инструкций и соответственно никаких полномочий давать такое согласие;

что если у делегатов какой-нибудь колонии определенно нет полномочий провозгласить эту колонию независимой, другие не могут провозгласить ее независимой за них, причем колонии пока остаются совершенно независимыми одна от другой;

что ассамблея Пенсильвании заседает сейчас этажом выше, ее конвент соберется в течение нескольких дней, что сейчас заседает конвент Нью-Йорка, а конвенты Джерси и графств Делавэра соберутся в следующий понедельник, и, возможно, на них встанет вопрос о независимости, и они доведут до делегатов мнение своего штата;

что если такая декларация будет сейчас одобрена, то эти делегаты должны уйти в отставку, а их колонии, возможно, могут выйти из союза;

что такой выход приведет к нашему ослаблению и никакой союз с иностранным государством не сможет его возместить; что в случае такого разделения иностранные государства либо откажутся поддержать нас, либо, получив над нами большую власть благодаря этой отчаянной декларации, будут настаивать соответственно на более тяжелых и предосудительных для нас условиях;

что у нас мало оснований ожидать союза с теми, на кого пока мы рассчитываем;

что у Франции и Испании есть основания с подозрением относиться к этому рождающемуся государству, которое когда-нибудь в будущем непременно лишит их всех владений в Америке;

что они скорее пойдут на связь с Британским двором, который, если он будет не в состоянии иначе выпутаться из затруднительного положения, согласится на раздел наших территорий, возвратив Канаду Франции, а Флориды – Испании, и таким образом они смогут добиться возвращения этих колоний;

что в скором времени мы получим надежную информацию о намерениях французского двора от агента, посланного нами в Париж с этой целью;

что если эти намерения будут благоприятными благодаря

исходу нынешней кампании, которая, как мы все надеемся, закончится успешно, у нас будут основания ожидать заключения союза на лучших условиях;

что такой образ действий не задержит на деле предоставление нам неотложной эффективной помощи от такого союзника, поскольку из-за наступления зимы и нашей удаленности мы уже не сможем получить какую-либо помощь во время нынешней кампании;

что благоразумнее сначала самим определить условия заключения союза, а затем объявлять о его заключении в любом случае;

и что, если по всем названным соображениям будет достигнуто согласие, и наша Декларация независимости будет готова ко времени отплытия нашего посла, то хорошо было бы и принять эту Декларацию в тот же день.

С другой стороны, Дж. Адамс, Ли, Уит и другие настаивали на том, что ни один джентльмен не оспаривал этой политики или права на отделение от Британии и не полагал также возможным, что мы когда-либо возобновим с ней наши связи;

что они возражали только против объявления об этом в данный момент; что вопрос заключается не в том, что благодаря Декларации независимости мы станем тем, чем мы сейчас не являемся, а в том, объявим ли мы ею о факте уже существующем;

что касается народа или парламента Англии, то мы всегда были независимыми от них, причем их ограничение нашей торговли черпало силу только в нашей покорности, а не в каких-нибудь принадлежащих им правах введения ограничений, и что до сих пор наша связь была только федеральной, а сейчас, с началом военных действий, она расторгнута;

что касается короля, то мы были связаны с ним узами подданства, но эти узы теперь расторгнуты его санкцией на последний акт парламента, согласно которому он лишил нас своей защиты и начал против нас войну, подтвердив тем самым, что мы давно уже лишены его защиты, ибо в юриспруденции существует положение о том, что подданство и защита взаимосвязаны: когда исчезает одно, прекращается и другое;

что Яков Второй никогда не объявлял о том, что он лишает народ Англии своей защиты; однако, когда его действия доказали, что он сделал это, то парламент об этом объявил;

тогда ни одному делегату нельзя отказать в праве или даже пожелать отказать в праве и возможности провозгласить существующую истину;

что, поскольку делегаты графств Делавэра объявили о том, что их избиратели готовы присоединиться к общему мнению,

остались всего две колонии, Пенсильвания и Мэриленд, делегаты которых полностью связаны в своих действиях, и что согласно своим инструкциям они оставили за собой право только высказываться «за» или «против» этой меры;

что инструкции делегатов Пенсильвании могут объясняться тем, что они были составлены почти год назад, а за это время состояние дел полностью изменилось;

что за это время стало ясно, что Британия исполнена решимости согласиться просто-напросто на «карт-бланш» с нашей стороны и что ответ короля лорд-мэру, олдерменам и муниципальному совету Лондона, который пришел четыре дня назад, должен был прояснить для всех этот вопрос; что народ ожидает от нас, что мы поведем его за собой; что он за эту меру, хотя инструкции, данные некоторым его представителям, не за нее;

что голос представителей не всегда созвучен голосу народа, и это особенно верно для средних колоний;

что реакция на резолюцию от 15 мая подтвердила это; она, вызвав ропот некоторых людей в колониях Пенсильвания и Мэриленд, встретила возражения более свободной части населения, доказав, что они составляют большинство даже в этих колониях;

что отсталость этих двух колоний может быть частично объяснена влиянием власти собственников, их связями и частично тем, что эти колонии пока не подверглись нападению противника;

что эти причины, вероятно, не будут вскоре устранены, поскольку противник, похоже, не собирается сделать их территорию местом военных действий этим летом;

что ожидание неделями или месяцами достижения полного единодушия будет напрасным, поскольку невозможно, чтобы у всех людей было единое мнение по какому-нибудь вопросу;

что с самого начала нынешней борьбы образ действий некоторых колоний дал основание для подозрений, что их установившейся политикой стало стремление оставаться в тылу конфедерации, дабы на будущее перспективы для них были бы лучшими даже при худшем обороте событий;

что поэтому тем колониям, которые бросились вперед и с самого начала поставили все на карту, сейчас необходимо так же сделать снова шаг вперед и рискнуть всем;

что история голландской революции, в которой поначалу объединились только три штата, доказала, что отделение некоторых колоний не будет столь опасным, как некоторые полагают;

что только Декларация независимости сможет сделать совместимым с европейской щепетильностью само установление отношений с нами европейскими государствами или даже прием нашего посла;

что до этого они не будут принимать наши суда в своих портах или признавать законность решений наших адмиралтейских судов в случаях захвата нами британских судов;

что хотя Франция и Испания могут ревниво относиться к усилению нашей мощи, они должны представлять себе, что в союзе с Великобританией эта мощь станет еще грознее, и поэтому будут считать своей целью предотвращение такой коалиции; но если они откажутся от союза с нами, мы ничего не потеряем, в то время как не попытавшись установить с ними союз, мы никогда не узнаем, будут они нам помогать или нет;

что нынешняя военная кампания может быть для нас неуспешной, и поэтому нам лучше предложить союз сейчас, пока в наших делах есть надежда на успех;

что ожидание исхода этой кампании безусловно вызовет задержку, поскольку в течение лета Франция могла бы эффективно помочь нам, перерезав снабжение продовольствием из Англии и Ирландии находящихся здесь вражеских армий, от которого они столь зависят; или приведя в действие большие силы, сконцентрированные ею в Вест-Индии, и вынуждая нашего противника к защите его тамошних владений;

что было бы глупо терять время на определение условий союза до того, как мы не примем решение о вступлении в него;

что не теряя времени нашему народу необходимо начать торговать, потому что ему понадобится одежда, а также деньги для уплаты налогов;

и что единственной неудачей является то, что мы не вступили в союз с Францией шестью месяцами ранее, потому что тогда кроме предоставления своих портов для сбыта нашего урожая прошлого года она могла бы направить армию в Германию и удержать местных мелких князей от продажи своих несчастных подданных для нашего подавления.

* * *

Поскольку в ходе этих дебатов выяснилось, что колонии Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, Делавэр, Мэриленд и Южная Каролина еще не созрели для разрыва родственных уз с метрополией, но быстро шли к этому положению, сочтено было самым разумным немного подождать и отложить принятие

окончательного решения до 1 июля; однако чтобы свести к минимуму потерю времени, был образован комитет для подготовки Декларации независимости. В комитет вошли Джон Адамс, д-р Франклин, Роджер Шерман, Роберт Р. Ливингстон и я. Одновременно были образованы комитеты для подготовки плана конфедерации колоний и для выработки подходящих для предложения условий союза с иностранными государствами. Комитет по подготовке Декларации независимости пожелал, чтобы ее написал я. В соответствии с пожеланием это и было сделано. Получив одобрение членов комитета, я доложил ее Конгрессу в пятницу, 28 июня. После зачтения Декларации было решено ее обсуждение отложить.

В понедельник, 1 июля, Конгресс собрался в качестве комитета всей палаты и возобновил рассмотрение первоначального предложения, внесенного делегатами Виргинии, которое снова обсуждалось целый день и было одобрено голосами Нью-Гэмпшира, Коннектикута, Массачусетса, Род-Айленда, Нью-Джерси, Мэриленда, Виргинии, Северной Каролины и Джорджии. Южная Каролина и Пенсильвания проголосовали против. От Делавэра присутствовало только два делегата, и их голоса разделились. Делегаты от Нью-Йорка заявили, что сами они – за резолюцию и уверены в том, что их избиратели тоже за нее, но поскольку имеющиеся у них инструкции были составлены почти год назад, когда примирение еще было главной целью, в них предписывается не делать ничего, что могло бы препятствовать достижению этой цели. Поэтому они считали себя не вправе голосовать «за» или «против» и попросили разрешения воздержаться от голосования. Такое разрешение было им дано.

Комитет завершил работу и доложил о своем решении Конгрессу. Затем г-н Эдвард Ратледж из Южной Каролины обратился с просьбой перенести окончательное голосование на следующий день, поскольку он считает, что тогда его коллеги, хотя они и отклонили резолюцию, присоединятся к ней ради достижения единства. Решение основного вопроса – согласится ли Конгресс с резолюцией комитета – было также отложено до следующего дня, когда он был снова поставлен на голосование, и Южная Каролина проголосовала «за». Тем временем от графств Делавэра спешно прибыл третий делегат и склонил голос колонии в пользу резолюции. Присутствовавшие в то утро делегаты Пенсильвании, ранее голосовавшие против, теперь также изменили свой голос, так что все двенадцать колоний, представители которых вообще были уполномочены голосовать, отдали свои голоса за резолюцию. А через несколько дней одобрил ее и конвент Нью-Йорка, заполнив таким образом

пробел, образовавшийся когда его делегация воздержалась от голосования.

Конгресс в тот же день возобновил рассмотрение Декларации независимости, обсуждение которой было отложено в предшествующую пятницу, а в понедельник – передано комитету всей палаты. Малодушная надежда на то, что в Англии у нас есть друзья, с которыми стоило сохранять отношения, все еще теплилась во многих. Поэтому те абзацы, которые содержали осуждение англичан, были вычеркнуты, чтобы не нанести им обиды. Статья, осуждающая обращение в рабов жителей Африки, была также вычеркнута в угоду Южной Каролине и Джорджии, которые никогда не пытались ограничить ввоз рабов, а напротив, намеревались продолжать работорговлю. Наши северные братья, я думаю, тоже чувствовали себя немного задетыми этим осуждением, потому что, хотя у них самих рабов и было очень мало, но зато они являлись крупными поставщиками их другим штатам.

Дебаты, занявшие большую часть 2, 3 и 4 июля, были прекращены 4-го вечером. Декларация была представлена комитетом, одобрена Конгрессом и подписана всеми присутствующими делегатами, за исключением г-на Дикинсона. Поскольку взгляды людей можно узнать не только из того, что они принимают, но также из того, что они отвергают, я привожу здесь первоначальный текст Декларации, представленный Конгрессу. Части, включенные Конгрессом, помещены в квадратных скобках.

* * *

«ДЕКЛАРАЦИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ, СОБРАВШИХСЯ НА ОБЩИЙ КОНГРЕСС

Когда в ходе человеческой истории для одного народа оказывается необходимым расторгнуть политические связи, соединяющие его с другим народом, и занять среди держав мира самостоятельное и независимое положение, на которое он имеет право согласно законам природы и ее Творца, то должное уважение к мнению человечества обязывает его изложить причины, побуждающие его к отделению.

Мы считаем самоочевидными истины: что все люди созданы равными и наделены Творцом определенными [врожденными и] неотъемлемыми правами, среди которых – право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью; что для обеспечения этих прав люди создают правительства, справедливая власть которых

основывается на согласии управляемых; что, если какой-либо государственный строй нарушает эти права, то народ вправе изменить его или упразднить и установить новый строй, основанный на таких принципах и организующий управление в таких формах, которые должны наилучшим образом обеспечить безопасность и благоденствие народа. Благоразумие, конечно, требует, чтобы давно сложившиеся формы правления не сменялись вследствие маловажных и преходящих причин, так как опыт прошлого показывает, что люди скорее склонны терпеть зло, пока оно еще переносимо, чем пользоваться своим правом упразднения привычных форм жизни. Но когда длинный ряд злоупотреблений и насилий, [начатых в известный период и] неизменно преследующих одну и ту же цель, обнаруживает стремление подчинить народ абсолютному деспотизму, то право и долг народа свергнуть такое правительство и создать новые гарантии обеспечения своей будущей безопасности. Эти колонии также долго и терпеливо переносили различные притеснения и только необходимость заставляет их теперь изменить [уничтожить] формы прежнего государственного строя. История правления ныне царствующего короля Великобритании – это история беспрестанных [неослабных] злоупотреблений и насилий, [среди которых не было ни одного факта, противоречащего общей направленности остальных, но все они] непосредственная цель которых заключается в установлении в наших штатах абсолютного деспотизма. В доказательство этого представим на беспристрастное суждение всего мира следующие факты, [в истинности которых мы клянемся верой, до сих пор не запятнанной ложью].

Король отказывался утверждать самые необходимые и полезные для общественного блага законы. Он запрещал своим губернаторам проводить законы неотложной важности, откладывая вступление их в силу до утверждения королем, а когда действие этих законов таким образом приостанавливалось, оставлял их без всякого внимания.

Он не разрешал принимать другие законы, отвечавшие интересам обширных населенных районов, если только их жители не соглашались отказаться от своего права на представительство в законодательном собрании, права неоценимого для них и опасного лишь для тиранов.

Он созывал сессии законодательных собраний в необычных, неудобных и удаленных от местонахождения архивов местах, с единственной целью физически утомить законодателей и подчинить их таким образом своей воле.

Он неоднократно [и постоянно] распускал законодательные

палаты за то, что они с мужественной твердостью противились его попыткам нарушения принадлежащих народу прав.

В течение продолжительного времени после их роспуска он отказывался назначать новые выборы, вследствие чего законодательная власть, которую нельзя уничтожить, возвращалась опять в распоряжение всего народа, а страна тем временем подвергалась опасностям внешнего вторжения и внутренних потрясений.

Он пытался препятствовать заселению этих штатов, мешая для этой цели применению существующих законов о натурализации иностранцев, отказывая в утверждении новых законов для поощрения иммиграции и затрудняя приобретение земельных наделов.

Он препятствовал [едва терпел] отправлению правосудия [полностью пресекая его в некоторых из наших штатов], отказываясь утверждать законы об учреждении судов.

Он подчинил [наших] судей своей воле, поставив их в исключительную зависимость от себя как в отношении срока их службы, так и в отношении их окладов.

Он учредил [присвоенной себе властью] множество новых должностей и направлял к нам толпы бесчисленных чиновников, чтобы притеснять и разорять народ.

Он содержал у нас в мирное время постоянную армию [и военные корабли] без согласия на то наших законодательных собраний.

Он стремился сделать военную власть независимой и поставить ее выше власти гражданской.

Он объединялся с другими для подчинения нас власти установлений, чуждых нашей конституции и не признаваемых нашими законами; он утвердил акты этой незаконной власти, издававшиеся со следующими лицемерными целями:

размещения среди нас крупных воинских частей; защиты военных при помощи неправого суда от наказаний за убийства жителей наших штатов;

прекращения нашей торговли с другими частями света; обложения нас без нашего согласия налогами; лишения нас [во многих случаях] права на суд присяжных; отправки нас за океан и предания там суду за мнимые преступления;

уничтожения свободной системы английских законов в соседней провинции, установления там строя, основанного на произволе, и расширения ее пределов таким образом, чтобы она служила одновременно и примером, и средством для распространения той же абсолютной власти и в наших колониях [штатах]; отмены наиболее важных для нас законов и коренного

изменения нашей системы управления;

роспуска наших законодательных собраний и присвоения себе права издания всевозможных законов вместо нас.

Король отказался от правления нами, лишив нас своего покровительства и начав войну против нас [отозвав своих губернаторов и лишив нас своего подданства и покровительства].

Он пиратствовал на наших морях, опустошал наши берега, жег наши города и убивал наших соотечественников.

Он посылает теперь целые армии иностранных наемников, чтобы завершить дело уничтожения, разорения и тирании, начатое раньше с такой жестокостью и вероломством, которые едва ли были известны даже в самые варварские времена и которые совершенно недостойны главы цивилизованной нации.

Он вынуждал наших сограждан, захваченных в плен в открытом море, поднимать оружие против своей родной страны и либо быть палачами своих друзей и братьев, либо погибать от их рук.

Он вызывал среди нас внутренние волнения и пытался поднять против жителей нашей приграничной полосы жестоких индейских дикарей, которые ведут войну, уничтожая поголовно всех, независимо от возраста, пола и условий [существования].

[Он подстрекал к изменническим выступлениям наших сограждан, соблазняя их захватом и конфискацией нашего имущества. Он вел жестокую войну против самой человеческой природы, попирая ее самые священные права – жизнь и свободу людей, принадлежащих к народу, далеко от нас живущему, который никогда не причинял ему ничего дурного, захватывая их в другом полушарии и обращая в рабство или подвергая жалкой смерти во время их перевозки сюда. Эту пиратскую войну – позор НЕ ЗНАЮЩИХ ИСТИННОЙ ВЕРЫ государств – ведет ХРИСТИАНСКИЙ король Великобритании. Исполненный решимости сохранить рынок, где ЧЕЛОВЕКА можно купить и продать, он обесчестил свое право вето, пресекая любую законодательную попытку запретить или ограничить эту отвратительную торговлю. И поскольку это чудовище не желает упускать ни малейшей возможности, он сейчас побуждает этих самых людей подняться с оружием против нас, чтобы они купили себе свободу, которую он сам у них отнял, убивая других людей, которым он сам их же и навязал. Так, прежние преступления против СВОБОД одних людей искупаются преступлениями, которые он побуждает совершить против ЖИЗНЕЙ других].

На каждой стадии этих притеснений мы покорно просили о восстановлении наших прав, но единственным ответом на наши повторные петиции были только новые несправедливости.

Государь, которому свойственны все черты, отличающие тирана, не может быть правителем свободного народа, [который желает быть свободным. Будущие века вряд ли поверят, что дерзость одного человека сумела за краткий период всего двенадцати лет заложить начала столь грубой и столь неприкрытой тирании над народом, воспитанным на принципах свободы и держащихся их].

Не оставляли мы также без внимания и наших британских собратьев. Мы указывали им время от времени на попытки их законодательного собрания распространить на [эти наши штаты] нас неоправданную юрисдикцию. Мы напоминали им про обстоятельства, при которых мы эмигрировали сюда и поселились здесь, [ни одно из которых не может узаконить столь странную претензию]. Эмиграция и поселение были осуществлены за счет нашей собственной крови и состояния без помощи богатств или мощи Великобритании. Создавая наши различные формы правления, мы приняли одного общего короля, положив начало непрерывному союзу и дружбе с британскими собратьями. Но подчинение их парламенту не было заключено ни в нашем общественном устройстве, ни даже в наших замыслах, если только можно верить истории, и мы взывали к их прирожденному чувству справедливости и великодушию, и мы заклинали их, во имя [как и ради] наших кровных уз, осудить эти посягательства, которые [весьма вероятно] неминуемо должны были разъединить нас и прекратить сношения между нами. Но и они также оставались глухи к голосу справедливости и кровного родства, а когда появилась возможность в соответствии с обычным отправлением их законов устранить из их правящих советов нарушителей нашей взаимной гармонии, они путем свободных выборов восстановили их у власти. В то же самое время они разрешили своему верховному властителю послать сюда не только солдат общей с нами крови, но шотландских и иностранных наемников, чтобы вторгнуться к нам и уничтожить нас. Эти деяния нанесли последний удар по гибнущей привязанности, и дух мужества требует от нас навсегда порвать с этими бесчувственными собратьями. Мы должны стараться забыть нашу прежнюю любовь к ним и относиться к ним, как к другим народам, считая их врагами – во время войны, друзьями – во время мира. Вместе мы могли быть свободным и великим народом; но распространение величия и свободы оказывается ниже их достоинства. Да будет так, раз они этого хотели. Путь к счастью и славе открыт также и для нас. Мы пойдем по этому пути без них и поэтому мы должны примириться с необходимостью нашего отделения [на все времена] и относиться

к ним, как к другим народам, считая их врагами – во время войны, друзьями – во время мира.

Поэтому мы, представители Соединенных Штатов Америки, собравшись на Генеральный Конгресс и призывая Высшего Судию быть свидетелем искренности наших намерений, именем и властью доброго народа наших колоний торжественно и во всеуслышание объявляем, что наши соединенные колонии отныне являются, и по праву должны быть, свободными и независимыми Штатами, что они полностью освобождаются от верности Британской Короне и что всякая политическая связь между ними и государством Великобританией полностью расторгается, [Штаты отвергают и объявляют недействительными какое бы то ни было подданство и подчинение королям Великобритании, а также всем, кто может в будущем претендовать на это с их помощью, при их посредстве или указании. Мы полностью расторгаем всякую политическую связь, которая только могла до сих пор существовать между нами и народом или парламентом Великобритании. И наконец, мы утверждаем и провозглашаем наши колонии свободными и независимыми Штатами] и что, как свободные и независимые Штаты, они полномочны объявлять войну, заключать мир, вступать в союзы, вести торговлю и совершать все другие акты и начинания, которые по праву могут совершать независимые государства.

В подтверждение настоящей Декларации, с твердой верой в покровительство Божественного Провидения, мы даем взаимный обет и вверяем друг другу свои жизни, свое состояние и нашу неприкосновенную честь».

* * *

Эта Декларация, подписанная 4-го числа, затем была перенесена на пергамент и вновь подписана 2 августа.

Позднее стали известны некоторые ошибочные заявления о дебатах по Декларации независимости. Г-н Самюэль А. Уэллс попросил меня дать разъяснения, которые и были даны в моем письме к нему от 12 мая (18) 19 г. и на которые я ссылался ранее и ссылаюсь сейчас снова. Во время дебатов я, сидя на своем месте, делал заметки, а по окончании дебатов переписал их как следует и стремясь быть точным. Заметки с 1-й по 7-ю на двух предыдущих листах изложены так, как они были записаны тогда, также как и на двух последующих, сделанных подобным же образом во время дебатов о Конфедерации.

В пятницу, 12 июля комитет по составлению «Статей

Конфедерации» доложил о них, и 22-го Конгресс собрался в качестве комитета всей палаты для их рассмотрения. 30 и 31 июля и 1 августа обсуждались статьи, определявшие долю или квоту денежного взноса, который каждый штат должен делать в общую казну, и порядок голосования в Конгрессе. Первая из этих статей была выражена в первоначальном проекте следующим образом: «Ст. XI. Все затраты на войну и все прочие расходы на общую оборону или всеобщее благосостояние, разрешенные Соединенными Штатами, собравшимися на Конгресс, возмещаются из общей казны, которая пополняется взносами каждой колонии, пропорционально числу ее жителей, независимо от их возраста, пола и общественного положения, за исключением не выплачивающих налоги индейцев. Точные сведения о количестве жителей, с выделением числа белых, должны собираться и представляться Ассамблее Соединенных Штатов раз в три года».

Г-н Чейз выдвинул предложение, чтобы размер взносов определялся не по общему числу жителей, а по количеству «белого населения». Он признал, что налог должен всегда взиматься пропорционально собственности, что теоретически это – справедливое правило, но из-за трудностей различного рода никогда не сможет выполняться на практике. Количество имущества в каждом штате нельзя оценить точно и равным образом. Поэтому для определения собственности в каждом штате должна быть придумана какая-то другая мера, другой критерий, использовать которые было бы проще. Количество жителей он считал довольно хорошим критерием оценки размеров собственности, который всегда можно определить. Поэтому из всех способов, которые мы могли принять, он считал его наилучшим, правда за одним исключением.

Он заметил, что негры являются собственностью и потому как таковую ее нельзя отличать от находящихся в собственности земель и других людей в тех штатах, где рабов мало; что прирост прибыли, который северный фермер может пустить в дело, он вкладывает в рогатый скот, лошадей и т. д., в то время как южный фермер вкладывает ту же прибыль в рабов. Поэтому для взимания налога с фермера и с его раба в южных штатах существует не больше оснований, чем в северных – с фермеров и имеющегося у них поголовья скота. Следовательно, при предложенном способе южные штаты будут облагаться налогом сразу соответственно численности населения и имеющимся у него материальным ценностям, в то время как в северных – налог будет взиматься только с населения. Негры по сути должны считаться членами общества не более, чем скот, и что сами они в этом

заинтересованы не больше.

Г-н Джон Адамс заметил, что в этом смысле число жителей штата берется как показатель его богатства, а не как предмет налогообложения. Здесь не имеет значения, как вы называете своих людей – фрименами или рабами. В некоторых странах работников называют фрименами, в других – рабами. Но для государства эта разница – только мнимая. Имеет значение другое: выдает ли ежегодно лендлорд десяти работникам, работающим на его ферме, столько денет, чтобы их хватило на покупку ими предметов первой необходимости, или сам обеспечивает их этими предметами. Эти десять работников увеличивают богатство штата и его экспорт в первом случае на столько же, на сколько они увеличивают их во втором. Безусловно, пятьсот Фрименов приносят доход и прибыль для уплаты налогов не больше, чем пятьсот рабов. Следовательно, штат, в котором работников называют фрименами, не должен облагаться большим налогом, чем штат, где их называют рабами. Предположим, что благодаря какому-нибудь необычайному воздействию природы или закона половина всех работников штата за одну ночь превратилась бы в рабов. Стал бы штат от этого беднее или менее способным выплачивать налоги? Положение работников в большинстве стран, а особенно рыбаков в северных штатах, столь же плачевно, как и положение рабов. Именно от численности работников зависит размер прибыли для обложения налогом и общая численность населения поэтому является достаточно хорошим показателем богатства. Именно использование здесь слова «собственность» и применение его к некоторым жителям штата создает ошибку. Каким образом южный фермер добывает рабов? Импортирует или покупает у соседа. Если он ввозит раба, то количество работников в штате увеличивается на единицу и пропорционально возрастают доходы и налоговая платежеспособность. Если он покупает раба у соседа, то это – просто перевод работника с одной фермы на другую, не изменяющий ежегодного объема продукции штата и не влияющий на его налог. Если у северного фермера на ферме работают десять работников, то он может, в самом деле, прибыль от труда десяти человек вложить в скот, но это же может сделать и южный фермер, имеющий десять рабов. Штат, в котором сто тысяч Фрименов, не может содержать скота больше, чем тот, в котором сто тысяч рабов. Следовательно, у него не больше такого рода собственности. Действительно, если следовать разговорным привычкам, правильнее называть раба достоянием его хозяина, чем свободного работника достоянием его нанимателя. Но что касается штата, то оба они в равной степени составляют его

богатство и должны поэтому в равной степени увеличивать долю его налога.

Г-н Гаррисон в качестве компромисса предложил считать двух рабов за одного фримена. Он утверждал, что рабы работают хуже фрименов и усомнился в том, что два раба могут сделать больше одного фримена. Это подтверждается и ценами на наемный труд. Плата за наем одного работника в южных колониях составляет от 8 до 12 фунтов стерлингов, а в северных – обычно 24 фунта.

Г-н Уилсон заявил, что если эта поправка будет принята, то всю выгоду от рабов получат южные колонии, а нести тяжесть налогов придется северным. Рабы увеличивают доходы штата, и южные штаты собираются оставлять их все себе. Это также увеличивает бремя расходов на оборону, что, безусловно, еще тяжелее скажется на северных штатах. Рабы занимают места фрименов и едят их хлеб. Отпустите ваших рабов, и фримены займут их места. Наш долг всячески противодействовать ввозу рабов. Но эта поправка предоставит jus trium liberorum тому, кто будет ввозить рабов. Другие же виды собственности равномерно распределены по всем колониям. На севере коров, лошадей и овец столько же, сколько на юге, а на юге – столько же, сколько на севере. Но не так обстоит дело с рабами. Опыт показывает, что самыми платежеспособными всегда были те колонии, у которых было наибольшее число жителей, будь то белые или чернокожие. А в южных колониях всегда заставляли каждого фермера выплачивать подушные налоги на всех его работников – и белых, и черных. Правда, он признает, что фримены работают больше, но они также больше и потребляют. Они не производят большего количества добавочного продукта, который мог бы стать источником дополнительного налога. Питание и одежда раба не обходятся так дорого, как питание и одежда фримена. Кроме того, белые женщины, как правило, освобождены от труда, а негритянки нет. Значит, в этом южные штаты имеют преимущество при существующей формулировке статьи. Иногда говорили, что рабство необходимо, потому что продукция, которую производят рабы, была бы слишком дорогой для рынка, если бы его выращивали фримены. Но теперь говорят, что рабский труд самый дорогой.

Г-н Пейн настаивал на первоначальном тексте резолюции Конгресса, на том, чтобы квоты штатов соразмерялись с количеством жителей.

Доктор Уизерспун высказал мнение, что стоимость земель и домов – самый лучший показатель богатства народа и что целесообразно получать такую оценку. Это точный способ

измерения богатства. А предложенный сейчас – несовершенен, он не является равноценным для всех штатов. Было заявлено, что негры едят хлеб фрименов и поэтому с них тоже надо взимать налог. Лошади тоже едят хлеб фрименов и поэтому тоже тогда должны облагаться налогом. Было также сказано, что, учитывая рабов при определении налогов, которые должен платить штат, мы не делаем ничего сверх того, что делают сами штаты, учитывая рабов при определении размера налога, взимаемого с отдельных граждан. Но это разные случаи. В южных колониях полно рабов, но они не заселяют весь континент. Что касается первоначально предложенной резолюции Конгресса, предусматривающей пропорциональную зависимость между квотами и числом душ населения, то она носила лишь временный характер и относилась к денежным средствам, с которыми имели дело до сих пор. Сейчас же мы вступаем в новое соглашение и поэтому заняли первоначальную позицию.

* * *

1 августа. Когда вопрос был поставлен на голосование, то против предложенной поправки проголосовали Нью-Гемпшир, Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Йорк, Нью-Джерси и Пенсильвания. За поправку проголосовали Делавэр, Мэриленд, Виргиния, Северная и Южная Каролины. Голоса делегатов Джорджии разделились.

Другая статья была сформулирована следующим образом: «Ст. XVII. При голосовании каждая колония имеет один голос».

30, 31 июля, 1 августа. Присутствует сорок один делегат. Г-н Чейз отметил, что из всех предложенных статей рассматриваемого проекта эта, вероятнее всего, вызовет у нас разногласия. Крупные колонии пригрозили вообще отказаться от вступления в конфедерацию, если их вес в Конгрессе не будет соответствовать тому числу людей, которое они присоединяют к конфедерации, а небольшие колонии заявили, что они выступят против союза, если они для защиты своих прав не сохранят равенство при голосовании. Приведение сторон к согласию является делом первостепенной важности, потому что если мы разойдемся, то либо ни одно иностранное государство не вступит в союз с нами, либо разные штаты создадут различные союзы, вследствие чего увеличатся ужасы гражданской войны и кровопролитие, что в таком состоянии разобщенности и изоляции сделает наш народ несчастным. Наши вес и значение, наши интересы, наша мирная жизнь требуют, чтобы мы объединились и

пошли на взаимные жертвы ради достижения компромисса в этом трудном вопросе. Он выразил мнение, что небольшие колонии утратят свои права, если в некоторых случаях им не предоставят равного голоса, и что тогда при решении в Конгрессе некоторых вопросов будет иметь место дискриминация. Небольшие штаты должны получить гарантию во всех вопросах, касающихся жизни и свободы, а крупные – во всех, касающихся собственности. Поэтому он выдвинул предложение, чтобы при голосовании по финансовым вопросам голос каждой колонии учитывался пропорционально числу ее жителей.

Д-р Франклин полагал, что количество голосов должно соразмеряться таким образом во всех случаях. Он обратил внимание на то, что графства Делавэра дали инструкции своим делегатам отклонить эту статью. Он сказал, что считает это очень странным, если каждый штат будет заявлять, что он не вступит в союз с нами до тех пор, пока мы не позволим ему расходовать наши деньги. Несомненно, при равенстве в голосовании должно быть равенство в расходах. Но большие штаты вряд ли захотят купить эту привилегию за такую цену. Если бы он был жителем штата, в котором первоначально представительство было равным, но со временем в силу разных причин стало неравным, то он скорее бы смирился с этим, чем стал беспокоить правительство. Но мы допустили бы большую ошибку, начав такую практику, когда в нашей власти изначально установить правильный принцип. Во времена унии Англии с Шотландией последняя выступила с таким же возражением, с каким сейчас выступают небольшие штаты. Но опыт показал, что не совершилось никакой несправедливости. Их заступники предсказывали, что это случится вновь, как и в старые времена – кит проглотит Иону, но он считает, что результат предсказания был прямо противоположным – Иона проглотил кита, так как шотландцы завладели правительством и стали издавать законы для англичан. Он осудил первоначальное согласие Конгресса на такой порядок голосования, при котором все колонии имеют равное число голосов, и поэтому выступил за то, чтобы число голосов во всех случаях соответствовало числу налогоплательщиков.

Д-р Уизерспун возражал против любого изменения этой статьи. Все признают, что конфедерация необходима. Если мысль о том, что мы вряд ли объединимся в союз, станет известна за границей, то она омрачит сознание людей, обесценит нашу славную борьбу, уменьшит ее значение, потому что она сделает очевидной перспективу войны и наших будущих раздоров. Если принцип равенства при голосовании будет отвергнут, небольшие штаты станут вассалами крупных, а весь опыт свидетельствует,

что вассалы и подданные свободных государств порабощаются больше всех. Он привел пример илотов Спарты и римских провинций. Он сказал, что иностранные государства, увидев этот порок, используют его как рычаг для отсоединения небольших штатов из такого неравного союза. На самом деле колонии надо рассматривать как индивидуальности и как таковые они во всех дебатах должны обладать равным голосом. Сейчас они собрались как лица, заключающие между собой соглашение, и, конечно, они имеют равное право на голос, как и каждый человек. В Ост-Индской компании каждый голосовал лично, а не в зависимости от вложенного ими капитала. В Бельгийской конфедерации голосовали по провинциям. К вопросам войны небольшие штаты имеют не меньший интерес, чем крупные, и поэтому у них должны быть равные голоса. И в самом деле, крупные штаты могут скорее ввергнуть конфедерацию в войну, поскольку их границы сравнительно более протяженные. Он признал, что равное представительство – прекрасный принцип, но тогда он должен учитывать сопоставимые вещи, то есть подобные, вещи одной природы. Ничто, относящееся к отдельным личностям, не должно рассматриваться в Конгрессе, ничто, кроме того, что относится к колониям. Он провел различие между корпоративным и федеральным союзами. Английская уния была корпоративной. Все же Шотландия пострадала от этого союза, поскольку ее жителей влекли прочь от Шотландии надежды на лучшие места и на работу. Не был этот союз и примером равного представительства, поскольку Шотландия, имея почти одну тринадцатую часть в представительстве, должна была платить только одну сороковую земельного налога. Он выразил надежду, что в нынешнем просвещенном состоянии умов мы можем рассчитывать на прочный союз, если он будет основан на справедливых принципах.

Джон Адамс выступал за голосование пропорционально численности населения. Он сказал, что мы находимся здесь как представители народа, что в одних штатах живет много людей, в других мало, и поэтому здесь их голоса должны соразмеряться с их численностью. Разум, законность и справедливость никогда не имели на земле столь большого значения, чтобы могли руководить суждениями собравшихся на совет людей. Ими руководит только интерес и только на него и можно рассчитывать. Поэтому Конгресс должен учитывать математическое соотношение интересов за его пределами. Индивидуальность колоний пустой звук. Разве индивидуальность колоний увеличивает ее богатство или число ее жителей? Если да, то платите одинаково. А если она не прибавляет силы и веса

конфедерации, она не может усилить ни прав, ни веса в споре. Допустим, у компаньонов A, B и C в деле соответственно 50, 100 и 1000 фунтов стерлингов. Разве справедливо, если бы они распоряжались расходованием этих денег на равных правах? Здесь говорили, что мы – независимые личности, заключающие совместное соглашение. Но вопрос не в том, кто мы есть сейчас, а кем мы должны стать, когда наше соглашение будет заключено. Конфедерация должна сделать из нас единую индивидуальность. Она должна образовать из нас, как из частичек металла, единую общую массу. Мы больше не сохраним себя как обособленные индивидуальности, но станем единой индивидуальностью в решении всех вопросов, встающих перед конфедерацией. Поэтому все те соображения, которые доказывают справедливость и целесообразность равного представительства в других ассамблеях, сохраняют свою силу и здесь. Здесь возражали, что пропорциональное голосование создает опасность для небольших штатов. Мы отвечаем, что равный голос создаст опасность для крупных. Виргиния, Пенсильвания и Массачусетс – три большие колонии. Посмотрите на их удаленность, на различие их продукции, их интересов и обычаев, и вам станет ясно, что они никогда не смогут быть заинтересованы или склонны объединиться для угнетения небольших штатов. Ясно, что небольшие штаты естественным образом разделят свои позиции по всем вопросам с крупными штатами. Род-Айленд в силу своих отношений, сходства и деловых связей будет преследовать те же цели, что и Массачусетс. Джерси, Делавэр и Мэриленд – что и Пенсильвания.

Д-р Раш отметил, что упадок свобод в Голландской республике произошел по трем причинам. 1. Полное единогласие, требуемое во всех случаях. 2. Обязательство запрашивать мнение избирателей. 3. Принцип голосования, при котором каждая провинция имеет один голос. Последняя причина уничтожила равное представительство, а свободы в Великобритании также приходят в упадок из-за того же изъяна. Часть наших прав передана нами нашим легислатурам. Признано, что там должно быть равное представительство. Другая часть наших прав передана Конгрессу. Почему же здесь в равной степени не должно быть равного представительства? Если бы можно было собрать всю массу народа вместе, то собравшиеся решали бы все стоящие перед ними вопросы большинством голосов. Почему же это большинство не должно решать исход голосования в Конгрессе, будучи справедливо в нем представленным? Крупные колонии, к счастью, настолько отделены друг от друга, что все опасения насчет их особого объединения нереальны. Их интересы

различны, их материальное положение несхоже. Вероятнее всего, они станут соперниками и оставят во власти небольших штатов возможность склонять чашу весов, куда им захочется. Голосование по числу свободных жителей даст один прекрасный результат – побудит колонии ограничивать рабство и поощрять увеличение числа их свободных жителей.

Г-н Хопкинс отметил, что имеется четыре большие, четыре маленькие и четыре средние по размеру колонии. В четырех самых крупных окажется больше половины населения всех объединенных штатов, и поэтому они будут править другими, как им захочется. В истории нет примера такого явления, как равное представительство. В Германском союзе голосуют государства. В Швейцарии голосуют кантоны, так же как провинции голосуют и в Бельгийской конфедерации. Как обстояло дело в древних конфедерациях, сказать невозможно, так как о них известно очень немногое.

Г-н Уилсон считает, что налог должен быть пропорционален богатству колонии, но что представительство должно соответствовать количеству Фрименов. Правительство – это средоточие или результат волеизъявления всех. Если правительство выражает волю всех – оно совершенно, а как только оно отходит от этого принципа, то становится несовершенным. Здесь было сказано, что Конгресс представляет штаты, а не отдельных граждан. Я считаю, что предметом его забот являются все граждане штатов. Странно, что одно добавление названия «штат» в отношении десяти тысяч людей должно предоставить им равные права с сорока тысячами. Это должно быть результатом волшебства, а не разума. В вопросах, которые переданы Конгрессу, мы – это не множество штатов, а одно большое государство. Мы оставляем нашу индивидуальность, когда являемся сюда. Германский союз – это пародия на государство. Вся его практика в любой сфере достаточно авторитетно подтверждает его порочность. Крупнейший недостаток конституции Бельгийской конфедерации заключается в том, что там голосование проводится по провинциям. Интересы государства как целого постоянно приносятся в жертву интересам малых штатов. История войны во время правления королевы Анны убедительно подтверждает это. Здесь спрашивали, должны ли девять колоний отдать себя во власть четырех, чтобы те правили ими как им заблагорассудится? Я изменю этот вопрос и спрошу, должны ли два миллиона людей отдать себя во власть одного миллиона, чтобы тот управлял ими, как ему заблагорассудится? Утверждают также, что большие колонии создадут опасность для малых. Надо говорить честным

языком и сказать, что меньшинство будет в опасной зависимости от большинства. А есть ли на свете ассамблея, в которой в равной степени не было бы такой опасности? Истина заключается в том, что наши решения тогда будут отражать интересы большинства, а так оно и должно быть. Существует гораздо большая вероятность того, что крупные штаты будут скорее не соглашаться друг с другом, чем объединяться. Я призываю ум человеческий лишь придумать какой-нибудь возможный случай или вообще предложить что-нибудь такое, что, будучи в интересах Виргинии, Пенсильвании и Массачусетса, не было бы также и в интересах других штатов.

Дебаты по этим статьям, доложенным 12 июля 1776 г., продолжались время от времени изо дня в день в течение двух лет. Они были ратифицированы 9 июля 1778 г. десятью штатами. Нью-Джерси – 26 ноября того же года и Делавэром – 23 февраля следующего года. И только Мэриленд задержался еще на два года. Присоединившись к ним 1 марта 1781 г., он тем самым закрыл этот вопрос.

* * *

Состав нашей делегации на заседаниях Конгресса, начинавшихся 11 августа, был обновлен. Но в то время было создано новое правительство Виргинии, а заседания легислатуры, членом которой я был избран от моего графства, должно было состояться в октябре. Я знал, что наше законодательство при королевском правлении имело много порочных положений, требовавших немедленных исправлений, и я думал, что смогу принести большую пользу, участвуя в этой работе. Поэтому 2 сентября я оставил свое место в Конгрессе, ушел в отставку и 7 октября занял свое место в легислатуре моего штата.

11 числа я попросил разрешения внести законопроект об учреждении судов, создание которых имело большое значение. Я подготовил законопроект; он был одобрен комитетом, представлен и принят, пройдя обычную процедуру.

Я получил разрешение внести законопроект, позволявший владельцам недвижимого имущества с ограничительным условием наследования владеть землями, наследуемыми без ограничений. В ранний период существования колонии, когда приобрести землю стоило недорого или вовсе ничего не стоило, некоторые предусмотрительные лица добыли себе крупные пожалования земель и, желая положить начало большому и могущественному роду, стали поселять на них своих наследников

без права раздела. Передача этой собственности от поколения к поколению в одной семье привела к созданию определенного числа семей, которые, пользуясь узаконенными привилегиями в сохранении своего богатства, образовали некий патрицианский орден, отличавшийся блеском и роскошью их образа жизни. Из этого ордена также король обычно выбирал членов совета колонии. Надежда войти в их число подчиняла всех людей этого круга интересам и воле короны.

Для создания справедливого республиканского порядка представлялось совершенно необходимым уничтожение этой привилегии и создание благоприятных условий не для аристократии богатства, приносящей обществу больше вреда и опасности, чем пользы, а для аристократии добродетели и таланта, которую природа мудро предназначила для руководства интересами общества и равномерно рассеяла среди людей всякого звания. Для осуществления этой цели не требуется ни насилие, ни лишение человека естественного права, а, скорее, расширение его путем отмены существующего закона. Потому что это позволило бы нынешнему землевладельцу разделить эту собственность между его детьми поровну, так же как он делит между ними свою любовь, и поставило бы их за жизнь одного поколения на один уровень со своими согражданами.

Но против такой отмены закона решительно возражал г-н Пенделтон, который был ярым приверженцем старых порядков и который оказался самым способным оратором, которого мне когда-либо приходилось встречать. У него, правда, не было поэтической фантазии г-на Генри, его возвышенного воображения, высокопарной и захватывающей манеры говорить. Но он был невозмутим, приятен и убедителен. Его речь была плавной, чистой и образной. Он обладал быстротой мышления, был проницателен и находчив. Победить его было невозможно, потому что если он и проигрывал основное сражение, то вскоре снова атаковал вас и, искусно маневрируя, оспаривая детали и используя небольшие преимущества, ничего не значащие в отдельности, но важные, будучи взятыми вместе, отыгрывался настолько, что сводил все сражение к ничьей. От него невозможно было отделаться, и своей настойчивостью он не давал покоя до тех пор, пока не лопалось терпение у всех тех, у кого оно было меньше, чем у него. Добавьте к тому же, что он был очень добропорядочным и великодушным человеком, добрейшим другом, самым приветливым и приятным компаньоном, поэтому всему, что он говорил, был обеспечен благосклонный прием. Обнаружив, что главный принцип майората не может быть сохранен, он выступил с поправкой, содержавшей предложение

вместо полной отмены майората разрешить такому собственнику, если он того захочет, превращать его в поместье, наследуемое без ограничений. Для такого хотя бы частичного спасения старого закона ему не хватило всего нескольких голосов. И в результате был принят законопроект о полной отмене майората.

В одном из законопроектов по организации нашей юридической системы, который предлагал создание канцлерского суда, я предусмотрел рассмотрение в суде присяжных всех дел по факту, так же как и в обычных судах. Он провалил законопроект, включив всего четыре слова – «если пожелает одна из сторон». В результате, поскольку ни один истец не скажет своему судье: «Сэр, я Вам не доверяю, передайте мое дело суду присяжных», присяжные заседатели редко, можно, вероятно, сказать, даже никогда не появятся в этом суде, если только их не призовет председатель Канцлерского суда по собственному почину.

* * *

Напомним, что первое поселение в Виргинии, ставшее постоянным, было основано в 1607 г. Я не обнаружил никаких упоминаний о наличии негров в колонии приблизительно до 1650 г. Первые негры были доставлены сюда как рабы голландским кораблем. После этого работорговлю начали англичане, которые продолжали ее вплоть до нашей революционной войны. Она приостановила пока, ipso facto, дальнейший ввоз рабов, а легислатура была постоянно занята военными делами, и по этому вопросу ничего не предпринималось вплоть до 1778 г., когда я внес законопроект, запрещавший их дальнейший ввоз. Он был принят без возражений и, запретив ввоз рабов, остановил разрастание зла, оставив его окончательное искоренение на будущие времена.

Первыми поселенцами колонии были англичане, верноподданные короля и церкви, а хартия, выданная сэру Уолтеру Рэли, содержала недвусмысленную оговорку о том, что законы поселенцев «не должны быть направлены против истинной христианской веры, исповедываемой в настоящее время англиканской церковью». Сразу же после создания колонии она была разделена на приходы, в каждый из которых был назначен священник англиканской церкви, получавший твердое жалование табаком, дом на церковном участке и участок земли вместе со всем необходимым. Для покрытия этих расходов все жители приходов облагались налогом независимо от того, принадлежали они к англиканской церкви или нет. Отношение к прибывшим

сюда квакерам было крайне нетерпимым, их изгоняли из колонии с помощью самых суровых наказаний.

С течением времени, однако, здесь появились и другие секты, в основном пресвитерианского толка. Англиканские священники, пожизненно обеспеченные жильем и зарплатой, дополняли ее, как правило, доходами от работы в классической школе. Всю неделю они были заняты на своих фермах и в школьных классах и только воскресенья посвящали службе и проповедям в приходской церкви для наставления своей паствы. Другим своим пасторским обязанностям они уделяли мало внимания. При такой их бездеятельности энтузиазм и усердие сектантских проповедников имели явное и неоспоримое преимущество, так что ко времени революции большинство жителей отошло от англиканской церкви, но все еще было обязано делать взносы на содержание пасторов для меньшинства. Это несправедливое принуждение содержать проповедников верований, которые люди считали религиозными заблуждениями, тяжело, и без какой-либо надежды на избавление ощущалось во время королевского правления.

Но уже первая республиканская легислатура, собравшаяся в 1776 г., была завалена петициями об уничтожении этой духовной тирании. Они вызвали самые ожесточенные споры, в которые я когда-либо был вовлечен. Нашими главными противниками были г-н Пенделтон и Роберт Картер Николас – честные люди, но ярые церковники. Петиции передали в комитет всей палаты по рассмотрению положения штата. После отчаянных споров в комитете, проходивших почти ежедневно с 11 октября по 5 декабря, нам удалось только отменить законы, по которым считалось преступным оказывать поддержку каким-либо иным религиозным взглядам, воздерживаться от посещения церкви или отправления любого иного вида богослужения, и затем освободить диссидентов от взносов на содержание англиканской церкви и прекратить, правда только до следующей сессии, взимание налога с прихожан англиканской церкви для выплаты жалования их собственным священникам. Потому что хотя большинство наших граждан и были диссидентами, как уже отмечалось, однако большинство членов ассамблеи были англиканами. Среди них, однако, были разумные и либеральные люди, которые дали нам возможность при голосовании получить по некоторым пунктам незначительное большинство.

Но 19 ноября наши противники провели в общих резолюциях комитета декларацию о том, что религиозные собрания должны контролироваться, и о том, что необходимо предусмотреть продолжение преемственности духовенства, а также надзор за его поведением. И в принятый только что законопроект была

включена четкая оговорка, оставляющая нерешенным вопрос о том, должно ли устанавливаться законом общее обложение каждого жителя податями для содержания выбранного им пастора или же все следует свести к добровольным взносам. По этому вопросу, дебатировавшемуся на каждой сессии с 1776 по 1779 г. (некоторые наши союзники-диссиденты, достигнув своих частных целей, перешли теперь к сторонникам всеобщего обложения), мы смогли добиваться лишь временной приостановки взимания налога от сессии до сессии вплоть до 1779 г., когда решение об отмене всеобщего обложения было, наконец, принято и англиканская церковь была полностью лишена ее прежнего положения. Справедливости ради по отношению к двум упомянутым мною честным, но рьяным противникам я должен сказать, что, хотя они по своему характеру и были больше расположены соглашаться с уже существующим порядком вещей, чем идти на риск нововведений, тем не менее всякий раз, когда бы ни принималось решение, выражавшее общественную волю, не было людей более верных и строгих в повиновении ей, чем они.

* * *

Местопребывание нашего правительства первоначально было определено на полуострове Джеймстаун, где находилось первое поселение колонистов, а позднее было перенесено на несколько миль в глубь страны, в Вильямсберг. Но это было в то время, когда наши поселения не выходили за пределы побережья. Теперь же они перешли за Аллеганские горы, и центр переместился на большее расстояние от старого. Тем не менее Вильямсберг все еще оставался хранилищем наших архивов, привычной резиденцией губернаторов и многих других должностных лиц, постоянным местом проведения сессий легислатуры и сосредоточением наших военных складов. Но он был расположен настолько открыто, что в случае войны мог быть захвачен в любую минуту, а особенно сейчас; противник мог бы ночью переправиться через любую из рек, между которыми находится город, высадить десант и захватить все, лишив нас возможности спасти как людей, так и имущество. Я предложил перенести местопребывание нашего правительства еще в октябре 1776 г., но это предложение не было принято вплоть до майской сессии 1779 г.

В начале майской сессии 1779 г. я подготовил и получил разрешение внести законопроект, который определял, кого следует считать гражданами, подтверждал естественное право экспатриации и излагал способы применения этого права. Когда я покидал палату 1 июня, я передал Джорджу Мейсону этот законопроект, и он был принят 26 числа того же месяца.

Говоря о законопроектах, которые я сам составлял и вносил на рассмотрение, я никоим образом не собираюсь приписывать себе заслугу их принятия. Во время дебатов у меня было много временных и энергичных помощников. Но один был особенно стойким, способным и усердным. Он один стоил многих. Это был Джордж Мейсон, один из тех деятелей нашей революции, кто выделялся своей мудростью; человек глубокого ума, широких суждений, убедительный в своих доводах, знаток нашей прежней конституции, убежденный сторонник республиканских изменений на демократических принципах. Его речь не была ни плавной, ни гладкой, но его язык был сильным, манера говорить – очень выразительной, а в нужные моменты, когда вызов этого требовал, она усиливалась всплесками язвительного цинизма.

Г-н Уит, будучи спикером обеих сессий 1779 г. в период между его возвращением из Конгресса и назначением в

Канцлерский суд, был умелым и постоянным участником обсуждения законопроектов в комитете всей палаты. Его безупречная честность, сила суждений и сила убеждения придавали ему большой вес…

Г-н Мэдисон появился в палате в 1776 г. молодым новичком. Это обстоятельство вместе с его исключительной скромностью не позволило ему ринуться в дебаты до его перехода в Совет штата в ноябре 1777 г. Отсюда он перешел в Конгресс, насчитывавший тогда немногих членов. Пройдя одну за другой обе эти школы, он приобрел навык самообладания, который, раскрыв большие ресурсы его ясного и проницательного ума, широких знаний, сделал его впоследствии первым в каждой ассамблее, членом которых он становился. Никогда не уходя от сути в пустую риторику, а наоборот, излагая ее четко, языком ясным, классическим и выразительным, всегда смягчая чувства своих противников любезностями и мягкостью выражений, он ко времени великого Национального конвента 1787 г. завоевал себе высокую репутацию. На последовавшем затем конвенте штата Виргиния он полностью поддержал новую конституцию, одержав победу над логикой Джорджа Мейсона и пылкой риторикой г-на Генри. Эти совершенные качества соединены в нем с чистейшей и безупречной добродетелью, которую никогда не смела запятнать никакая клевета. Нет нужды говорить о силе и изысканности его пера, о мудрости его деятельности на высшем посту страны. Они уже сказали и всегда будут говорить сами за себя.

* * *

До сих пор мы занимались только деталями преобразований, выбирая те вопросы законодательства, которые в первую очередь выделялись своим характером, принципами, неотложностью и выражали силу общего импульса преобразования. Когда в 1776 г. я покидал Конгресс, существовало убеждение, что все наше законодательство должно быть пересмотрено, приспособлено к нашей республиканской форме правления и теперь, когда мы освободились от запретов советов, губернаторов и королей, удерживавших нас от правильных действий, оно должно быть исправлено во всех его разделах, исходя единственно из требований разума и пользы тех, для кого создано само правительство. Поэтому уже в начале сессии 1776 г., к которой я возвращаюсь, я внес и передал на рассмотрение законопроект о пересмотре законодательства. Законопроект был принят 24 октября, а 5 ноября г-н Пенделтон, г-н Уит, Джордж Мейсон,

Томас Л. Ли и я вошли в комитет, которому поручили эту работу. Мы условились встретиться в Фридериксберге, чтобы составить план работы и распределить ее между нами. В соответствии с договоренностью мы встретились там 13 января 1777 г. Первый вопрос был таков: следует ли нам предложить полностью отменить существующую систему законов и подготовить новое всеобъемлющее законодательство или же сохранить общую систему и только модифицировать ее в соответствии с современным положением вещей? Г-н Пенделтон, вопреки своему обычному расположению к старому, высказался за первое предложение, в чем был поддержан г-ном Ли.

На это последовало возражение, что отмена всей нашей системы была бы крутой мерой, вероятно во многом не совпадающей с мнением членов легислатуры; что они придерживались практики пересмотра, время от времени, законов колонии. Они исключали законы, срок действия которых истек, а также отмененные и устаревшие законы, внося поправки только в те, которые сохраняли свою силу. По-видимому, они ожидают, что и мы должны делать то же самое, включив только британские статуты, как и наши собственные. Создание нового законодательства, подобно законодательству Юстиниана и Брактона или Блэкстона, модель которого предложил г-н Пенделтон, будет трудным делом, требующим глубоких исследований, тщательного изучения и большой рассудительности. Когда же все будет изложено на бумаге, каждое слово этого текста – из-за несовершенства человеческого языка и его неспособности четко выражать все оттенки мысли – станет предметом обсуждений и споров, пока после неоднократных высказываний не придут по нему к единому мнению. Это втянуло бы нас в бесконечные споры, оставляя суть дела в неопределенном состоянии, пока, подобно тому, как в старых статутах, каждое слово не будет тщательно выверено и подобрано с использованием новых томов докладов и комментариев. И никто из нас, вероятно, не возьмется за эту работу, которая, чтобы стать систематической, должна быть выполнена одним человеком. Таково было мнение г-на Уита, г-на Мейсона и мое.

Когда мы приступили к распределению работы, г-н Мейсон сослался на то, что он не является юристом и чувствует себя неподготовленным для такой работы, а вскоре после этого отошел от дела. Г-н Ли сослался на ту же причину и вскоре умер. Вследствие этого работу между собой поделили я и два других джентльмена. Мне досталось обычное право и статуты до четвертого года царствования Якова I (когда была учреждена

наша отдельная легислатура); г-ну Уиту – британские статуты за период с того момента по настоящее время; г-ну Пенделтону – виргинское законодательство. Поскольку право наследования и уголовное право пришлось на мою долю работы, я хотел, чтобы комитет определил их основные принципы, которыми я смог бы руководствоваться при их составлении. Что касается права наследования, я предложил отменить закон первородства и сделать недвижимое имущество передаваемым по сонаследованию, как передается движимое имущество, ближайшим родственникам в соответствии с законом распределения. Г-н Пенделтон хотел сохранить право первородства, но, сразу же поняв, что из этого ничего не выйдет, предложил принять древнееврейский принцип, по которому старший сын должен получать двойную долю наследства. Я заметил, что если старший сын сможет съесть вдвое больше или сделать двойную работу, то его право на двойную долю получит свое естественное доказательство. Но так как он обладает равными возможностями и потребностями со своими братьями и сестрами, то на его долю должна приходиться и равная часть родового наследства. К этому мнению присоединились и другие члены комитета.

Что касается уголовного права, то все были единодушны, что смертную казнь следует отменить за исключением случаев измены и убийства. При наказании за другие тяжкие преступления смертную казнь следует заменить исправительными работами на пользу общества, а в некоторых случаях Lex talionis. Каким образом этот отвратительный принцип получил наше одобрение, я не помню. Но в нашем законодательстве, действительно, сохранялся его след в единственном случае, – когда дело касалось рабов. Это был английский закон времен англосаксов, копировавший, вероятно, древнееврейский закон «око за око, зуб за зуб». Такой закон был и у некоторых древних народов, но современный разум оставил его далеко позади своих достижений. Решив упомянутые вопросы, мы разъехались по своим домам, чтобы заняться подготовкой этой работы.

* * *

Я считал существенным при выполнении своей части работы не изменять языка древних статутов на современный манер и не допускать, чтобы возникали новые вопросы из-за использования новых выражений. Тексты этих статутов были настолько полно

истолкованы и определены в ходе многочисленных судебных заседаний, что даже сейчас редко могут вызвать хоть один вопрос в наших судах. Я считал также, что было бы полезно во всех новых проектах переделать стиль более поздних британских статутов, да и наших собственных актов ассамблеи, которые – из-за их многословия, бесконечных тавтологий, нагромождения одного прецедента на другой и круглых скобок на круглые скобки, из-за множества попыток достичь определенности с помощью таких слов, как «упомянутый» и «вышеупомянутый», «или», «и», – вместо того чтобы стать понятнее, на самом деле становятся еще более запутанными и непонятными не только для простых читателей, но и для самих юристов.

Мы занимались этой работой с указанного времени по февраль 1779 г., когда мы встретились в Вильямсберге, – г-н Пенделтон, г-н Уит и я. Собираясь ежедневно, мы критически проверяли написанное нами, вносили поправки, тщательно изучая предложение за предложением, пока не достигли согласия по всему тексту. Затем мы вернулись домой и каждый начисто переписал свои тексты, которые 18 июня 1779 г. были доложены Генеральной ассамблее г-ном Уитом и мною; причем г-н Пенделтон, ввиду того что он жил далеко, письмом уполномочил нас объявить о своем одобрении. В эту работу мы внесли все, что мы считали необходимым изменить из обычного права, все британские статуты от Magna Charta по настоящее время и все законы Виргинии от учреждения нашей легислатуры в 4-й год царствования Як(ова) I по настоящее время, которые считали должным сохранить, – всего порядка ста двадцати шести законопроектов, что составило печатный фолиант всего на девяносто страниц. Время от времени из них отбирали какие-нибудь билли и принимали их, но основную их массу не трогали до наступления общего мира в 1785 г., когда благодаря усилиям неутомимого г-на Мэдисона и несмотря на бесконечные увертки, уловки, искажения, придирки и затяжки юристов и полуюристов, большинство законопроектов было принято легислатурой с небольшими изменениями.

Законопроект об установлении религиозной свободы, основные положения которого были до некоторой степени узаконены ранее, я составил исходя из всей широты здравого смысла и права. И все же он встретил противодействие, но в конце концов был принят с некоторыми искажениями в преамбуле. Одно только предложение о поправке показывает, что предусмотренная этим законом свобода убеждений носит всеобщий характер. Там, где преамбула провозглашает, что принуждение является отходом от замысла святого творца нашей

религии, было предложено в качестве поправки вставить слова «Иисус Христос», с тем чтобы она звучала так: «отход от замысла Иисуса Христа, святого творца нашей религии». Предложение включить эти слова было отвергнуто значительным большинством, что показало его желание поставить под защиту закона евреев и неевреев, христиан и мусульман, индусов и язычников всех мастей.

Беккариа и другие авторы работ о преступлениях и наказаниях убедили разумный мир в неправомерности и неэффективности наказания смертью. Ее предлагалось заменить каторжным трудом на дорогах, каналах и других работах на пользу общества. Комитет по пересмотру законодательства согласился с этим, но общественное сознание нашей страны пока еще не достигло этого уровня. Поэтому законопроект о соразмерности преступлений и наказаний не был принят в палате делегатов большинством всего в один голос. Позднее я узнал, что попытка заменить смертную казнь каторжными работами на виду у всех (по-моему, это было в Пенсильвании) не увенчалась успехом. Выставленные на всеобщее обозрение бритоголовые преступники в скверной одежде, работая на больших дорогах, испытывали такую деградацию личности, что, вместо того чтобы исправиться, погружались в глубину самой ужасной и ожесточенной испорченности нравов и характеров.

В продолжение разговора об этом законе. – В 1785 г. (я находился тогда в Париже) мне написали руководители строительства Капитолия в Ричмонде и попросили дать совет относительно его плана, а также добавить к нему план тюрьмы. Думая, что представилась благоприятная возможность дать штату образец архитектуры в классическом стиле античности, и решив, что древний римский храм «Мезон Карре» в Ниме является самым совершенным из существующих образцов того, что можно назвать кубической архитектурой, я попросил у г-на Клериссо, опубликовавшего чертежи «Antiquities of Nismes», гипсовую модель здания, только с заменой коринфского ордера на ионический из-за сложности коринфских капителей. Я с неохотой уступил вкусу Клериссо, отдававшему предпочтение современной капители Скамоцци перед более благородной античной капителью. Модель была выполнена скульптором, которого Шуазель Гуффье увез с собой в Константинополь и, будучи там послом, использовал для изготовления тех замечательных моделей остатков греческой архитектуры, которые сейчас можно увидеть в Париже. Чтобы приспособить для наших целей внешний вид здания, я начертил план его внутренних помещений с залами, предназначавшимися для использования законодательной,

исполнительной и судебной властями. Их размеры и расположение я приспособил к форме и размерам здания. В 1786 г. эти планы были переправлены руководителям строительства и осуществлены с некоторыми – не в лучшую сторону – изменениями. Наиболее существенные из них, впрочем, могут быть в будущем исправлены.

Что же до запрошенного одновременно плана тюрьмы, то я слышал о существовании в Англии благотворительного общества, занимающегося, при поощрении правительства, исследованием воздействия труда в одиночном заключении на некоторых преступников. Эксперимент превзошел все ожидания. Такую же идею высказали во Франции, и архитектор Лиона предложил, исходя из принципа одиночного заключения, хорошо продуманный план тюремного здания. Я раздобыл копию плана и, поскольку здание было слишком большим для нас, начертил другой план, меньшего масштаба, но позволявший вносить добавления по мере возникновения необходимости. Я отослал его руководителям строительства вместо плана обычной тюрьмы в надежде, что он подскажет идею труда в одиночном заключении вместо работ на виду у всех, принятых в нашем пересмотренном кодексе. Этот принцип соответственно, но не точно в той же форме, был использован Латробом при осуществлении плана – строительстве под его руководством того, что сейчас называется Исправительным домом. Между тем общественное мнение по этому вопросу созревало под воздействием времени, размышлений и примера Пенсильвании, где с 1786 по 1789 г. опробовалась не получившая санкции работа заключенных на строительстве больших дорог, а затем была успешно испытана система исправительных домов с их принципом заключения и труда. В 1796 г. наша легислатура возобновила рассмотрение этого вопроса и приняла закон, вносивший изменения в уголовный кодекс штата. Законом утверждалась работа в одиночном заключении вместо работ на виду у всех, устанавливалась градация в длительности заключения; а стиль формулировки закона приблизился к современному его использованию. Вместо ранее установленного различия между убийством и преднамеренным убийством, сохраненного в моем законопроекте, введено было новое понятие – убийство первой и второй степени. Сказать, что это облегчило или усложнило толкование случаев, я не могу, поскольку не располагаю достаточной информацией о ведении дел в наших судах…

* * *

Акты ассамблеи, относившиеся к колледжу Уильяма и Мэри, находились собственно в той части нашей работы, над которой трудился г-н Пенделтон, и касались главным образом его доходов, в то время как структура, организация и круг изучаемых наук были взяты из его устава. Мы считали, что следует разработать систематический план общего образования и эта работа была поручена мне. В целях такого пересмотра я соответственно подготовил три законопроекта, предлагавших трехступенчатую систему образования, охватывавшую все классы. 1-я ступень – начальные школы для всех детей, богатых и бедных. 2-я ступень – колледжи, дающие среднее образование, с программами, предусматривающими обучение, нужное для достижения обычных жизненных целей, а также и такое, что было бы желательно для всех материально обеспеченных людей. И 3-я, завершающая, ступень – для преподавания наук в целом и их углубленного изучения. В первом законопроекте предлагалось каждое графство разделить на «сотни» или районы, по площади и населению подходящие для одной школы, в которой будут обучать чтению, письму и арифметике. Весь штат должен быть разделен на двадцать четыре округа, в каждом из которых будет школа для классического обучения грамматике, географии и математике.

Второй законопроект предлагал изменить структуру колледжа Уильяма и Мэри, расширить круг изучаемых наук и превратить его фактически в университет. Третий законопроект предлагал создание библиотеки. Содержавшиеся в этих законопроектах предложения не были приняты до того же самого 1796 г., да и потом осуществлены только в той части, которая касалась создания начальных школ. Колледж Уильяма и Мэри был заведением исключительно англиканской церкви. Требовалось, чтобы попечители его принадлежали к этой церкви, чтобы профессора подписывали тридцать девять статей, излагающих принципы вероучения этой церкви; требовалось, чтобы студенты изучали ее катехизис, а одной из основных задач колледжа была подготовка священников для этой церкви. Поэтому из-за религиозной подозрительности всех диссидентов, опасавшихся, что это приведет к господству англиканской церкви, законопроект о колледже не был принят. Его ограниченный специфический характер, да и нездоровая осенняя погода ослабили общее расположение к нему. А в законопроект о начальной школе был вставлен пункт, полностью сводивший его на нет, поскольку в каждом графстве органам местного управления было предоставлено право самим определять сроки введения в силу этого закона.

Одно положение законопроекта предусматривало, что расходы на содержание начальных школ должны нести жители графства, каждый пропорционально размеру выплачиваемого им налога. Это переложило бы на богатых расходы на образование бедняков, а судьи, принадлежа, как правило, к более богатому классу общества, не желали взваливать на него это бремя, и я думаю, что к осуществлению закона так и не приступили ни в одном графстве. Я снова вернусь к этому вопросу в конце моего повествования, если мне хватит жизни и решимости завершить его, поскольку я уже устал писать о самом себе.

Законопроект о рабах явился простым сведением действующих в отношении их законов без малейшего намека на какие-либо планы их общего освобождения в будущем. Считалось, что лучше будет такие попытки сдерживать и попробовать добиваться этих целей лишь путем принятия поправки к законопроекту при его рассмотрении. Тем не менее принципы такой поправки были согласованы, а именно – свобода для всех родившихся после определенной даты и депортация из штата по достижении соответствующего возраста. Однако выяснилось, что общественное мнение пока еще не готово принять это предложение и даже не готово к этому и по сей день. И все же недалек тот час, когда надо будет смириться и принять это, иначе будет хуже. В книге судеб ничто не записано более определенно, чем то, что люди должны быть свободны, и не менее определенно, что эти две расы, в равной степени свободные, не могут жить вместе в одном государстве. Природа, обычаи, убеждения провели между ними неизгладимые линии различий. Пока еще в нашей власти провести процесс освобождения и депортации рабов мирно и настолько медленно и постепенно, что зло изживет себя незаметно, а их место будет, pari passu, заполнено свободными белыми работниками. Если же, напротив, зло останется и навяжет себя, то человечество должно будет содрогнуться перед предстоящей перспективой. Напрасными были бы поиски подходящего примера в испанской депортации или изведении мавров. Этот прецедент совсем не подошел бы для нашего случая.

Я считаю, что эти четыре законопроекта, принятые или внесенные на рассмотрение, образуют систему, которая лишила бы корней старую или будущую аристократию и заложила бы основу истинно республиканского правления. Отмена законов о майорате предотвратит накопление и сохранение богатства навечно в избранных семьях, спасет земли страны от того, чтобы день за днем они все больше переходили в «мертвые руки». Отмена права первородства и замена его распределением

наследства поровну – лучшими из всех земельных законов – устранила феодальные и неестественные различия, которые делали одного члена семьи богатым, а остальных – бедными. Восстановление права на свободу совести избавило людей от налога на поддержку чуждой им религии, потому что господствующая религия поистине была религией богатых, а диссидентские секты целиком состояли из менее состоятельных людей. Все они благодаря биллю о всеобщем образовании смогут получить возможность осознать свои права, сохранять их и разумно использовать свое право участия в самоуправлении. И все это может быть достигнуто без какого-либо нарушения естественных прав любого из граждан. А в качестве последующей гарантии к этому можно было бы добавить введение жюри присяжных в канцлерских судах, которые уже присвоили и продолжают присваивать себе столь большую степень юрисдикции над нашей собственностью.

* * *

1 июня 1779 г. я стал губернатором штата и покинул легислатуру. Будучи также избранным одним из попечителей колледжа Уильяма и Мэри (его совет попечителей сам избирал своих членов), я предпринял в тот же год, во время моего пребывания в Вильямсберге, изменения в организации этого учебного заведения, упразднив грамматическую школу и две кафедры – богословия и восточных языков, заменив их кафедрами права и правопорядка, анатомии, медицины, химии и современных языков. Поскольку устав колледжа ограничивал число профессоров шестью, преподавание естественного права человека и народов, а также изящных искусств мы вменили в обязанность профессору этики, а естественной истории – профессору математики и физики.

Поскольку теперь моя жизнь слилась с делами штата, ее описание в эти два года моего губернаторства было бы пересказом общественной истории штата на данном отрезке революции. Это сделали другие, и в частности г-н Жирардин, написавший продолжение «Истории Виргинии» Берка. Находясь неподалеку отсюда, в Милтоне, г-н Жирардин имел свободный доступ ко всем моим бумагам в процессе своей работы и подготовил столь же достоверное сообщение, какое только мог бы составить и я сам. Поэтому за описанием этого периода моей жизни я отсылаю читателя к истории г-на Жирардина. Полагая, что в условиях вражеского вторжения, при которых мы тогда

работали, народ будет иметь больше уверенности именно в военном руководителе и что военачальник, наделенный также и гражданской властью, сможет в интересах обороны штата использовать свои полномочия с большей энергией, быстротой и эффективностью, я ушел в отставку с поста губернатора в конце второго года пребывания в этой должности и на смену мне был назначен генерал Нельсон.

Вскоре, после того как я покинул Конгресс, в сентябре 1776 г., а именно – в последний день этого месяца, я вместе с д-ром Франклином должен был ехать во Францию в качестве уполномоченного для ведения переговоров с французским правительством о заключении союзного и торгового договоров. Находившийся тогда во Франции в качестве агента по закупке военных припасов Сайлас Дин должен был присоединиться к нашей комиссии. Но состояние моей семьи было таково, что я не мог покинуть ее, как не мог подвергнуть ее опасностям морского путешествия и захвата британскими кораблями, бороздившими тогда весь океан. Я понимал также, что главная работа в действительности должна была исполняться дома, где многое и очень важное нужно было сделать для создания новой модели правительства и управления общественными делами, многое для защиты наших храмов и очагов от вторгшегося противника, теснившего нас на всех направлениях. Вследствие этого я отклонил это предложение, и вместо меня был назначен д-р Ли.

15 июня 1781 г. вместе с г-ном Адамсом, г-ном Франклином, г-ном Джеем и г-ном Лоуренсом меня назначили полномочным посланником для ведения переговоров о мире, заключение которого ожидалось тогда при посредничестве русской императрицы. Однако по тем же причинам я был вынужден отказаться и от этого назначения, а переговоры на деле так никогда и не начались. Но осенью следующего, 1782 г., когда Конгресс получил основания полагать, что общий мир будет заключен в течение зимы и последующей весны, Конгресс 13 ноября того же года вновь назначил меня полномочным посланником. За два месяца до этого я потерял незабвенную спутницу моей жизни, с которой прожил последние десять лет в ничем не омраченной взаимной крепкой любви и полном счастье. В общественных интересах, как и для моего морального состояния, предложенная смена обстановки была желательна, и я принял назначение.

19 декабря 1782 г. я выехал из Монтичелло и 27 декабря прибыл в Филадельфию. Французский посланник Люзерн предложил мне переплыть океан на фрегате «Ромулус», и я принял это предложение. Но этот корабль, скованный льдами, в

это время находился в нескольких милях вниз от Балтимора. Поэтому я провел месяц в Филадельфии, просматривая в Конгрессе документы, с тем чтобы ознакомиться с общим состоянием наших международных отношений, а затем выехал в Балтимор ожидать освобождения фрегата ото льда. После почти месячного ожидания мы получили сообщение, что 3 сентября 1782 г. наши представители подписали Предварительный мирный договор, который должен был стать постоянным после заключения мира между Францией и Великобританией. Учитывая, что теперь моя поездка в Европу станет бесполезной для общества, я немедленно возвратился в Филадельфию для получения распоряжений от Конгресса. Конгресс освободил меня от дальнейшего исполнения этих обязанностей, и потому я возвратился домой, куда прибыл 15 мая 1783 г.

* * *

6 июня легислатура избрала меня делегатом в Конгресс. Мое назначение вступало в силу 1 ноября, когда истекал срок полномочий предыдущей делегации. В соответствии с этим я выехал из дома 16 октября и 3 ноября прибыл в Трентон, где заседал Конгресс, и занял свое место 4 ноября, в день, когда было объявлено о перерыве в работе Конгресса до 26-го и переносе заседаний в Аннаполис.

Конгресс теперь стал настолько малочисленным, а делегаты стали настолько пренебрегать своими обязанностями, что большинство представительства штатов, необходимое в соответствии со «Статьями Конфедерации» для кворума даже при решении второстепенных вопросов, невозможно было собрать вплоть до 13 декабря.

Уже 7 января 1782 г. Конгресс занялся рассмотрением состояния денежного обращения в нескольких штатах и дал указание уполномоченному по финансам Роберту Моррису доложить таблицу курсов, по которым иностранные монеты должны приниматься казначейством. Этот чиновник, а вернее его помощник Гувернер Моррис, дал ответ Конгрессу 15 января в компетентном, четком и подробном сообщении о достоинстве денег, находившихся в обращении в отдельных штатах, и о сравнительной стоимости основных иностранных монет, имевшихся у нас в обращении. Далее он перешел к рассмотрению необходимости установления у нас стандарта стоимости и о принятии денежной единицы. Он предложил в качестве такой единицы принять такую долю чистого серебра, которая была бы

общим делителем для стоимости пенни всех штатов, причем без остатка. Таким общим делителем, по его расчетам, являлась 1/1440 часть доллара или 1/1600 часть кроны стерлингов. Следовательно, стоимость доллара должна быть выражена 1440 единицами, а кроны – 1600, причем каждая единица должна содержать четверть грана чистого серебра. Когда в следующем году Конгресс снова вернулся к этому вопросу, в письме от 30 апреля 1783 г. уполномоченный по финансам дал дальнейшие разъяснения относительно предложенной им единицы и настаивал на ее принятии. Однако ничего больше сделано не было вплоть до следующего года, когда вопрос снова был принят на рассмотрение и передан в комитет, членом которого я состоял. Общие рассуждения Р. Морриса были здравыми, а принцип, который он предлагал положить в основу своей единицы – весьма изобретательным. Но она была слишком мелкой по своему масштабу, слишком громоздкой для повседневного использования и слишком трудной для подсчетов как в уме, так и на бумаге. Буханка хлеба стоимостью 1/20 доллара стоила бы 72 единицы.

Фунт масла стоимостью 1/5 доллара – 288 единиц.

Лошадь или вол ценой в 80 долларов потребует шестизначного числа – 115 200, а государственный долг, предположительно в 80 миллионов, потребует двенадцатизначного числа – 115 200 000 000. Такая арифметическо-денежная система совершенно не годилась бы для повседневного использования в обществе. Поэтому вместо нее я предложил доллар в качестве нашей единицы расчетов и платежей, а его доли предложил выразить в десятичной системе исчисления.

По этому вопросу я подготовил свои замечания и представил их на рассмотрение уполномоченного по финансам. Я получил от него ответ, в котором он выразил приверженность своей общей системе, согласившись только на то, чтобы его единица состояла из сотни предложенных им ранее единиц, с тем чтобы доллар содержал 1440/100, а крона – 16 единиц. Я ответил ему и напечатал мои заметки и его ответ отдельным листом, который вручил членам Конгресса для рассмотрения, а комитет согласился внести на обсуждение предложение, основанное на моем принципе. Он был одобрен в следующем году.

На этом и основана существующая сейчас денежная система. Деление доллара на десятые, сотые и тысячные части – даймы, центы и милли – теперь настолько всем понятно, что подобное деление было бы легко ввести и для мер веса и длины. Когда я путешествую, я пользуюсь изобретенным Кларком одометром,

который делит милю на сотые части, и я вижу, что каждый легко понимает, о каком расстоянии идет речь, когда оно выражено в милях и сотых долях мили, и каждый так же легко поймет, когда речь будет идти о футе и его сотых долях, фунте и его сотых долях и т. д.

* * *

Нерадивость членов Конгресса, их непрерывные заседания стали вызывать тревогу, поэтому некоторые легислатуры предложили даже делать перерывы и ограничивать длительность его заседаний периодическими сессиями. Поскольку «Статьи Конфедерации» на периоды перерывов в работе Конгресса не предусматривали обеспечения реального руководства, а такое руководство было необходимо для осуществления контроля за исполнением текущих дел, приема и контактов с иностранными посланниками и государствами и для того, чтобы созывать Конгресс в связи с внезапными и чрезвычайными обстоятельствами, в начале апреля я предложил образовать комитет под названием «Комитет штатов», в состав которого вошло бы по одному представителю от каждого штата и который функционировал бы во время перерывов в работе Конгресса.

Я предложил разделить функции Конгресса на исполнительную и законодательную, с тем чтобы в перерыве между его сессиями вторую зарезервировать, а первую, по общему решению, передать этому комитету. Позднее это предложение было принято и созданный комитет приступил к исполнению своих обязанностей. Вскоре члены его перессорились, разделились на две партии, покинули свои посты и до следующего заседания Конгресса оставили страну без реального руководства. Позднее мы видели, как то же самое происходило в Директории Франции и, я считаю, так будет всегда с любым исполнительным органом, основанным на началах плюрализма. Наш замысел, а я считаю его самым лучшим, сочетает мудрость с целесообразностью, предусматривая плюрализм советников, но единственного арбитра, что необходимо для принятия окончательного решения.

Я находился во Франции, когда мы узнали об этом расколе и распаде Комитета. В беседе со мной о странной склонности людей к ссорам и разделению на партии д-р Франклин как всегда выразил свои чувства с помощью нравоучительной истории. Он рассказал о том, что Эдистонский маяк в Ла-Манше, сооруженный на скале посреди пролива, зимой совершенно недоступен из-за

бурного характера моря в это время года. Поэтому на зиму все продовольствие для двух смотрителей маяка, обеспечивающих его работу, приходилось завозить осенью, поскольку позже, до наступления весны, добраться до них было невозможно. В первый погожий весенний день к ним вышла лодка со свежими продуктами. Встретив у дверей одного из смотрителей, лодочники заговорили с ним. «Как дела, друг?» – «Очень хорошо». – «Как твой товарищ?» – «Не знаю». – «Не знаешь? Разве его нет здесь?» – «Не могу сказать». – «Разве ты не видел его сегодня?» – «Нет». – «А когда ты видел его последний раз?» – «Прошлой осенью». – «Ты что убил его?» – «Нет, конечно». Лодочники уже собирались схватить его как явного убийцу своего товарища, но он настоял, чтобы они поднялись наверх и сами все осмотрели и проверили. Поднявшись наверх, лодочники обнаружили там второго смотрителя. Они поссорились вскоре, кажется, после того, как остались одни и, разругавшись, разделились на две партии: заботы о нижней части маяка отошли к одному из них, а о верхней – к другому. С тех пор они не виделись и не разговаривали друг с другом.

Но вернемся к нашему Конгрессу в Аннаполисе. Окончательный мирный договор, который был подписан в Париже 3 сентября 1783 г. и текст которого был получен здесь, должен был быть ратифицирован голосами не менее чем девяти штатов. По этой причине 23 декабря мы разослали письма нескольким губернаторам, извещая их о том, что текст окончательного договора получен, но сейчас в Конгрессе представлено лишь семь штатов, в то время как для ратификации необходимо девять. В письмах мы настаивали, чтобы губернаторы потребовали от своих делегатов немедленной явки в Конгресс. Чтобы сберечь время, я предложил 26 декабря обязать морского агента (Роберта Морриса) подготовить корабль здесь, в Нью-Йорке и в каком-нибудь порту восточного побережья, чтобы тотчас отправить ратификационную грамоту договора, как только она будет подписана.

* * *

В целом предложение было встречено Конгрессом с одобрением, но против него выступил д-р Ли в связи с теми расходами, которые мог бы навлечь на нас морской агент, получив на это право. Д-р Ли заявил, что было бы лучше сразу же ратифицировать договор и отослать ратификационную грамоту. Перед этим некоторые делегаты предложили считать

достаточным для ратификации голоса семи штатов. В связи с этим мое предложение было отложено, а г-н Рид от Южной Каролины внес другое предложение – о немедленной ратификации договора. Дебаты по нему продолжались 26 и 27 числа. Рид, Ли, Уильямсон и Иеремия Чейз настаивали на том, что ратификация была просто делом формы, что договор считается заключенным с момента его подписания полномочными представителями, что, хотя «Статьи Конфедерации» требуют для вступления договора в силу согласия девяти штатов, все же само заключение договора не может называться вступлением его в силу; что если для ратификации договора требовать согласия девяти штатов, то, следовательно, пять штатов смогут всегда удерживать нас в состоянии войны; что девять штатов уже в сущности санкционировали ратификацию тем, что прежде ратифицировали предварительный договор и дали указание своим представителям согласиться на подписание окончательного договора, составленного в тех же выражениях, а текст настоящего договора по существу почти такой же дословно; что сейчас на ратификацию, пересылку ратификационной грамоты и ее обмен остается всего шестьдесят семь дней; что нет никаких надежд на то, что в скором времени в Конгрессе будут представлены девять штатов; что по существу сейчас крайний срок, до которого мы могли рискнуть затягивать дело, что если ратификационная грамота не будет доставлена в Париж к назначенному времени, договор потеряет силу; что в случае ратификации его семью штатами он все равно будет скреплен нашей печатью и в Великобритании не будет известно, что на это согласились только семь штатов; что у них нет права обращать внимание на этот вопрос и что за него мы отвечаем только перед своими избирателями; что эта ратификация подобна той, которую Великобритания получила от голландцев в результате переговоров сэра Уильяма Темпла.

Монро, Джерри, Хауэл, Эллери и я, напротив, доказывали, что в современной европейской практике ратификация рассматривается как акт, придающий договору силу, без которого договор не является обязательным. Согласно полномочиям, полученным участниками переговоров, право ратификации договора оставалось за Конгрессом. В самом договоре предусматривается, что он должен быть ратифицирован. В чьей это компетенции – это уже другой вопрос. «Статьи Конфедерации» четко и ясно требуют согласия девяти штатов для вступления в любой договор. Этот акт подразумевает, что согласие девяти штатов требуется как для заключения договора, так и для вступления его в силу, поскольку целью его является защита прав

Союза во всех тех важных случаях, когда требуется согласие девяти штатов. В противном случае семь штатов с населением, составляющим менее одной трети наших граждан, могли бы навязать нам договор, действительно подписанный по поручению и в связи с указанием девяти штатов, но составленный полномочным представителем в явном противоречии с этими указаниями и в ущерб огромному большинству. Признается или нет текст окончательного договора точной копией предварительного, являются ли отступления от него существенными или нет – этот вопрос вправе решать только девять штатов. Детали ратификации статей предварительного договора девятью штатами, указания нашим представителям составить текст окончательного договора на основании текста предварительного, фактическое совпадение их смысла не делают нас правомочными ратифицировать договор в данном случае. Если эти обстоятельства сами по себе представляют ратификацию, то не требуется ничего, кроме передачи удостоверенного экземпляра грамоты в обмен на британскую ратификационную грамоту. Если нет, то все остается по-старому: нет ни ратификации договора девятью штатами, ни нашего права его ратифицировать. Прошло всего четыре дня с того времени, как представители семи штатов, присутствующих сейчас, единодушно одобрили для рассылки губернаторам штатов, представители которых отсутствуют, резолюцию, где в качестве основания для требования срочно прислать их делегатов, указывалась необходимость ратификации договора девятью штатами. В случае с голландской ратификацией Великобритания добивалась ее и поэтому была рада принять ее такой, какая она была. Они знают нашу конституцию и поэтому будут возражать против ратификации договора семью штатами. Если это обстоятельство будет скрыто, оно станет известно позднее и даст им основание отрицать законность ратификации, в которую их неожиданно вовлекли без их ведома обманным путем и которая стала бы бесчестным проституированием использования нашей государственной печати. Еще есть надежда на кворум из девяти штатов. Если договор не будет вовремя ратифицирован и станет недействительным, неполная ратификация его не спасет. Но на самом деле он не станет недействительным, а получит лучшую основу, приобретет необходимую форму, пусть хотя бы и несколькими днями позже, со ссылкой на незначительность этого обстоятельства и на физическую невозможность пунктуально соблюсти сроки. Он будет одобрен всеми странами и самой Великобританией, если она не решит возобновить войну, а если решит, то ей не понадобятся никакие предлоги, ей ничто не

помешает. Г-н Рид предупредил, что он потребует поименного голосования. Возражавшие против этого подготовили в ответ резолюцию, целенаправленно объяснявшую причины их несогласия с предложением м-ра Рида. Когда стало ясно, что предложение не будет принято, решили, что лучше не ставить его на голосование вообще. «За» был бы только один Массачусетс. Род-Айленд, Пенсильвания и Виргиния были бы «против». Голоса делегатов Делавэра, Мэриленда и Северной Каролины разделились бы.

* * *

В Конгрессе нас было немного, но мы очень любили спорить. День за днем мы тратили на самые несущественные вопросы.

Один делегат, из тех, кто одержим нездоровой страстью к спорам, имеет горячую голову, быстрое воображение и скор на язык, кто с трудом выслушивает любую аргументацию, кроме своей собственной, сидел однажды возле меня во время пустяковых, но многословных дебатов. Он спросил меня, как могу я сидеть молча и выслушивать столько неправильных рассуждений, которые можно опровергнуть одним словом. Я ответил, что опровергнуть действительно легко, но заставить замолчать невозможно; что, предлагая принять какие-либо меры, я беру на себя, как это и следует, самую трудную долю работы, но что в общем я готов слушать других. Если тот или иной участник дебатов выскажет убедительные доказательства или возражения, то этого и довольно. Если же нет, я считаю достаточным посоветовать опускать сказанное без внимания и не повторять его. Это было бы лишь напрасной и намеренной тратой времени и злоупотреблением терпением Конгресса, которые никак нельзя оправдать.

Я думаю, что если бы члены совещательных органов придерживались в целом такой линии поведения, то за день они бы делали то, на что у них уходит неделя. И действительно, гораздо больше, чем это может показаться поначалу, заслуживает внимания вопрос, не является ли немая легислатура Бонапарта, которая молчала, но делала много, предпочтительнее той, в которой много говорят, но ничего не делают.

До революции я служил обществу в легислатуре Виргинии вместе с генералом Вашингтоном, а во время революции – в Конгрессе вместе с д-ром Франклином. Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из них выступал больше десяти минут или говорил о чем-нибудь, кроме главного, нужного, чтобы решить

проблему. Они брались за крупные вопросы, понимая, что мелкие будут разрешаться сами по себе. Если нынешний конгресс грешит многословием, то как же может быть иначе в собрании, куда народ послал сто пятьдесят юристов, чье ремесло – во всем сомневаться, ни в чем не уступать и говорить часами? Так что не следует ожидать, что сто пятьдесят юристов смогут вместе делать дело. Но вернемся к нашей теме.

Поскольку те делегаты, которые считали, что семь штатов правомочны ратифицировать договор, были сильно обеспокоены тем, что их предложение было отклонено, я предложил третьего января пойти с ними на компромисс и поэтому выдвинул еще одну резолюцию.

Она исходила из того, что сейчас в Конгрессе присутствовали представители только семи штатов, которые единодушно высказались за ратификацию договора, но разошлись в вопросе о своей правомочности. Однако те, кто отрицал правомочность в этих условиях, не хотят, чтобы их полномочия, какими бы они ни были, остались неиспользованными в целях восстановления мира, насколько это возможно сделать с чистой совестью и без решения Конгресса о правомочности семи штатов.

Они также полны решимости ратифицировать договор, насколько это в их власти. Это следует передать нашим представителям с указанием никому пока об этом не сообщать. Они должны попытаться продлить срок обмена ратификационными грамотами еще на три месяца. Их следует проинформировать о том, что как только здесь соберутся представители девяти штатов, им будет выслана ратификационная грамота от их имени.

Если они получат ее до истечения срока обмена грамотами, они должны использовать именно ее, а если мы не успеем, они должны представить для обмена документ от имени семи штатов, сообщив, что ратификация договора происходила в то время, когда в заседаниях Конгресса был перерыв, но что делегации семи штатов были в сборе и единодушно согласились ратифицировать договор.

Дебаты по этому вопросу проходили третьего и четвертого, а пятого, поскольку в Англию из порта (Аннаполис) должен был отплыть корабль, Конгресс поручил своему президенту составить соответствующее послание нашим представителям.

* * *

14 января. Поскольку вчера на заседании Конгресса

появились делегаты от Коннектикута, а сегодня – Южной Каролины, договор был ратифицирован без единого голоса против. Было приказано изготовить три ратификационных грамоты, из которых первую послали с полковником Хармером, вторую – с полковником Фрэнксом, а третью передали морскому агенту для отправки при первой же возможности.

Вскоре Конгресс приступил к рассмотрению наших международных отношений. Он считал, что с каждой страной необходимо установить торговые отношения на тех же условиях, какими пользуются там и другие народы, и с этой целью предложить каждой стране заключить с нами отдельный торговый договор. Этот акт означал бы также признание каждой страной нашей независимости и прием нас в братство наций. Мы, имея полное право на свой статус, конечно, не снизойдем до того, чтобы просить об этом, но, однако, не хотим отказывать другим в возможности дружески приветствовать нас. С Францией, Голландией и Швецией у нас уже были торговые договоры. Однако полномочия на их пересмотр, если это сочтено будет необходимым, были также даны. Другими государствами, с которыми предлагалось заключить договоры, были Англия, Гамбург, Саксония, Пруссия, Дания, Россия, Австрия, Венеция, Рим, Неаполь, Тоскана, Сардиния, Генуя, Испания, Португалия, Оттоманская Порта, Алжир, Триполи, Тунис и Марокко.

7 мая Конгресс принял решение, что для ведения переговоров о заключении торговых договоров с иностранными государствами в дополнение к г-ну Адамсу и д-ру Франклину должен быть назначен полномочный посланник, и я был избран на этот пост. В соответствии с этим 11 числа я выехал из Аннаполиса, взяв с собой старшую дочь, находившуюся в то время в Филадельфии (две другие дочери были слишком малы для такого путешествия), и продолжил свой путь в Бостон, чтобы оттуда отплыть за океан. Проезжая по разным штатам, я решил выяснить состояние торговли в каждом из них; с этой же целью я заехал в Нью-Гэмпшир и вернулся в Бостон. 5 июля я отплыл оттуда на торговом корабле «Церера», направлявшемся в Каус и принадлежавшем г-ну Натаниелю Трейси. Сам он тоже был на борту в качестве пассажира. После приятного девятнадцатидневного путешествия 26-го числа мы прибыли в Каус. Там мне пришлось задержаться на несколько дней из-за недомогания моей дочери. 30-го мы сели на корабль, следовавший в Гавр, прибыли туда 31-го, выехали оттуда 3 августа и 6-го прибыли в Париж. Я сразу же посетил д-ра Франклина в Пасси, сообщил ему о нашем поручении, и мы написали находившемуся тогда в Гааге г-ну Адамсу, с тем чтобы

он присоединился к нам в Париже.

Перед моим отъездом из Америки, то есть в 1781 г., я получил письмо от г-на де Марбуа из французской миссии в Филадельфии, извещавшего меня о том, что он получил указание от своего правительства собрать такие статистические сведения о различных штатах нашего Союза, которые могли бы дать его правительству полезную информацию. Он адресовал мне несколько вопросов, касающихся штата Виргиния. Я взял себе за правило при каждой возможности собирать о своем штате сведения, которые могут пригодиться мне в общественном или личном плане и излагать их на бумаге. Эти записи я делал на отдельных листках и складывал их как придется, так что мне было трудно потом отыскать нужный листок, когда в этом возникала необходимость. Я счел этот запрос удобным случаем, чтобы доработать свои заметки, что и сделал в соответствии с порядком вопросов г-на Марбуа, выполнив его пожелание и расположив свои материалы так, чтобы я мог удобно ими пользоваться. Некоторые мои друзья, которым они время от времени становились известны, просили прислать копии. Поскольку столь большое переписывание от руки было бы непосильным трудом, я, чтобы удовлетворить эти запросы, предложил прислать им несколько отпечатанных копий. Однако с меня за это запросили такую цену, что она превзошла важность всего этого дела. По прибытии в Париж я обнаружил, что там эта работа может быть выполнена за четверть той цены, что с меня запрашивали здесь. Поэтому я исправил, расширил свои записи и отдал отпечатать их в двухстах экземплярах под названием «Заметки о Виргинии». Несколько экземпляров я отдал моим близким друзьям в Европе, а остальные послал своим друзьям в Америке. В Европе один экземпляр после смерти своего владельца попал в руки некоего книготорговца, который заказал перевод текста. Когда он был подготовлен к печати, книготорговец сообщил мне о своих намерениях и прислал рукопись с просьбой поправить ее, не спросив, однако, ни в какой иной форме разрешения на ее публикацию. Никогда я не видел такой жалкой попытки перевода. Я обнаружил перестановки, купюры, искажения, часто прямо противоположные смыслу оригинала, с самого начала и до конца этот перевод был усеян ошибками, словно кляксами. Самые значительные я исправил, и в таком виде текст был напечатан на французском языке. Один лондонский книготорговец, увидев этот перевод, попросил у меня разрешения напечатать английский оригинал. Я подумал, что будет лучше дать возможность миру увидеть, что оригинал не так уж плох, каким его представил французский перевод. Такова

подлинная история этой публикации.

* * *

Г-н Адамс вскоре присоединился к нам в Париже, и нашей первой задачей была выработка общей формы договора для представления его тем государствам, которые собирались вести с нами переговоры. Еще во время переговоров о мире с британским уполномоченным Дэвидом Хартли наши представители, по инициативе д-ра Франклина, предложили включить статью, запрещающую захват государственными или частными вооруженными кораблями обеих воюющих сторон всех торговых судов, занятых обычной перевозкой коммерческих грузов между странами. Англия отклонила это предложение, поступив, по-моему, неразумно. Потому что в случае войны с нами ее гораздо большая по объему торговля подвергнется на море бесконечно большему риску, чем наша. Чем больше дичи, тем больше ястребов. Так и здесь: чем больше может быть захвачено на морях богатых призов, тем больше будет наших каперов, а их каперов, наоборот, будет немного из-за недостатка объектов для захвата. В наш проект договора мы включили эту статью с положениями, запрещающими нападение на занимающихся своими делами в незащищенных местах рыбаков, скотоводов, невооруженных граждан; предусматривающими гуманное обращение с военнопленными, запрещение военной контрабанды, из-за которой торговые суда подвергаются таким досадным и губительным захватам; а их экипажи – жестокому обращению; а также принцип «свободные суда – свободные товары».

На совещании с графом де Верженном было решено оставить для законодательного регулирования обеими сторонами те изменения в наших торговых связях, которые могут возникнуть в обстановке наших дружественных отношений. Мы без труда смогли узнать у посланников нескольких европейских стран при Версальском дворе об их отношении к взаимной торговле и целесообразности ее поощрения заключением договора о ее защите. Старый Фридрих Прусский отнесся к нашему предложению сердечно и без колебаний. Когда он назначил барона де Тульмайера, своего посланника в Гааге, для переговоров с нами, мы сообщили ему проект договора. С небольшими изменениями, внесенными королем, договор вскоре был заключен. Дания и Тоскана также вступили в переговоры с нами. Поскольку другие государства проявили незаинтересованность, мы не считали нужным оказывать на них

давление. Казалось, что они знали о нас немногим более того, что мы – мятежники, успешно сбросившие с себя ярмо метрополии. Они не знали о нашей торговле, которая всегда монополизировалась Англией, и о возможностях обмена товарами с нами, который был бы выгоден для обеих сторон. Поэтому они предпочитали оставаться в стороне, пока не прояснится, какие отношения выгодно с нами установить. Начавшиеся с Данией и Тосканой переговоры мы намеренно затянули вплоть до истечения срока наших полномочий. Мы не делали новых предложений о торговом договоре другим государствам, не имевшим колоний, поскольку наша торговля, представляющая собой обмен сырья на готовые изделия, является достойной платой за допуск в колонии тех государств, у кого они есть. А установи мы торговые отношения без этой выгоды с другими государствами, и все начнут требовать тех же самых условий по обычному принципу gentis amicissimae.

Г-н Адамс, назначенный полномочным посланником Соединенных Штатов в Лондоне, покинул нас в июне, а в июле 1785 г. возвратился в Америку д-р Франклин. Его преемником в Париже назначили меня. В феврале 1786 г. г-н Адамс написал мне, настаивая на немедленном приезде в Лондон, поскольку он считал, что появились симптомы лучшего к нам отношения. Эти настоятельные просьбы о моем немедленном приезде мне доставил секретарь его миссии полковник Смит. В соответствии с этим 1 марта я выехал из Парижа. Вскоре после моего прибытия в Лондон мы пришли к соглашению по очень краткой форме договора, предусматривавшего взаимное признание прав наших граждан, за исключением официальных лиц, наших кораблей и наших товаров в целом. Когда меня представили королю и королеве, как это принято, они вели себя так нелюбезно в отношении г-на Адамса и меня, что хуже просто трудно представить. Я сразу же понял, что умы здесь настолько нездоровы, что ничего хорошего не следует и ожидать от моего приезда сюда. При первой же встрече с маркизом Кармартеном, министром иностранных дел, проявленная им в беседе с нами сдержанность и нерасположение, неопределенность и уклончивость его ответов укрепили мою уверенность в том, что здесь с нами не хотят иметь никаких дел. Тем не менее мы вручили ему наш проект, причем г-н Адамс в отличие от меня не считал его столь безнадежным. Позднее, одной или несколькими нотами, мы просили его о встрече для беседы и переговоров, от которых, не отказываясь прямо, он уклонился, сославшись на другие неотложные дела.

* * *

Пробыв в Лондоне семь недель, за несколько дней до истечения срока моих полномочий я сообщил министру, с помощью ноты, что мои дела в Париже требуют моего возвращения туда и что я с удовольствием мог бы передать его послу в Париже любые указания. Он ответил, что у него нет никаких указаний и пожелал мне счастливого пути. Я выехал из Лондона 26-го, а 30 апреля прибыл в Париж.

Находясь в Лондоне, мы начали переговоры с шевалье Пинто, послом Португалии в столице Великобритании. Единственную трудность для нас представила статья, предусматривающая доставку хлеба в Португалию как в виде зерна, так и муки. Сам он ее одобрил, но заметил, что несколько очень влиятельных при дворе вельмож являлись владельцами ветряных мельниц в окрестностях Лиссабона, доходы которых во многом зависели от переработки нашей пшеницы, и что эта статья поставит под угрозу весь договор. Тем не менее он подписал договор, судьба которого оказалась такой, какую он ему откровенно и предсказал.

В Париже мне предстояло решить несколько задач: обеспечить сбыт на выгодных условиях китового жира, соленой рыбы и солонины; обеспечить ввоз нашего риса на тех же условиях, что и риса из Пьемонта, Египта и Леванта; ослабить монополию «Фармере женераль» на импорт нашего табака и добиться свободного ввоза нашей продукции на принадлежащие Франции острова. Таковы были основные коммерческие задачи, требовавшие моего внимания. Решать их мне во многом помогал маркиз де Лафайет, который использовал для этого все свое влияние и энергию и проявил себя страстным поборником дружбы и благополучия в равной мере каждой из наших стран. Справедливости ради, я должен сказать, что французское правительство стремилось проявлять к нам дружелюбие во всех случаях, пойти на любые уступки нам, если только они не наносили его интересам большого вреда. Среди дипломатического корпуса граф де Верженн имел репутацию очень осторожного и скользкого дипломата. Может быть, он и был таким по отношению к тем, кого он знал как людей скользких и двуличных. Поскольку же он видел, что у меня не было никаких задних мыслей, что я не хитрил, не впутывался ни в какие интриги, не преследовал никаких тайных целей, со мной он был так же откровенен, честен, и с таким же пониманием относился к моим доводам, как и все люди, с которыми мне раньше приходилось иметь дело. То же самое я должен сказать и о его преемнике Монморене, честнейшем и достойнейшем из

людей.

Вскоре возникла угроза для нашей торговли на Средиземном море в связи с захватом двух наших судов и их экипажей берберскими кораблями. Мне очень не хотелось, чтобы мы соглашались с унизительным европейским обычаем уплаты дани этим попирающим законы пиратам, и я попытался создать союз государств, постоянно подвергающихся таким нападениям и грабежам. С этой целью я подготовил статьи специальной конвенции, которые передал послам этих государств в Париже для рассмотрения соответствующими правительствами. Договор был подготовлен мною в следующем виде:

«Предложения о согласованных действиях государств, находящихся в состоянии войны с пиратскими странами берберов.

1. Предлагается, чтобы несколько государств, находящихся в состоянии войны с пиратскими странами берберов, либо любые два или более государств, имеющих соответствующие намерения, заключили конвенцию о ведении совместных действий против этих стран, в первую очередь против Алжира.

2. К этой конвенции в любое время в будущем сможет присоединиться любое изъявившее желание государство. Стороны сохраняют право определять условия такого присоединения в соответствии с обстоятельствами, которые сложатся в момент присоединения.

3. Цель конвенции – принудить без каких-либо им уступок пиратские страны к бессрочному миру и гарантировать такой мир каждой стороне.

4. Для достижения этого мира вдоль побережья пиратских стран должно осуществляться постоянное патрулирование морскими силами, состав которых будет установлен соглашением. Эти силы не должны быть настолько значительны, чтобы отягощать участников конвенции. Считается, что достаточно шести фрегатов и стольких же тендеров и шебек, половина которых будет нести патрулирование, а другая половина – находиться на отдыхе.

5. Силы, которые будут сочтены достаточными, будут формироваться на основе определенных квот, размер которых также должен быть установлен. Ожидается, что вклад каждого участника соглашения будет соответствовать разумной оценке положения.

6. Поскольку неудачи часто происходят из-за недостатка согласия среди офицеров различных стран, стороны должны прежде обсудить и решить, не лучше ли им вносить свою долю деньгами, с тем чтобы использовать их для оснащения и

поддержания в боевой готовности отряда кораблей той из сторон, на выбор которой последует общее согласие.

7. Трудности и задержки, которые также встретятся при осуществлении этих операций, если участники конвенции, правительства которых находятся далеко друг от друга и лишены возможности встречаться для консультаций, будут проводить их раздельно, ставят вопрос: не лучше ли им с этой целью передать все необходимые полномочия своим послам или посланникам, находящимся при каком-нибудь одном европейском дворе, которые образовали бы комитет или совет для осуществления настоящей конвенции. При этом голос каждого члена такого совета должен быть пропорционален квоте, внесенной в дело его сувереном, и исчисленным таким образом большинством должны решаться все вопросы в рамках этой конвенции. С этой целью предлагается выбрать Версальский двор, ибо он находится вблизи Средиземного моря и при нем представлены все государства – возможные участники этой конвенции.

8. Чтобы уберечь этот совет от затруднений, связанных с личными ходатайствами о должностях, и для того, чтобы убедить участников конвенции в том, что вложенные ими средства будут расходоваться только на те цели, для которых они предназначены, для него не должны учреждаться ни штатные должности вроде комиссаров, секретарей и им подобных с окладами или привилегиями, ни какие-либо другие выгодные должности кроме тех, исполнение которых требует нахождения на борту упомянутых кораблей.

9. Если начнется между двумя членами конвенции война, она не должна распространяться на их участие в конвенции или прерывать его. В этом отношении они должны считаться находящимися в состоянии мира.

10. Когда Алжир принудят к миру, другие пиратские страны, если они откажутся прекратить заниматься пиратством, станут объектами действия конвенции поочередно либо все сразу, как окажется целесообразнее.

11. В тех случаях, когда конвенция войдет в противоречие с договорами, действующими в отношениях между участниками конвенции и берберскими государствами, такие договоры должны иметь приоритет и такому участнику конвенции должно быть разрешено не участвовать в операциях против такого государства».

* * *

Испания только что заключила договор с Алжиром, заплатив три миллиона долларов, и не хотела отказываться от его выгод до тех пор, пока другая сторона не нарушит его. Португалия, Неаполь, обе Сицилии, Венеция, Мальта, Дания и Швеция склонялись в пользу такого союза. Но их представители в Париже выражали опасения, что Франция вмешается и будет открыто или тайно поддерживать берберские государства. Они попросили меня выяснить намерения графа де Верженна на этот счет. Ранее я воспользовался благоприятным случаем, чтобы информировать его о нашем предложении и поэтому счел неподходящим намекать на сомнения в честном поведении его правительства. Но, говоря о наших предложениях, я упомянул об испытываемых нами опасениях, что Англия выступит в пользу пиратских государств. «Она не осмелится этого сделать», – сказал он. Я не стал продолжать разговор на эту тему. Другие представители были удовлетворены таким свидетельством его отношения к этому вопросу и теперь, для того чтобы представить наш проект для непосредственного и формального рассмотрения, требовались только согласие нашего правительства и полномочия сделать официальное предложение.

Я сообщил правительству о хороших перспективах защиты нашей торговли от грабежей берберов на такой длительный период, в течение которого благодаря изгнанию с моря изменятся их нравы и характеры, и из грабителей они превратятся в народ земледельцев. Ожидалось, что правительство выделит для этого фрегат и оплатит расходы, связанные с его постоянным патрулированием. Но оно оказалось не в состоянии взять на себя такое обязательство. Его рекомендательные указания о сборе средств для этой цели настолько открыто игнорировались рядом штатов, что правительство отказалось от этого обязательства, почувствовав, что оно не сможет строго выполнять его. Так провалилось это дело…

В 1786 г., находясь в Париже, я познакомился с Джоном Ледиардом из Коннектикута, одаренным, образованным, бесстрашным и предприимчивым человеком. Он сопровождал капитана Кука в его путешествии по Тихому океану, проявив в нескольких случаях непревзойденное мужество, и опубликовал об этом путешествии отчет, содержащий неблагоприятные для Кука подробности его отношений с дикарями, умерившие наши сожаления по поводу постигшей его судьбы. В Париж Ледиард прибыл с надеждой основать компанию по продаже мехов, добываемых на западном побережье Америки. Испытав в этом неудачу, он со своим неугомонным и беспокойным характером остался не у дел, и я посоветовал ему предпринять исследование

западной части нашего континента, предложив проехать через Санкт-Петербург до Камчатки, затем переправиться на одном из русских судов в Нутка Саунд, а оттуда через весь континент добраться до Соединенных Штатов.

Я взял на себя получение разрешения русской императрицы. Он с радостью ухватился за это предложение, а г-н де Семолин, русский посол, и в особенности барон Гримм, состоявший в переписке с императрицей, ходатайствовали о разрешении для него проехать через ее владения к западному побережью Америки. И здесь я должен исправить существенную ошибку, допущенную мною в другом месте, в ущерб императрице. В заметках о жизни капитана Льюиса, послуживших предисловием к его «Экспедиции к Тихому океану», я писал, что императрица дала разрешение, которое у нее просили, но позднее отменила его.

За 26 лет эта мысль настолько глубоко укоренилась в моем сознании, что я изложил ее на бумаге, ничуть не подозревая об ошибке. Вернувшись сейчас к моим записям того времени, я обнаружил, что императрица сразу же отказала в таком разрешении, посчитав эту затею абсолютно химерической. Но Ледиард не отказался от нее и считал, что, приехав в Санкт-Петербург, смог бы убедить императрицу в ее осуществимости и добиться разрешения. Он приехал туда, но императрица в это время совершала поездку по ряду своих отдаленных владений. Он продолжил свой путь, но в двухстах милях от Камчатки его по приказу императрицы арестовали, привезли обратно в Польшу и там отпустили. Поэтому справедливости ради, я должен оправдать императрицу в том, что она когда-либо, хотя бы минуту, хотя бы снисходительностью к невинному проезду через ее территории, поощряла это интересное предприятие.

Французская революция *(Из книги Т. Джефферсона «Автобиография»)*

Знаменитые французские авторы уже наметили принципы справедливого государственного устройства. И тем не менее, кажется, именно американская революция первой разбудила мыслящую часть французской нации от сна, в который ее погрузил деспотизм. Побывавшие в Америке офицеры были главным образом молодыми людьми, менее других скованные обычаями и предрассудками и более склонные к доводам здравого смысла и идеям равноправия. Они вернулись с новыми идеями и впечатлениями. Пресса, несмотря на имевшиеся ограничения, стала распространять их. Разговоры обрели новую свободу. Политика стала темой дискуссий в любом обществе, мужском и женском. Образовалась многочисленная и энергичная партия, получившая название Патриотической. Сознавая несправедливый характер существовавшей системы правления, она мечтала о возможности преобразовать ее. Эта партия включала всех честных людей королевства, располагающих досугом для размышлений: литераторов, обеспеченных буржуа, молодых аристократов, – отчасти благодаря их убеждениям, отчасти благодаря моде. Эти настроения стали предметом моды и потому привлекли в партию большинство молодых женщин. К счастью для нации, это случилось в тот самый момент, когда мотовство королевы и двора, злоупотребление пенсиями, распад всей системы управления финансами настолько истощили государственную казну и кредит, что оказались парализованы основные функции государства. Задача устранения этих злоупотреблений превосходила власть министерства. Введение новых налогов властью короля было заведомо невозможно из-за решительной оппозиции их регистрации со стороны парламента. Поэтому не оставалось ничего другого, кроме обращения к нации.

По этой причине королю предложили созвать ассамблею наиболее выдающихся людей страны, надеясь, что обещанием разнообразных существенных перемен в организации и системе управления страной удастся склонить их санкционировать новые налоги, преодолеть оппозицию парламента и поднять годовой доход государства до уровня расходов. Вследствие этого Ассамблея нотаблей, состоящая из почти ста пятидесяти человек, названных поименно королем, собралась 22 февраля 1788 г.

Министр (Калонн) объявил им, что годовое превышение расходов над доходами при вступлении на трон Людовика XVI составило тридцать семь миллионов ливров, что четыреста сорок миллионов были взяты взаймы на восстановление флота, что война в Америке обошлась в один миллиард четыреста сорок миллионов (двести пятьдесят шесть миллионов долларов) и что проценты с этих сумм вместе с другими возросшими расходами увеличили годовой дефицит еще на сорок миллионов (на пятьдесят шесть миллионов, согласно более позднему и более точному подсчету). Он предложил им универсальные средства возмещения расходов, подробно перечислил их, указал на действенные меры и, нарисовав картину огромных масштабов, изобразил дефицит в виде маленькой детали, едва привлекавшей внимание.

Приглашенные были самыми способными и независимыми людьми королевства, и ему было бы достаточно их поддержки, если бы ее удалось добиться. С их помощью шансы на возмещение убытков возрастали. Они согласились, что нужды государства должны быть удовлетворены, но взялись за расследование причин перерасхода. Полагали, что Калонн понимал, что его отчеты не выдержат проверки. Говорили и считали, что он просил короля отправить четырех членов Ассамблеи, одним из которых был маркиз де Лафайет, в Бастилию, убрать еще двадцать членов Ассамблеи и двух министров. Король решил, что проще убрать его самого.

Его преемник продолжил работу в полном согласии с Ассамблеей. В результате были увеличены государственные доходы, дано обещание экономно расходовать средства и ежегодно давать Совету отчет о расходах государственных средств. Контролер финансов, обязанный до этого отчитываться только лично королю, прежде никогда, конечно, этого не делал. Было признано, что король не может вводить новые налоги, реформировано уголовное законодательство, отменены пытки, запрещена барщина, изменен налог на соль, упразднены внутренние таможни, введена свободная внутренняя и внешняя торговля зерном, учреждены ассамблеи провинций – все это вместе намного улучшило положение страны. Учреждение провинциальных ассамблей уже само по себе явилось значительным достижением. Они должны были избираться народом и ежегодно обновляться на одну треть в тех провинциях, где не созывались штаты, что приблизительно составляло три четвертых территории королевства. Провинциальные ассамблеи частично сами были исполнительными органами, а частично – исполнительным советом при интенданте, которому до того в

провинции принадлежала вся исполнительная власть.

Избранные народом ассамблеи смягчали бы исполнение суровых законов и, имея право представления королю, осуждали бы несправедливые законы, предлагали бы справедливые, разоблачали злоупотребления; а их представления, взятые в совокупности, внушали бы уважение. К другим достижениям можно отнести сам прецедент созыва Ассамблеи нотаблей, который, возможно, станет привычным. Надеялись, что эти обещанные изменения к лучшему будут осуществлены, что они будут соблюдаться на всем протяжении нынешнего царствования, а оно окажется достаточно продолжительным для того, чтобы эти перемены укоренились и стали рассматриваться как часть основных законов государства и были бы защищены временем и поддержкой народа.

Граф де Верженн умер за несколько дней до Ассамблеи и вместо него министром иностранных дел был назначен граф де Монморен. Вилледей сменил Калонна на посту генерального контролера финансов, а Ломени де Бриенн, архиепископ Тулузский, а затем Санский и в конечном счете кардинал Ломени, был назначен главным министром, с которым остальные министры должны были вести дела по своим департаментам, до этого решавшиеся лично с королем. В Совет вошли герцог де Нивернуа и г-н де Мальзерб. После назначения главного министра ушли в отставку из военного и морского департаментов маршалы де Сегюр и де Кастри, не пожелавшие быть в подчинении или разделять ответственность за действия, предпринятые не ими самими. Их заменили граф де Бриенн, брат премьер-министра, и маркиз де Ла Люзерн, брат прежнего посланника в Соединенных Штатах.

* * *

В связи с тем что мне неудачно вправили вывихнутое запястье, мой хирург посоветовал попробовать в качестве укрепляющего средства минеральные воды из источника Экса в Провансе. По этой причине 28 февраля я выехал из Парижа в Экс. Мой путь лежал вверх по Сене через Шампань и Бургундию и затем вниз по Роне через Божоле мимо Лиона, Авиньона, Нима до Экса. Убедившись, что вода не приносит мне никакой пользы, я решил осмотреть рисовые поля Пьемонта, с тем чтобы выяснить, нельзя ли там чему-нибудь поучиться в интересах усиления способности к конкуренции нашего каролинского риса, а оттуда совершить поездку по портовым городам южного и западного

побережья Франции, чтобы выяснить, что можно сделать для развития торговли с ними. Поэтому из Экса я поехал через Марсель, Тулон, Йер, Ниццу, через тоннель Тенда, Куне, Турин, Верчелли, Новару, Милан, Павию, Нови, Геную. Возвращаясь назад, я ехал вдоль побережья через Савону, Ноли, Альбенгу, Онелью, Монако, Ниццу, Антиб, Фрежюс, Экс, Марсель, Авиньон, Ним, Монпелье, Фронтиньян, Сет, Анд и вдоль Лангедокского канала через Безье, Нарбонн, Каркассон, Кастельнодари, через тоннель Сен-Фериоль и снова через Кастельнодари до Тулузы. Оттуда до Монтабана и вниз по Гаронне через Ланган до Бордо. Оттуда в Рошфор, Ла-Рошель, Нант, Лориан, затем обратно через Ренн до Нанта и вверх по Луаре через Анже, Тур, Амбуаз, Блуа до Орлеана и далее – напрямую в Париж, куда я и прибыл 10 июня. Вскоре после возвращения из этой поездки, а именно – во второй половине июля, ко мне приехала из Виргинии через Лондон моя младшая дочь Мария. Самая младшая моя дочь умерла незадолго до этого.

О вероломном предательстве принца Оранского, штатгальтера и капитан-генерала Объединенных Нидерландов в войне, которую вела с ними Англия из-за заключения торгового договора с Соединенными Штатами, известно всем. Являясь главой исполнительной власти, которому было вверено ведение войны, он ухитрялся мешать любым мерам, предпринимавшимся Генеральными Штатами, расстраивать все их военные планы и при малейшей возможности играл на руку англичанам против интересов своей страны, уверенный в их покровительстве и покровительстве прусского короля, брата его жены. Возмущенные таким предательским поведением Генеральные Штаты обратились за помощью к Франции в соответствии с положениями договора, заключенного между ними в 1785 г. Заверения в оказании помощи Генеральным Штатам, составленные в сердечных выражениях, были без задержки переданы в письме графа де Верженна маркизу де Вераку, послу Франции в Гааге, отрывок из которого приводится ниже.

«Отрывок из депеши графа де Верженна маркизу де Вераку, послу Франции в Гааге от 1 марта 1786 г.

Король предоставит помощь, насколько это будет в его возможностях, чтобы обеспечить успех дела, и со своей стороны предлагает патриотам сообщать ему о своих взглядах, планах и своих недовольствах. Вы можете заверить их, что король проявляет искренний интерес к ним самим и к их делу и что они могут положиться на его покровительство. Они могут тем более полагаться на него, поскольку мы не скрываем, что, если штатгальтер восстановит свое прежнее влияние, возобладает

система английских связей и наш союз станет простой фикцией.

Патриоты легко поймут, что такое положение было бы несовместимо ни с достоинством, ни с соображениями Его Величества. В случае, если лидеру патриотов придется опасаться раскола в их рядах, у них будет достаточно времени, чтобы переубедить тех, кого англоманы ввели в заблуждение, и устроить все так, чтобы этот вопрос, когда он снова возникнет, мог бы быть решен как они того пожелают. В такой гипотетической ситуации король разрешает вам действовать вместе с патриотами в том направлении, которое они сочтут для вас подходящим, используя все средства для увеличения числа сторонников справедливого дела.

Мне остается сказать о личной безопасности патриотов. Вы можете заверить их, что при любых обстоятельствах король возьмет их под свое прямое покровительство, и вы можете объявить, где только сочтете нужным, что Его Величество будет рассматривать как личное оскорбление любое посягательство на их свободу. Хотелось бы надеяться, что эта позиция, изложенная в столь энергичных выражениях, сможет оказать воздействие на дерзость англоманов и что принц де Нассау поймет, что он рискует многим, вызывая недовольство Его Величества».

Это письмо патриоты прислали мне, когда я находился в Амстердаме в 1788 г., а его копию я переслал г-ну Джею в своем письме от 16 марта 1788 г.

* * *

Целью патриотов являлось создание представительного республиканского правительства. Большинство депутатов Генеральных Штатов было на их стороне, но большинство населения городов было на стороне принца Оранского. И это настроение населения успешно использовалось триумвиратом, в который входили… английский посол Харрис, впоследствии лорд Малмсбери, принц Оранский, человек, не отличавшийся умом, и принцесса, не уступавшая своим партнерам-мужчинам в наглой дерзости, предприимчивости и жажде властвовать. В Гааге они натравливали толпу против депутатов Генеральных Штатов – их оскорбляли, на них нападали на улицах, вламывались в их дома. А принц, обязанностью и долгом которого было пресекать такие нарушения порядка и наказывать за них, не предпринимал ничего.

Вследствие этого Генеральные Штаты были вынуждены ради собственной безопасности передать милицию под командование

своему комитету. Принц наводнил Лондонский и Берлинский дворы жалобами на узурпацию его прерогативы. Забыв, что он всего лишь первый слуга республики, он повел свои регулярные войска на Утрехт, где заседали Штаты. Милиция отразила их атаку. Теперь интересы принца слились с интересами врагов общества и были направлены против его родины. Поэтому Штаты, используя свое право носителя суверенной верховной власти, лишили его всех полномочий.

Фридрих Великий умер в августе 1786 г. Разрыв с Францией ради поддержки принца Оранского никогда не входил в его планы. Неизлечимо больной, он через герцога Брауншвейгского сообщил находившемуся тогда в Берлине маркизу де Лафайету о том, что он не собирался поддерживать английские интересы в Голландии и мог заверить французское правительство, что единственное его желание заключалось в том, чтобы в Конституции было сохранено почетное место для штатгальтера и его детей, и что он не будет участвовать в споре, если не будет предпринято попытки полностью упразднить штатгальтерство. Но теперь его место занял Фридрих Вильгельм, его племянник, человек не очень большого ума, но очень капризный и совершенно не считающийся с другими людьми. А когда принцесса Оранская, его сестра, несмотря на то, что ее муж воевал против законной власти в стране, сама попыталась попасть в Амстердам с целью подстрекать к волнениям уличные толпы, но не была пропущена военным постом на ее пути, он поставил во главе двадцатитысячного войска герцога Брауншвейгского, заставив его совершать демонстрационные марши на Голландию. Тогда вслед за этим король Франции через своего поверенного в делах в Голландии объявил, что, если прусские войска не прекратят угрожать Голландии вторжением, Его Величество в качестве союзника исполнен решимости прийти на помощь провинции. В ответ на это Иден официально заявил графу Монморену, что Англия вынуждена считать утратившей силу заключенную с Францией конвенцию об уведомлении о морских вооружениях и что она в целом вооружается. Поскольку война теперь становилась неизбежной, Иден, ставший лордом Оклендом, спросил меня о содержании нашего договора с Францией в случае войны и о нашем возможном отношении к такому событию.

Не колеблясь я откровенно сказал ему, что мы будем соблюдать нейтралитет и что, по моему мнению, это было бы в интересах обоих враждующих государств, поскольку тогда им не пришлось бы беспокоиться за снабжение продовольствием принадлежащих той и другой стороне островов Вест-Индии.

Кроме того, в этом случае Англия избежала бы тяжелой сухопутной войны на нашем континенте, которая могла подорвать ее способности успешно действовать на других театрах. Действительно, в соответствии с нашим договором мы обязаны принимать в наших портах французские боевые корабли с их призами и не допускать в свои порты призы, захваченные у нее противником. Кроме того, имеется статья, в соответствии с которой мы гарантировали Франции неприкосновенность ее владений в Америке и из-за которой мы можем быть втянутыми в войну, если они подвергнутся нападению. «Тогда война неизбежна, – сказал он, – потому что они наверняка подвергнутся нападению». В Мадриде Листон приблизительно в это же время задавал те же самые вопросы Кармайклу.

Затем французское правительство объявило о решении создать наблюдательный лагерь в Живе, начало вооружать свой флот и назначило Байи де Сюффрена своим главнокомандующим на морях. Кроме того, Франция вступила в тайные переговоры с Россией, Австрией и Испанией о создании четырехстороннего союза. Подойдя к границам Голландии, герцог Брауншвейгский послал несколько своих офицеров в Живе разведать обстановку и доложить ему о ней. Позднее он сказал, что, «если бы там было даже лишь несколько палаток, он не пошел бы дальше, потому что король просто не собирался ради своей сестры начинать войну с Францией». Но, не обнаружив там ни одной роты, он смело вторгся в страну, стал быстро захватывать город за городом и двинулся на Утрехт. Штаты назначили своим главнокомандующим рейнграфа Залма, принца, лишенного талантов, мужества и принципов. Он мог бы долго удерживать Утрехт, но сдал его без единого выстрела, а сам буквально бежал и спрятался так хорошо, что в течение нескольких месяцев о нем вообще ничего не было известно. Затем был атакован и взят Амстердам. Тем временем переговоры о четырехстороннем союзе успешно продолжались.

Но, несмотря на секретность, с которой их пытались вести, о них узнал Фрейзер, поверенный в делах Англии в Санкт-Петербурге, который тотчас же уведомил об этом свой двор и предупредил Пруссию. Король сразу понял, в каком бы он очутился положении, попадись он в когти Франции, Австрии и России. В большом смятении он умолял Лондонский двор не оставлять его. Для оправдания и умиротворения он послал в Париж Альвенслебена. Желая уладить дело, Англия возобновила переговоры через герцога Дорсета и Идена. Архиепископ, который содрогался при мысли о войне и предпочитал отказаться от требований миром, нежели настаивать на них силой оружия,

принял их с распростертыми объятиями, вступил в переговоры в самом сердечном духе; в результате в Версале были подготовлены, а затем отосланы для утверждения в Лондон декларация и контрдекларация. После утверждения в Лондоне в час ночи 27 числа они были доставлены в Париж и той же ночью подписаны в Версале. В Париже рассказывали, что г-н де Монморен pleuroit сотте ип enfant, когда он был вынужден подписать контрдекларацию – столь велика была его печаль в связи с позорным предательством патриотов после столь торжественных заверений в покровительстве и полной поддержке. Власть принца Оранского была восстановлена и теперь стала королевской. Очень многие патриоты эмигрировали. Все они были смещены со своих должностей, многие изгнаны, а их имущество конфисковано. Их приняла Франция и некоторое время поддерживала своей щедростью. Так пала Голландия, обреченная из-за предательства ее главы превратиться из уважаемой и независимой страны в английскую провинцию; точно так же пал и штатгальтер, занимавший высокое положение первого гражданина свободной республики, теперь он стал раболепным наместником иностранного монарха. И произошло это в результате простого запугивания и демонстраций. Ни одна из сторон – ни Франция, ни Англия, ни Пруссия – в действительности не собирались воевать за интересы принца Оранского. Но в результате эффект их действий оказался равным последствиям реальной и решительной войны.

* * *

Наша первая попытка установить федеративное правительство в Америке, как оказалось, на деле не достигла цели. Во время войны за независимость, когда присутствие внешних врагов сплачивало нас, а предпринимавшиеся ими действия постоянно заставляли нас быть начеку, дух народа под влиянием опасности как бы и сам дополнял наши «Статьи Конфедерации», вдохновляя людей на самостоятельные дела независимо от того, предписывалось это ими или нет. Но после восстановления мира и безопасности, когда каждый занялся нужной и полезной деятельностью в своей сфере жизни, на призывы Конгресса стали обращать меньше внимания. Основной недостаток «Статей Конфедерации» заключался в том, что Конгресс не имел права взаимодействовать с народом непосредственно или через назначенных им официальных лиц. В его власти было только просить о содействии, и эти запросы

направлялись в различные легислатуры. Выполнение этих запросов основывалось лишь на моральных принципах долга. Фактически это давало возможность любой легислатуре отклонять любые предложения Конгресса. На практике это делалось настолько часто, что федеральное правительство оказывалось парализованным в своих действиях и неспособным решать основные задачи, особенно в финансовых и международных вопросах. Отсутствие разделения законодательной, исполнительной и судебной функций также вело к негативным последствиям на практике. Тем не менее такое положение дел позволяло предсказать счастливое будущее нашей конфедерации, ибо народ благодаря своему здравому смыслу и доброй воле как только осознал несовершенство своего первого союзного соглашения, вместо того чтобы предоставить его исправление на долю восстания и гражданской войны, единодушно согласился избрать делегатов на генеральный конвент. Собравшись мирным образом, они должны были выработать соглашение о такой конституции, которая «обеспечит мир, справедливость, свободу, всеобщую безопасность и всеобщее благосостояние».

Конвент собрался в Филадельфии 25 мая 1787 г. Заседания его проходили при закрытых дверях и все держалось в тайне вплоть до завершения работы 17 сентября, когда были опубликованы результаты его работы. В начале ноября я получил экземпляр конституции. Я прочитал и изучил ее положения с большим удовлетворением. Точно так же как ни один член конвента и, вероятно, ни один гражданин Союза не одобрил ее целиком, так и я обнаружил статьи, вызвавшие у меня возражения. Отсутствие ясно выраженных, четких положений, гарантирующих свободу вероисповедания, свободу печати, свободу личности, находящейся под постоянной защитой Habeas corpus, и суда присяжных как по гражданским, так и по уголовным делам – все это вызвало у меня беспокойство. Я совершенно не одобрял возможности пожизненного переизбрания президента. В письмах к моим друзьям, в особенности к г-ну Мэдисону и генералу Вашингтону, я откровенно изложил то, с чем я согласен и против чего возражаю. Как обезопасить добро и исправить зло – вот в чем состояла трудность. Передача этого документа на рассмотрение нового конвента могла бы поставить его под угрозу в целом. Сначала я подумал, что первые девять штатов должны одобрить конституцию безоговорочно, и таким образом обеспечить сохранение того, что было в ней хорошего, а остальные четыре – принять ее при предварительном условии внесения определенных поправок. Однако был найден лучший

путь – принять ее в целом, полагаясь на то, что здравый смысл и честные намерения наших граждан внесут в нее те изменения которые окажутся необходимыми.

Так и получилось: все штаты одобрили ее, шесть – безоговорочно, а семь – с рекомендациями о внесении некоторых поправок. Были приняты поправки, касающиеся печати, религии, суда присяжных и ряда других вопросов большой важности. Но вопрос о Habeas corpus был оставлен на усмотрение Конгресса, а поправка, направленная против переизбрания президента, не вносилась. Мои опасения на этот счет основывались на понимании важности этой должности, тех ожесточенных разногласий, которые могли бы возникнуть среди нас, если бы она стала пожизненной, и на опасности вмешательства с помощью денег или оружия со стороны иностранных государств, для которых выбор американского президента мог бы представлять интерес. В истории есть масса таких примеров: например, римские императоры, римские папы, если они были более или менее значительными фигурами, германские императоры, польские короли и берберские беи. В феодальной истории и в недавних примерах, в частности в случае со штатгальтером Голландии, я также видел, как легко пожизненные должности превращались в наследственные. Поэтому я хотел, чтобы президент избирался на семь лет и не мог быть переизбран снова. Я считал, что этого срока достаточно для того, чтобы он смог, с согласия легислатуры, осуществить и укрепить любую систему усовершенствований, которую он мог бы предложить для всеобщего блага. Но лучшей я считаю принятую ныне практику, допускающую восьмилетний срок пребывания президента на посту и предусматривающую возможность сокращения этого срока наполовину, устанавливая тем самым своего рода испытательный период.

Решение о том, что срок президентства следует ограничить семью годами, было принято конвентом на начальной стадии его заседаний, когда за этот срок проголосовало большинство в соотношении восемь к двум, а простое большинство проголосовало за то, чтобы президент не мог быть переизбран на второй срок. Это решение было подтверждено конвентом только 26 июля, передано в комитет по деталям, оценено им положительно и обрело современный вид в результате заключительного голосования только в предпоследний день заседания конвента. Три штата выразили неодобрение этому изменению: Нью-Йорк – предложив поправку, в соответствии с которой президент не должен избираться на третий срок, а Виргиния и Северная Каролина – поправку о том, что никто не

может быть президентом более восьми лет на протяжении любых шестнадцати лет. И хотя эта поправка не была принята формально, похоже, что сама практика ее утвердила. Благодаря примеру четырех президентов, добровольно ушедших в отставку в конце восьмого года президентства, и тому, что развивающееся общественное мнение сочло такой принцип устраивающим всех, возник прецедент, который вошел и в практику. Так что, если кто-либо из президентов и выразил бы согласие стать кандидатом на третий срок, я уверен, что он был бы отвергнут за такую демонстрацию честолюбия.

* * *

Была еще одна поправка, о которой в то время никто из нас не подумал и в этом упущении таится зародыш, который способен уничтожить удачное сочетание общегосударственной власти в лице федерального правительства при решении общенациональных вопросов и независимой власти штатов при решении вопросов, касающихся только их дел в отдельности. Большим завоеванием английской революции явилось то, что патенты судей, выдававшиеся раньше на срок, угодный королю, впредь стали выдаваться на срок, пока их поведение было безупречным. Судьи, зависящие от воли короля, оказывались наиболее деспотическим орудием в руках этого главы исполнительной власти. Ничто поэтому не могло быть более подходящим, чем изменение старой системы назначением судей на срок, пока их поведение является безупречным, при этом решение вопроса о поведении судьи определяется простым большинством голосов в обеих палатах парламента.

До революции все мы были добропорядочными английскими вигами, искренними в своих свободных принципах и в своих опасениях по отношению к главе исполнительной власти. Эти опасения четко прослеживаются во всех конституциях наших штатов, а что касается общенационального правительства, то здесь мы превзошли даже осторожность англичан, потребовав для снятия судьи большинства в две трети при голосовании в одной из палат. Такого большинства невозможно добиться, поскольку защита апеллирует к людям с обычными предрассудками и страстями, – в результате наши судьи действительно независимы от народа. Но так не должно быть. Я бы, разумеется, не делал их независимыми от исполнительной власти, как это было раньше в Англии. Но я считаю, что для существования нашей формы правления совершенно необходимо, чтобы судьи находились под

реальным и беспристрастным контролем. Для того чтобы этот контроль был беспристрастным, он должен осуществляться совместно властями штата и федеральными властями.

Недостаточно назначать судьями честных людей. Мы знаем, как заинтересованность влияет на ум человека и как под этим влиянием деформируются его суждения. Прибавьте к этому esprit de corps со свойственным ему принципом и кредо: «право хорошего судьи всегда самому расширять свою юрисдикцию», и отсутствие ответственности. Но как можно ожидать, что при споре между федеральной властью, существенной частью которой судьи сами являются, и отдельным штатом, от которого им нечего ждать и которого им нечего бояться, они примут беспристрастное решение?

Мы также видели, что в противовес всем положительным примерам они имеют обыкновение выходить за рамки решаемого ими вопроса, чтобы иметь зацепку для последующего расширения своей власти. Их можно назвать корпусом саперов и минеров, упорно стремящихся подорвать права независимых штатов и сосредоточить всю власть в руках общенационального правительства, в котором они занимают такое важное, независимое положение. Но правительство становится хорошим не в результате консолидации или концентрации власти, а в результате ее распределения. Если бы наша большая страна не была уже разделена на штаты, ее следовало бы разделить, с тем чтобы каждый штат мог делать сам для себя все, что касается его непосредственно и что он может сделать сам гораздо лучше, чем власть, находящаяся вдалеке. Каждый штат разделен далее на графства, с тем чтобы каждое из них заботилось о том, что находится в пределах его границ. Каждое графство в свою очередь делится на округ или «сотню» для управления повседневными делами, а каждая «сотня» – на фермы, управляемые своими индивидуальными владельцами.

Если бы указания о том, когда сеять и когда жать, поступали к нам из Вашингтона, то мы вскоре остались бы без хлеба. Именно благодаря последовательному разделению ответственности, нисходящей от общей к частной, можно наилучшим образом обеспечить руководство выполнением массы людских дел для всеобщего блага и процветания. Повторяю, что я не обвиняю судей в своеволии и злоумышленных ошибках, но и ошибку с честными намерениями следует предотвращать там, где терпимость к ним наносит вред обществу. Так же как ради безопасности общества мы отправляем в сумасшедшие дома честных маньяков, так и судьи, чьи порочные пристрастия ведут нас к краху, должны быть лишены своих кресел. Конечно, это

может нанести ущерб их известности или доходам, но зато спасет республику, а это высший и непреложный закон.

* * *

Среди слабостей правительства конфедерации не было более выделяющейся и более пагубной, чем полная невозможность получения от штатов средств, необходимых для уплаты долгов и даже для покрытия обычных расходов правительства. Некоторые штаты вносили небольшие суммы, некоторые – еще меньшие, а некоторые вообще ничего, предоставляя первым возможность ссылаться на них, чтобы также ничего не вносить. Находясь в Гааге в качестве посланника, г-н Адамс имел право занимать суммы для покрытия повседневных и необходимых расходов. Проценты на государственный долг и содержание дипломатического представительства в Европе обычно обеспечивалось таким образом. Теперь, когда его избрали вице-президентом Соединенных Штатов и он вскоре собирался вернуться в Америку, он направил ко мне ведущих наши дела банкиров, с тем чтобы в будущем они консультировались со мной. Но в этом вопросе я не располагал ни полномочиями, ни инструкциями, ни средствами, ни опытом. Этот вопрос всегда находился исключительно в ведении г-на Адамса, за исключением депозитов для специальных и частных целей, которые были в руках парижского банкира г-на Гранда. Но они через какое-то время иссякли, и я лихорадочно требовал у комитета по финансам, чтобы он восполнил именно этот вклад, поскольку г-н Гранд теперь отказывался предоставлять дальнейшие ссуды. Комитет откровенно ответил, что не может получить никаких средств до тех пор, пока новое правительство не приступит к исполнению своих обязанностей, и что ему потребуется некоторое время для приведения дел в порядок.

Г-н Адамс был назначен посланником при Лондонском дворе в то время, когда он в Париже вместе со мной и г-ном Франклином вел порученные нам переговоры. Оттуда он направился в Лондон, не заезжая в Гаагу для официального прощания с голландским правительством. Однако он посчитал нужным сделать это теперь, перед своим отбытием из Европы, и в соответствии с этим поехал в Гаагу. О его отъезде из Лондона я узнал из письма г-жи Адамс, которое я получил в тот самый день, когда он должен был прибыть в Гаагу. Прежде чем принять его полномочия, нам было крайне необходимо получить у него консультацию и обеспечение на будущее, поскольку после его

отъезда мы остались бы без средств. Одна компания, предоставившая ранее Соединенным Штатам небольшой заем, ежедневно настойчиво требовала у меня его выплаты, поскольку подошло время покрытия основной части долга, а наши банкиры в Амстердаме в то же время уведомили меня о том, что проценты на наш общий долг должны быть выплачены в июне и что неуплата будет рассматриваться как акт банкротства, который существенно подорвет кредит Соединенных Штатов и сделает здесь невозможным получение денег в будущем, что выплаты по займу, который им было разрешено предоставить нам – и только треть суммы которого была пока выплачена – теперь прекращаются. Таким образом, надежды на этот источник ресурсов исчезли.

Я понял, что нельзя было терять ни минуты, и на следующее утро, получив сообщение о поездке г-на Адамса, отправился в Гаагу. Я поехал напрямую через Лувр, Санлис, Руа, Понт-Сент-Максанс, Буа-ле-Дюк, Турне, Перон, Камбре, Бушей, Валансьенн, Моне, Брюссель, Малин, Антверпен, Мордик и Роттердам в Гаагу, где я, к счастью, застал г-на Адамса. Он тотчас же согласился со мной, что нужно что-то предпринять и что мы должны рискнуть собой, сделать без инструкций все, что нужно для спасения кредита Соединенных Штатов. Мы предвидели, что пока будет выбрано новое правительство, пока оно соберется и установит свою финансовую систему, пока деньги поступят в казну и будут переведены в Европу, пройдет много времени. Поэтому нам сразу же надо было обеспечить фонды на 1788, 1789 и 1790 гг., с тем чтобы облегчить положение нашего правительства и обезопасить наш кредит в течение этого трудного периода. Поэтому мы поехали через Лейден в Амстердам, куда мы прибыли 10 числа.

* * *

Уладив наши финансовые дела, я решил возвращаться, поскольку у меня не было никаких срочных дел, назад вдоль берегов Рейна до Страсбурга и уже оттуда двинуться в Париж. 30 марта я выехал из Амстердама и поехал через Утрехт, Неймеген, Клеве, Дуйсбург, Дюссельдорф, Кельн, Бонн, Кобленц, Нассау, Хоххайм, Франкфурт, совершил экскурсию в Ханау, затем в Майнц, заехал в Рудесхайм и Йохансберг. Далее через Оппенхайм, Вормс и Мангейм, совершив экскурсию по Гейдельбергу, через Шпайер, Карлсруэ, Раштатт и Кель, я 16-го числа прибыл в Страсбург. 18-го числа я возобновил поездку и через Фальсбург, Фенетранж, Дьез, Муайенви, Нанси, Туль, Лини, Бар-ле-Дюк, Сен-

Дизье, Витри, Шалон-на-Марне, Эперне, Шато-Тьерри, Мо прибыл 23 апреля в Париж. И я с удовлетворением вспоминаю, что эта поездка обеспечила нам кредиты, сняв заботу с нового правительства на два года вперед и освободила его, так же как и меня, от мук общения с назойливыми кредиторами, чьи справедливые претензии мы сами были не в силах удовлетворить.

В 1784 г. д-р Франклин и французское правительство договорились о заключении консульской конвенции, которая содержала несколько статей, настолько не совместимых с законами отдельных наших штатов и общим настроением наших граждан, что Конгресс отказался ее ратифицировать и возвратил мне ее с указанием исключить эти статьи вообще или изменить их так, чтобы они стали совместимыми с нашими законами. Министр неохотно согласился освободить нас от этих уступок, которые, действительно, разрешали применять меры, весьма оскорбительные для свободного государства. После долгих дискуссий конвенция в значительной степени была пересмотрена и 14 ноября (17) 88 г. граф Монморен и я подписали ее. Правда, не такую, как мне хотелось бы, но такую, какой можно было добиться при взаимном хорошем расположении и дружелюбии.

Когда я вернулся из Голландии, Париж бурлил, как и при моем отъезде. Полагают, что если бы архиепископ сразу после окончания Ассамблеи нотаблей приступил к осуществлению разработанных мер, все они были бы зарегистрированы парламентом. Но он действовал медленно, представлял свои эдикты по одному, через значительные промежутки времени, в результате чего настроение, вызванное Ассамблеей нотаблей, успело остыть, возникли новые претензии, усилились требования принятия постоянной конституции, не подверженной изменениям по воле короля.

Да и стоит ли удивляться усилению этих требований, если принять во внимание чудовищные злоупотребления властью, стиравшие здесь людей в порошок; если вспомнить бремя тех налогов и их несправедливое распределение; гнет десятины, тальи, барщины, налога на соль, бремя откупов и таможенных застав; если вспомнить про сковывание торговли монополиями, а промышленности – гильдиями и корпорациями; про подавление свободы совести, мысли и слова; про подавление свободы печати с помощью цензуры, а свободы личности – с помощью Lettres de Cachet; если вспомнить про жестокость уголовного кодекса в целом, зверские пытки; про продажность судей и их благоволение к богатым; про монополию дворянства на офицерские должности; чудовищные расходы королевы, принцев и двора; про расточительные пенсии; про богатство, роскошь, праздность и

аморальность духовенства. Несомненно, что при таком множестве злоупотреблений и притеснений народ мог справедливо требовать коренных реформ, мог сбросить с себя пришпоривающих его наездников, заставить их шагать на своих двоих.

Эдикты о барщине и свободной торговле хлебом были первыми представлены парламенту и зарегистрированы им. Но эдикты о земельном налоге и гербовом сборе, внесенные некоторое время спустя, парламент регистрировать отказался, а предложил созвать Генеральные штаты, как единственный орган, имеющий право санкционировать их. За этим отказом последовало Bed of justice, и члены парламента были высланы в Труа. Но так как адвокаты отказались следовать за ними, отправление процедуры правосудия было задержано. Члены парламента некоторое время стояли на своем, но в конце концов скука изгнания и пребывание вдали от Парижа стали сказываться и появилась склонность к компромиссу. Поэтому, когда они согласились продлить срок действия некоторых старых налогов, им разрешили вернуться из ссылки.

* * *

Король встретился с ними на заседании 19 ноября 1787 г., пообещал созвать Генеральные штаты в 1792 г., и большинство их выразило свое согласие зарегистрировать эдикт о ежегодных займах с 1788 по 1792 г. Но когда герцог Орлеанский заявил протест, тем самым побудив и других отказываться от прежнего мнения, король повелительным тоном приказал зарегистрировать этот эдикт и тут же покинул ассамблею. Члены парламента тотчас выразили протест, заявив, что голосование о регистрации эдикта не имело законного характера и что они не утверждали предложенных займов. Этого оказалось достаточно, чтобы дискредитировать их и отклонить. Вслед за этим был объявлен другой эдикт о созыве Сот p1éniere и приостановке работы всех парламентов королевства. Поскольку, как и ожидалось, это встретило противодействие всех парламентов и провинций, король уступил и эдиктом от 5 июля 1788 г. отказался от созыва Соиг p1éniére, пообещав созвать Генеральные штаты 1 мая следующего года.

Архиепископ, поняв, что время ему неподвластно, согласился принять обещанную ему шляпу кардинала. В сентябре 1788 г. его убрали из правительства и г-н Неккер был назначен управлять финансами. Невинные проявления радости парижан по поводу

этой замены вызвали вмешательство офицера городской гвардии, который, увидев, что его приказу разойтись никто не подчиняется, направил на толпу своих солдат с примкнутыми штыками; два или три человека были убиты и многие ранены. На время народ рассеялся, но на следующий день собрался в огромные толпы. Они сожгли десять или двенадцать караульных помещений, убили двух или трех солдат и сами потеряли еще шесть-восемь человек. Вслед за этим город был объявлен на военном положении и вскоре волнения улеглись.

Смена министров и обещание скорейшего созыва Генеральных штатов успокоили нацию. Но возникли два важных вопроса. 1. Каким должно быть соотношение численности депутатов от третьего сословия с числом депутатов от дворянства и духовенства? 2. Должны ли они заседать в одном и том же или в разных помещениях? Г-н Неккер, желая избежать ответа на эти каверзные вопросы, предложил повторно созвать нотаблей и запросить их мнение по этому вопросу. Они собрались 9 ноября 1788 г. и большинством в пять бюро против одного рекомендовали придерживаться форм, существовавших в Генеральных штатах 1614 г., когда палаты были разделены и голосование производилось посословно, а не индивидуально. Но поскольку вся нация тотчас же высказалась против этого, считая, что число депутатов от третьего сословия должно быть равным числу депутатов от двух других сословий, и парламент проголосовал за такое соотношение, то декларация от 27 декабря 1788 г. постановила, что так тому и быть.

Доклад г-на Неккера королю приблизительно от того же числа также содержал ряд других очень важных уступок. 1. Король не мог ни вводить новые налоги, ни продлевать срок действия старых. 2. Выражалась готовность периодически созывать Генеральные штаты. 3. Выражалась готовность обсудить необходимые ограничения действия Lettres de Cachet и 4. Вопроса о том, насколько можно допустить свободу печати. 5. Признавалось, что государственными средствами распоряжаются Генеральные штаты и что 6. Министры должны нести ответственность за расходование государственных средств.

И король с искренней готовностью пошел на эти уступки. У него самого не было других желаний, кроме как способствовать благосостоянию нации, и ради этого он готов на любые личные жертвы. Но он был слаб духом, робок характером, у него не было способности к собственным суждениям и не хватало твердости даже для того, чтобы сдержать данное им слово. Надменная королева, не терпевшая никаких возражений, имела полную власть над ним, а вокруг нее сплотились брат короля д’Артуа, сам

двор, аристократическая часть его министров, в частности Бретейль, Брольи, Вогюйон, Фулон, Люзерн – люди, чьи принципы правления были из эпохи Людовика XIV.

Против этой рати все благие советы Неккера, Монморена, Сен-При, хотя и совпадающие с желаниями самого короля, были напрасны. Принятые по их совету утром решения, вечером, под влиянием королевы и двора, менялись на противоположные.

* * *

Но десница господня поистине тяжело легла на махинации этой клики, создавая дополнительные, прямо к ним не относящиеся осложнения, преодолевая их убийственное для свободы сопротивление накапливающимся трудностям, давая мощный толчок стремлению народа преобразовать существующее правление. Потому что правительству, остро нуждавшемуся в деньгах даже для покрытия обычных расходов и которому ежедневно требовался миллион ливров, доведенному до последней черты всеобщими призывами к свободе, небеса послали такую суровую зиму, примеров которой не было ни на памяти человеческой, ни в анналах истории. Временами температура падала до 50˚ ниже точки замерзания по Фаренгейту и до 22˚ ниже этой точки по Реомюру.

Прекратилась всякая работа на открытом воздухе, и лишившаяся своих трудовых заработков беднота, конечно, осталась без хлеба и топлива. Положение правительства усугублялось необходимостью доставать огромное количество дров и жечь на уличных перекрестках большие костры, вокруг которых, чтобы не погибнуть от холода, собирались толпы людей. Хлеб тоже приходилось покупать и раздавать бесплатно ежедневно, до тех пор пока ослабление морозов не даст людям возможности работать. Из-за скудости запасов хлеба на какое-то время возникла угроза голода, а цены на хлеб поднялись неимоверно. И в самом деле, столь велика была нехватка хлеба, что булочникам разрешалось отпускать только маленькую порцию хлеба на человека (всем, даже тем, кто мог за него заплатить – от горожан, занимающих высшее положение, до низших), а в пригласительных билетах на обеды в богатейших домах гостей извещали о необходимости приносить хлеб с собой.

Чтобы помочь людям выжить, всех состоятельных граждан призвали делать еженедельные пожертвования. Эти пожертвования собирали приходские священники и тратили их на организацию питания для бедноты, состязаясь между собой в

изобретении таких экономных рецептов еды, чтобы с наименьшими затратами накормить наибольшее число людей.

Такая нужда в хлебе была предвидима заранее, и г-н де Монморен просил меня сообщить о ней в Америку, а также о том, что за доставленный из Соединенных Штатов хлеб помимо его рыночной стоимости будут производиться дополнительные выплаты. Соответствующее уведомление было сделано, и это принесло значительные поставки хлеба. Последующие запросы привели к тому, что в течение марта, апреля и мая из Америки через порты на Атлантическом побережье Франции была ввезена двадцать одна тысяча баррелей муки, не считая того, что поступило через другие порты и в другие месяцы. А наши поставки на острова французской Вест-Индии облегчили положение и там. Эта беда с хлебом продолжалась до июля.

До сих пор борьба за политические преобразования не приводила к актам насилия со стороны народа. Небольшие беспорядки по обычным поводам, как и ранее, имели место в различных частях королевства, в которых погибло, пожалуй, от дюжины до двадцати человек. Но в апреле в Париже произошли более серьезные беспорядки, в действительности не связанные с революционными идеями, но ставшие частью истории этих дней. Фобур Сент-Антуан – городское предместье, сплошь заселенное поденщиками и ремесленниками всех специальностей. Среди них распространился слух о том, что крупный бумажный фабрикант по имени Ревельон предполагает снизить им по какому-то поводу заработную плату до 15 су в день. Тотчас приведенные в ярость этим слухом, и не проверяя его достоверности, огромные толпы людей кинулись к дому фабриканта и уничтожили в нем все, и также все – на его складах и в мастерских, не похитив, однако, ни гроша. Они продолжали крушить все вокруг, когда были вызваны регулярные войска. После того как увещевания не возымели действия, войска были вынуждены открыть огонь и перейти к регулярным действиям. В результате около сотни человек было убито, прежде чем остальных удалось рассеять. Редкий год проходил без подобных беспорядков в той или иной части королевства. И эти отличались лишь тем, что они происходили одновременно с революцией, хоть и не были ею вызваны.

* * *

Генеральные штаты открылись 5 мая 1789 г. речами короля, хранителя печатей Ламуаньона и г-на Неккера. Считали, что последний лишь слегка и осторожно коснулся ожидаемых

конституционных преобразований. В его речи высказывания о них не были столь полными, как в его предыдущем «Докладе королю». Это расценили не в его пользу. Но не следует забывать, в каком положении он оказался, ибо его собственные намерения противоречили намерениям министров и дворцовой партии. Вынужденный поступаться своими собственными взглядами, приукрашивать взгляды своих оппонентов и даже скрывать их тайны, он не смог изложить свое подлинное отношение к делу.

Состав ассамблеи, хотя в целом и соответствовал ожидавшемуся, все же несколько отличался от него. Предполагали, что лучшее образование поставит на один уровень с третьим сословием значительную часть дворянства. Это и произошло с дворянством Парижа, его окрестностей и других крупных городов, где широкое общение с просвещенным обществом либерализовало умы дворян и помогло им подняться до требований времени. Но сельское дворянство, составлявшее две трети собрания, далеко отставало от них. Живя постоянно в своих родовых имениях, усвоив в силу привычки феодальные порядки, оно еще не научилось подозревать их несовместимость со здравым смыслом и справедливостью. Оно было готово подчиняться равенству в налогообложении, но не поступиться своим званием и прерогативами, чтобы заседать совместно с третьим сословием. С другой стороны, в среде духовенства предполагали, что высшие слои иерархии благодаря своему богатству и связям одержат в целом победу на выборах. Но оказалось, что в большинстве случаев предпочтение получил нижний слой духовенства. Его составляли приходские священники, сыновья крестьян, выполнявшие всю тяжелую работу своей службы в приходе за десять, двадцать или тридцать луидоров в год, в то время как высшее духовенство проживало свои княжеские доходы во дворцах, роскоши и праздности.

Поскольку цели, ради которых были созваны Генеральные штаты, имели первостепенное значение, мне было очень интересно понять взгляды различных сторон, представленных в его составе, а в особенности – идеи, преобладающие в отношении планов создания правительственной системы. Поэтому я ежедневно ездил из Парижа в Версаль для того, чтобы присутствовать на дебатах, как правило, до самого их конца. Дебаты дворянства были страстными и бурными. У обеих сторон были способные и равные, одинаково энергичные люди. Дебаты третьего сословия отличались сдержанностью, разумностью и несгибаемой твердостью. Все другие вопросы предваряли два ужасных вопроса: «Должны ли штаты заседать вместе в одном помещении или в разных? Должно ли голосование производиться

посословно или индивидуально?» Вскоре выяснилось, что оппозицию составляли епископы среди духовенства и две трети депутатов дворянства, в то время как в третьем сословии все депутаты до одного были едины и исполнены решимости.

После того как различные предложения компромисса потерпели неудачу, третье сословие предприняло попытку разрубить гордиев узел. Аббат Сиейес, самый логичный ум нации (автор памфлета «Что такое третье сословие?», наэлектризовавшего Францию так же, как нас – «Здравый смысл» Пейна), после яркой речи, произнесенной 10 июня, предложил послать последнее приглашение депутатам дворянства и духовенства явиться в зал заседаний штатов всем вместе или поодиночке для проверки полномочий, к которой депутаты третьего сословия приступят незамедлительно независимо от их присутствия или отсутствия. После окончания проверки полномочий 15 июня было выдвинуто предложение провозгласить себя Национальным собранием. Решение об этом было принято 17 июня большинством в четыре пятых.

Во время дебатов по этому вопросу к нему присоединилось около двадцати приходских священников, а в курии духовенства было выдвинуто предложение, чтобы она целиком присоединилась к ним. Сначала оно было отклонено совсем незначительным большинством, но после того как в него были внесены небольшие изменения, оно было принято большинством в одиннадцать голосов.

* * *

Пока все это обсуждалось и было еще неизвестно при дворе, 19 июня в Марли состоялось заседание совета, на котором было предложено просить короля вмешаться и высказать свое мнение в заявлении на «королевском заседании». Текст заявления был предложен Неккером. В нем, хотя в основном и порицался ход заседаний как депутатов от дворянства, так и от третьего сословия, тем не менее объявлялось, что мнение короля во многом сходно с мнением третьего сословия. Совет постановил назначить «королевское заседание» на 22 июня, а до этого дня приостановить заседания штатов и хранить пока все в секрете. На следующее утро (20 июня), когда депутаты пришли, как обычно, к зданию, где заседали, они увидели, что двери его заперты и находятся под охраной. В объявлении на дверях сообщалось, что «королевское заседание» назначено на 22 июня и что до этого дня все заседания отменяются. Решив, что их хотят распустить,

депутаты собрались в здании, называемом «Jeu de раите» (or Tennis court) и там дали клятву не расходиться по своей воле до тех пор, пока не добьются для своей страны конституции на прочной основе, а если их разгонят силой, собраться вновь в каком-либо другом месте. На следующий день они встретились в церкви св. Людовика, и к ним присоединилось большинство духовенства.

Предводители аристократии поняли, что все будет потеряно, если не предпринять каких-нибудь смелых действий. Король все еще находился в Марли. Никому не разрешалось приближаться к нему, кроме друзей партии двора. Его окружили стеной лжи. Ему внушили, что депутаты от третьего сословия собираются освободить армию от присяги на верность королю и увеличить жалованье солдатам. Дворцовая партия была в ярости и отчаянии. Она добилась образования комитета, состоящего из короля и его министров, в который должны были допускаться Месье и граф д'Артуа. На заседании комитета последний выступил с личными нападками на г-на Неккера, осудил текст его заявления и предложил другое, подсунутое его подпевалами. Г-ну Неккеру угрожали, его запугивали; все это потрясло короля. Он приказал рассмотреть оба плана на следующий день, а «королевское заседание» отложить еще на день. Это вызвало назавтра еще более яростные нападки на г-на Неккера. Проект его заявления был полностью переделан, и в него включен проект графа д'Артуа. Неккер и Монморен подали в отставку, в которой им было отказано. «Нет, сударь, – сказал граф д'Артуа г-ну Неккеру, – мы оставим Вас как заложника. Вы нам ответите за все зло, которое случится»!

Слух об изменении плана разнесся мгновенно. Дворянство ликовало, народ был потрясен. Я был очень встревожен таким ходом событий. Военные пока еще не высказали признаков того, чью сторону они примут, но было несомненно – победит та сторона, которой они окажут поддержку. Я считал, что успех реформы правления во Франции обеспечит всеобщие изменения в странах Европы, возрождение народов этих стран, неимоверно страдающих от злоупотребления властей, к новой жизни. Я был хорошо знаком с видными патриотами собрания. Поскольку я был представителем страны, успешно прошедшей через подобные преобразования, они относились ко мне с расположением и с доверием. Я весьма энергично настаивал на немедленном компромиссе, с тем чтобы можно было получить то, чем готово было сейчас поступиться правительство, и положиться на то, что в будущем можно будет добиться остального.

Было совершенно ясно, что на этот раз король готов

предоставить: 1. Свободу личности по примеру Habeas corpus. 2. Свободу совести. 3. Свободу печати. 4. Суд присяжных. 5. Представительную легислатуру. 6. Ежегодные ее созывы. 7. Разработку законов. 8. Исключительное право налогообложения и расходования средств. 9. Ответственность министров.

С получением таких прав депутаты смогли бы добиться в будущем всего, что необходимо для дальнейшего улучшения и укрепления конституции. Они, однако, думали иначе и ход событий показал, что это было печальное заблуждение. Потому что после тридцати лет войн внутри страны и за ее пределами, после потери миллионов жизней, утраты людьми личного счастья, временной оккупации страны иностранцами они не только не добились большего, но и даже не получили с уверенностью того, о чем мы говорили. Они и не догадывались (да и кто же мог предвидеть?) о печальных последствиях своего упорства, которое они проявляли с благими намерениями, о том, что их физическая мощь будет использована первым тираном, чтобы растоптать независимость и даже угрожать самому существованию других народов; что все это послужит возможностью дать роковой пример чудовищного заговора королей против своих народов и объединит их в дьявольский, смертоносный альянс во имя достижения их общей цели, чтобы всей мощью этого альянса сокрушать любые попытки умерить злоупотребления и тиранию королей.

* * *

Когда на следующее утро король шел по проходу между рядами людей из дворца к палате, его встретило гробовое молчание. Король провел в собрании около часа, произнося свою речь и заявление. Когда король выходил, раздались слабые детские голоса: «Да здравствует король!», но народ угрюмо безмолвствовал.

В заключение своей речи король приказал депутатам последовать за ним, а дискуссии продолжить на следующий день. Депутаты от дворянства последовали за ним, так же поступили и депутаты от духовенства, за исключением приблизительно тридцати человек, которые вместе с депутатами третьего сословия остались в зале и приступили к дебатам. Они заявили протест против действий короля, подтвердили приверженность своим предыдущим решениям и провозгласили неприкосновенность личности депутатов.

Вошедший офицер именем короля потребовал, чтобы они

покинули помещение. «Скажите тому, кто Вас послал, – ответил Мирабо, – что мы уйдем отсюда только по своей воле или уступая острию штыка».

Во второй половине дня возбужденные толпы людей стали стекаться в окрестности дворца. Это вызвало тревогу. Королева послала за г-ном Неккером. Его привели под крики и возгласы толпы, заполнившей весь дворец. У королевы он находился всего несколько минут, и о чем они говорили, осталось неизвестным.

Король поехал на прогулку. Когда он шел к карете и садился в нее, никто не обратил на него никакого внимания. Когда же вслед за ним вышел г-н Неккер, его все приветствовали возгласами: «Да здравствует г-н Неккер! Да здравствует спаситель угнетенной Франции!» Его провели обратно домой при таких же изъявлениях любви и тревоги. Около двухсот депутатов от третьего сословия, возбужденных событиями дня, отправились к нему домой и вынудили его дать обещание не уходить в отставку.

25 июня сорок восемь депутатов от дворянства, и среди них герцог Орлеанский, присоединились к третьему сословию. Вместе с ними были теперь и сто шестьдесят четыре депутата от духовенства, хотя небольшая часть их все еще заседала отдельно и называла себя палатой духовенства. 26 июня архиепископ Парижский, как и ряд других депутатов от духовенства и дворянства, присоединился к третьему сословию.

Эти события привели к сильному брожению в народе. Оно охватило солдат, распространившись сначала на французских гвардейцев, а затем на все другие полки гвардии, за исключением швейцарской, и перекинулось даже на личную охрану короля. Гвардейцы выходили из своих казарм, собирались группами и заявляли, что они будут защищать короля, но не будут убийцами своих сограждан. Они называли себя солдатами нации и не оставляли теперь никакого сомнения, чью сторону они примут в случае потрясений. Подобные же известия поступили из войск, расположенных в других частях королевства, давая основания считать, что солдаты встанут на сторону своих отцов и братьев, а не своих офицеров.

Воздействие этого лекарства в Версале было столь же внезапным и сильным. Тревога была настолько сильной, что во второй половине дня 27 июня король собственноручно написал послание председателям палат духовенства и дворянства, обязав их немедленно присоединиться к третьему сословию. Депутаты от этих двух сословий еще продолжали спорить и колебаться, пока записка графа д'Артуа окончательно не склонила их к повиновению. В полном составе они направились в Собрание и заняли свои места рядом с депутатами третьего сословия,

завершив тем самым полное соединение сословий в одной палате.

Теперь Собрание перешло к выполнению своих задач и первым делом приступило к определению порядка, в котором оно будет рассматривать главы конституции.

Сначала пойдет – как предваряющая все – общая Декларация прав человека. Затем последуют главы: Принципы монархии; Права нации; Права короля; Права граждан; Организация и права Национального собрания; Формы, необходимые для принятия законов; Организация и функции провинциальных и муниципальных ассамблей; Обязанности и пределы судебной власти; Функции и обязанности военной власти.

Декларация прав человека – как предварительная часть этой работы – была соответственно подготовлена и представлена маркизом де Лафайетом.

* * *

Но спокойный ход их работы был вскоре нарушен сообщением о том, что войска, и в частности иностранные наемники, движутся к Парижу с разных сторон. Королю, вероятно, посоветовали вызвать их под предлогом поддержания мира в Париже. Но считают, что его советники на самом деле замышляли нечто другое. Командующим войсками был назначен маршал де Брольи, честолюбивый аристократ, хладнокровный и способный на все.

Вскоре под разными предлогами было арестовано несколько гвардейцев, но действительной причиной ареста были их симпатии к делу нации. Жители Парижа ворвались в тюрьму, где содержались арестованные, освободили их и послали делегацию в Национальное собрание, ходатайствуя об их помиловании. Собрание призвало парижан соблюдать порядок и спокойствие, возвратить заключенных королю, а короля просило отвести войска. Король ответил отказом, сухо заявив, что Собрание может удалиться само, если угодно, в Нуайон или Суассон.

Тем временем эти войска, численностью от двадцати до тридцати тысяч человек, прибыли и были размещены в Париже, а также между Парижем и Версалем. Мосты и проходы были взяты под охрану. В три часа дня 11 июля граф де ла Люзерн был послан известить г-на Неккера о его смещении и вынудить его немедленно уйти в отставку, никому не говоря об этом ни слова. Придя домой, г-н Неккер пообедал и предложил жене навестить знакомых: в действительности они уехали в свой загородный дом в Сент-Оуене, а в полночь выехали в Брюссель. Но об этом ничего

не было известно вплоть до следующего дня (12 июля), когда произошла смена всего министерства, за исключением Вилледея, министра двора, и Барантена, хранителя печатей. Произошли следующие изменения: барон де Бретейль стал председателем совета финансов; де ла Галасьер – генеральным контролером вместо г-на Неккера; маршал де Брольи назначен военным министром вместо Пюи Сегюра, его помощником – Фулон; герцог де ла Вогюйон – министром иностранных дел вместо графа де Монморена; де ла Порт – морским министром вместо графа де ла Люзерна; из Совета был также исключен Сен-При. Люзерн и Пюи Сегюр были твердыми приверженцами аристократической партии в Совете, но они считались теперь неспособными выполнить стоявшие перед ними задачи.

Теперь король целиком находился в руках людей, основной чертой характера которых на протяжении всей их жизни был турецкий деспотизм. Они объединились вокруг короля как надежные исполнители для того, что надлежало сделать.

Об этих переменах в Париже начали узнавать около часа-двух дня. Во второй половине дня отряд немецкой конницы числом около сотни был выведен на площадь Людовика XV и построен там, а две сотни швейцарских гвардейцев были выстроены позади них. Это привлекло сюда людей, которые таким образом нечаянно оказались перед войсками, сначала просто как зрители. Однако по мере того как росло их число, росло и их возмущение. Отступив на несколько шагов назад, они расположились за огромными грудами камней, мелких и крупных, собранных здесь для намечавшегося неподалеку строительства моста.

Случайно оказавшись в этом месте, проезжая мимо в карете, я беспрепятственно проследовал через ряды этих людей, но не успел я проехать, как в конницу полетели камни. Кавалеристы двинулись в атаку, но град камней парижан, занявших выгодные позиции, заставил всадников отступить. Покинув место стычки, они оставили одного человека лежащим на земле. Стоявшая позади швейцарская гвардия не тронулась с места, чтобы прийти им на помощь. Это событие послужило сигналом для всеобщего восстания, а этот отряд кавалерии, чтобы избежать гибели, отступил к Версалю.

Люди вооружались тем оружием, какое могли найти в оружейных мастерских и частных домах, дубинками, бродили всю ночь по всему городу, не решив пока, что предпринять.

На следующий день (13 июля) Собрание потребовало, чтобы король отвел войска и разрешил парижской буржуазии вооружиться для сохранения порядка в городе. Оно предложило также направить свою депутацию, чтобы успокоить горожан. Но

эти предложения были отвергнуты.

Комитет из членов городского управления и городских выборщиков был создан этими органами, чтобы руководить их действиями. Горожане, к которым теперь открыто присоединились французские гвардейцы, ворвались в тюрьму Сен-Лазар, выпустили всех заключенных и захватили крупные запасы зерна, которые они перевезли на зерновой рынок. Здесь горожане добыли кое-какое оружие, а французские гвардейцы стали формировать отряды и обучать их. Городской комитет принял решение поставить под ружье сорок восемь тысяч буржуа, а точнее – ограничить их число сорока восемью тысячами.

* * *

14 июля один из членов комитета (г-н де Корни) был послан в Дом инвалидов за оружием для городской гвардии. За ним пошло много народа, и придя на место он также застал там массу людей. Комендант Дома инвалидов вышел и заявил, что он не может выдать оружие без разрешения тех, от кого он его получил. Де Корни ушел, призвав народ разойтись, но народ захватил оружие. Примечательно, что не только сами инвалиды, но и находившийся в четырехстах ярдах пятитысячный отряд иностранных войск не оказали ни малейшего противодействия.

Затем г-н де Корни и еще пять человек были посланы к г-ну де Лонэ, коменданту Бастилии, за оружием. Они увидели огромную толпу народа, собравшуюся перед Бастилией, и сразу же подняли флаг перемирия. В ответ над парапетом крепости взвился такой же флаг.

Заставив толпу отойти немного назад, депутация двинулась вперед, чтобы изложить свое требование коменданту, и в этот момент пушечный выстрел из Бастилии убил четырех человек из тех, кто ближе всего находился к депутации. Депутация ушла. Случилось так, что я оказался у г-на де Корни, когда он вернулся домой, и он рассказал мне об этих событиях. После ухода депутации толпа ринулась вперед и почти мгновенно овладела необычайно прочными укреплениями, которые обороняли сто человек. До того эта крепость неоднократно выдерживала осаду и ни разу не была взята. Как смогли они туда ворваться, навсегда осталось необъясненным.

Они захватили все оружие, отпустили узников и тех людей из гарнизона, кто уцелел после первого приступа ярости; затем отвели коменданта Бастилии и его заместителя на Гревскую площадь (место публичных казней), отрубили им головы и с

триумфом пронесли их по городу к Пале-Ройаль.

Приблизительно в это же время, обнаружив письма, разоблачавшие предательскую деятельность парижского Prevot des Marchands г-на де Флесселя, парижане захватили его в ратуше, где он занимался делами, и отрубили ему голову.

Эти события, недостаточно точно сообщенные королю, послужили причиной для двух депутаций от Собрания, поочередно прибывших в Версаль. И с обеими депутациями король говорил жестко и сухо, так как никому еще до сих пор не было дозволено правдиво и полно докладывать королю о том, что происходит в Париже. Но вечером герцог де Лианкур пробился в спальню короля и заставил его выслушать подробное и живое описание происшедших в тот день в Париже несчастий. Король удалился в свою спальню под этим страшным впечатлением.

Известие о том, что де Лонэ был обезглавлен, настолько сильно подействовало за ночь на всю аристократическую партию, что утром те, кто имел наибольшее влияние на графа д'Артуа, убедили его в том, что король должен во всем уступить Собранию. Поскольку это совпадало с желанием короля, он около 11 часов в сопровождении только своих братьев отправился в Собрание, где произнес речь с просьбой содействовать восстановлению порядка. Хотя речь была выдержана в осторожных выражениях, ее манера и тон, каким она была произнесена, свидетельствовали о благоразумной капитуляции. Во дворец он возвратился пешком, сопровождаемый депутатами Собрания.

Для восстановления спокойствия в Париж была послана депутация, возглавлявшаяся маркизом де Лафайетом, который в то же утро был назначен главнокомандующим городской милицией, а г-н Байи, бывший президент Генеральных штатов, избран Prevot des Marchands. Был отдан приказ, и началось разрушение Бастилии. К парижанам присоединился отряд швейцарской гвардии полка Вентимийя и отряд городской конной гвардии.

Тревога в Версале росла. Мгновенно были отозваны наемные иностранные войска. Все министры подали в отставку. Король утвердил назначение Байи, написал г-ну Неккеру о возвращении его к власти, отправив письмо незапечатанным в Собрание для дальнейшей его пересылки, и пригласил депутатов Собрания поехать вместе с ним на другой день в Париж с тем, чтобы показать народу свои благие намерения. В ту же ночь и на следующее утро бежали граф д'Артуа и близкий ему депутат Собрания г-н де Монтессон, г-жа де Полиньяк, г-жа де Гиш и граф Бодрей фавориты королевы, ее исповедник аббат де Вермон,

принц Конде и герцог Бурбонский.

Король уехал в Париж, оставив королеву в страхе за его благополучное возвращение. Процессия, если опустить менее значительные фигуры, выглядела так: в центре – карета короля, по обеим сторонам ее – депутаты Собрания, двумя рядами, пешком. Во главе процессии как главнокомандующий – верхом на коне – маркиз де Лафайет, а спереди и сзади – Национальная гвардия.

Около шестидесяти тысяч граждан всех сословий и состояний, вооружившиеся кто чем мог после взятия Бастилии и Дома инвалидов, а остальные – пистолетами, шпагами, пиками, крюками, косами и т. п., выстроились вдоль всех улиц, по которым следовала процессия. Повсюду на улицах, из окон и дверей домов толпы людей приветствовали ее возгласами: «Да здравствует народ!», но никто не услышал: «Да здравствует король!»

Король остановился в городской ратуше. Там г-н Байи, вручив ему трехцветную кокарду и прикрепив ее к его Шляпе, обратился к нему с речью. Поскольку король не был готов к этому и не был способен отвечать, Байи подошел к нему и, выслушав от него несколько отрывочных фраз, обратился к слушателям с ответной речью, как бы от имени короля. Когда они возвращались, люди выкрикивали: «Да здравствует король и народ!» До дворца в Версале его сопровождала Национальная гвардия. Так закончилось это «amende honorable», которое никогда не давал ни один монарх и не получала ни одна нация.

* * *

И снова здесь был упущен еще один драгоценный шанс спасти Францию от преступлений и ужасов, через которые ей пришлось пройти, а также уберечь Европу и, наконец, Америку от того зла, которое истекало из этого смертоносного источника. Король теперь становился послушным орудием в руках Национального собрания, и будь он предоставлен самому себе, он стал бы охотно соглашаться со всем, что оно решило бы осуществить в интересах нации. Было бы создано разумное государственное устройство, наследуемое по его линии и во главе с ним самим, с полномочиями достаточно широкими, чтобы дать ему возможность приносить максимум пользы и добра для государства, и в то же время достаточно ограниченными, чтобы удерживать его от злоупотреблений ими. Он стал бы честно все это исполнять, а большего, я полагаю, он никогда и не желал.

Но при нем была королева, имевшая абсолютную власть над его слабым умом и робкой натурой и обладавшая характером, полностью противоположным его собственному. Этот ангел, столь красочно изображенный в восторженных выступлениях Берка, пусть с некоторым изяществом в своих прихотях, но без здравого смысла, был особой высокомерной, презиравшей необходимость обуздывать себя, нетерпимой ко всему, что противоречило ее воле, стремящейся к удовольствиям и обладавшей достаточной твердостью, чтобы добиться осуществления своих желаний или погибнуть при их крушении.

Непомерное увлечение игрой в карты и мотовство королевы, так же как и графа д'Артуа и других членов ее клики, явились существенной причиной опустошения казны, побудившей нацию взяться за реформы. Сопротивление королевы реформам, ее упрямое неразумие и неукротимый дух привели ее на гильотину, а вместе с ней – короля, и ввергли весь мир в пучину преступлений и бедствий, навсегда запятнавших страницы современной истории. Я всегда считал, что не будь королевы, не было бы и революции. Не будь они спровоцированы, не пришли бы в действие и никакие силы. Король шел бы рука об руку с мудростью своих лучших советников, которые, ведомые растущей просвещенностью нашей эпохи, желали бы лишь одного – не отставая от времени, развивать принципы общественного устройства.

Событие, которым завершился жизненный путь этих суверенов, я не одобряю и не осуждаю. Я не готов согласиться с тем, что глава нации не может предать свою страну или что он не подлежит наказанию, ни с тем, что там, где нет писаных законов, нет полномочных судов, то нет закона и в наших сердцах, а у наших рук – сил для праведной поддержки добра и исправления зла.

Из тех, кто судил короля, многие считали, что он был сознательным преступником; другие – что из-за самого его существования нация постоянно находилась бы в конфликте со сворой королей, которые воевали бы с ней на протяжении жизни целого поколения, которое могло бы в ином случае жить своей собственной жизнью, и что лучше погибнуть одному, чем всем.

Я бы не голосовал вместе с этой частью законодателей. Я бы заточил королеву в монастырь, обезвредив ее таким образом, и оставил бы короля на троне, наделив его ограниченной властью и полномочиями, которые, я искренне верю, он в меру своего разумения честно бы отправлял. В таком случае не возник бы вакуум, соблазнивший военного авантюриста захватить власть, и не появилась бы возможность для таких чудовищных

преступлений, которые деморализовали все страны мира и уничтожили – и уничтожат еще в будущем – миллионы и миллионы их жителей.

Три исторические эпохи отмечены полным угасанием морали народов. Первая – эпоха Александра и его преемников. Вторая – эпоха преемников первого Цезаря. Третья – наше время. Она началась с раздела Польши, затем последовала Пильницкая декларация, после чего – сожжение Копенгагена. Далее последовали чудовищные преступления Бонапарта, который делил мир по своему усмотрению, опустошал его огнем и мечом. Теперь – сговор королей, преемников Бонапарта, кощунственно окрестивших себя Священным союзом и идущих по стопам своего заточенного лидера. Правда, пока они открыто и полностью еще не узурпировали власть над другими народами; однако там, где это возможно, с помощью своих армий они контролируют разрешенные ими формы правления, храня in petto порядок и размах замышляемых ими будущих узурпаций.

Но пора мне закончить отступление, к которому меня в свое время привели размышления о преступных страстях, из-за которых мир лишился благоприятной возможности спастись от тех бедствий, которые его постигли.

* * *

Г-н Неккер уже находился в Базеле, когда его догнало письмо короля с приглашением снова занять пост, который он только что оставил. Он возвратился незамедлительно. Поскольку все другие министры ушли в отставку, было создано новое правительство, а именно: Сен-При и Монморен были восстановлены на своих постах, архиепископ Бордосский был назначен хранителем печатей, Латур дю Пен – военным министром, Ла Люзерн – морским министром. Полагали, что последний был назначен благодаря дружбе с Монмореном, поскольку, несмотря на расхождения в политике, они оставались верными своей дружбе, а Люзерн, хотя и не очень способный, считался честным человеком. В состав Совета был включен и принц Бово.

Поскольку семь принцев королевской крови, шесть бывших министров и еще многие из высшей аристократии бежали, а теперешние министры, за исключением Люзерна, принадлежали к народной партии, все члены правительства работали пока в полном согласии.

Вечером 4 августа по предложению виконта Ноайя, шурина Лафайета, Собрание отменило все титулы, все оскорбительные

феодальные привилегии, десятину и доходы священников, все привилегии провинций и, наконец, весь феодальный порядок в целом. Аббат Сиейес решительно возражал против отмены десятины, однако его ученые и логичные доводы остались без внимания, а уважение к нему уменьшилось из-за эгоизма (десятина была ему выгодна), который он выказал на фоне великодушного отказа от своих прав других членов Собрания.

Много дней ушло на то, чтобы облечь в форму законов упразднение многочисленных стародавних несправедливостей. После этого депутаты приступили к предварительной работе над Декларацией прав. Поскольку мнения относительно принципов этого документа большей частью совпадали, он был сформулирован весьма свободно и принят подавляющим большинством голосов. Затем они создали комитет по подготовке конституции, который возглавил архиепископ Бордосский. В своем письме от 20 июля он в качестве председателя комитета просил меня посетить их заседания и принять участие в обсуждениях. Я отклонил предложение, сославшись на то, что я аккредитован при короле как главе нации, что мои полномочия ограничиваются интересами моей страны и не позволяют мне вмешиваться во внутренние дела той страны, в которую я прибыл лишь с определенной миссией.

Проект конституции обсуждался по разделам и время от времени по мере их согласования докладывался комитетом. Первый раздел касался общей структуры правления. Все единодушно согласились, что она должна состоять из трех структур: исполнительной, законодательной и судебной власти. Но когда перешли к второстепенным вопросам, произошло столкновение различных нюансов мнений, и резко обозначившийся раскол разделил патриотов на группы с противоречивыми принципами. Первый вопрос: «Нужна ли королевская власть?» – не встретил открытой оппозиции и все с готовностью согласились, что Франция будет монархией и притом наследственной.

«Должен ли король обладать правом налагать вето на законопроект? Должно ли это вето быть абсолютным или только приостанавливающим? Должны ли существовать две законодательные палаты или только одна? Если две, должно ли право членства в одной из них быть наследственным или пожизненным, либо иметь определенный срок? Должны ли ее депутаты назначаться королем или избираться народом?»

Эти вопросы выявили большие расхождения во мнениях и разделили депутатов на соперничающие группы. Аристократов сплотил общий принцип сохранения старого режима или чего-то

очень близкого к нему. Приняв это за свою путеводную звезду, они действовали сплоченной фалангой по каждому вопросу, отдавая предпочтение меньшинству среди патриотов и всегда тем, кто выступал за минимальные изменения. Очертания новой конституции таким образом приобретали пугающий вид, и среди честных патриотов возникла большая тревога из-за таких разногласий в их рядах.

* * *

В эти беспокойные дни я однажды получил записку от маркиза де Лафайета, в которой он просил меня на следующий день дать обед для него и шести или восьми его друзей. Я заверил его, что буду рад принять их. Пришел сам Лафайет, Дюпор, Барнав, Александр Ламет, Блакон, Мунье, Мобур и д'Агу. Это были ведущие патриоты, придерживавшиеся честных, но различных взглядов, сознававшие необходимость создания коалиции путем взаимных уступок, знающие друг друга и не боявшиеся поэтому быть взаимно откровенными.

Последний принцип был решающим при выборе гостей. Исходя из этого маркиз и предложил это совещание, а место и время его назначил, не подумав о том, в какое затруднительное положение он мог меня поставить.

После того как убрали скатерть и на стол, по американскому обычаю, подали вино, маркиз изложил цели встречи, кратко напомнив о положении дел в Собрании, о том виде, какой принимали принципы конституции, и о том, чем все это может кончиться, если сами патриоты не проявят большей готовности к согласию. Он заявил, что хотя у него и есть собственное мнение, он готов принести его в жертву братьям по общему делу, что сейчас должна быть выработана общая точка зрения, иначе победит аристократия, и что к какому бы соглашению они сейчас ни пришли, он как глава народных вооруженных сил поддержит его.

Обсуждение началось около четырех часов и продолжалось до десяти вечера. В течение этого времени я стал молчаливым свидетелем того, с каким спокойствием и откровенностью, столь необычными для споров о политике, велась эта беседа. Я был свидетелем демонстрации логических доказательств и строгого красноречия, не испорченного витиеватым краснобайством и декламацией, поистине достойного сравнения с прекрасными образцами диалогов древности, дошедшими до нас благодаря Ксенофонту, Платону и Цицерону.

В результате было решено, что королю должно быть дано право налагать приостанавливающее вето на законопроекты, что законодательный орган должен состоять только из одной палаты и избираться народом.

Эта договоренность решила судьбу конституции. Сплотившись вокруг этих выработанных принципов и решая все вопросы в соответствии с ними, патриоты ослабили влияние аристократии до степени незначительности и бессилия.

Теперь я должен был оправдать свое поведение. На следующее утро я дождался графа Монморена и честно и откровенно рассказал ему, как случилось, что мой дом оказался местом встречи такого характера. Он сказал, что уже знает обо всем происшедшем и далек от того, чтобы обижаться на то, что мой дом был использован по такому поводу, и всерьез желал бы, чтобы я впредь помогал в устройстве таких встреч, поскольку он был уверен, что я буду способствовать охлаждению страстей и проведению только разумных и осуществимых преобразований. Я сказал ему, что я достаточно хорошо понимаю свой долг по отношению к королю, к нации и к своей собственной стране, чтобы принимать какое-либо участие в совещаниях, касающихся внутреннего устройства страны своего пребывания, и что я буду в качестве нейтрального и пассивного зрителя лишь осторожно, настойчиво и искренне стремиться к тому, чтобы восторжествовали те меры, которые принесут нации наибольшую пользу. Я ничуть не сомневаюсь, что этот честный министр, имевший доверительную связь с патриотами, знал об этой встрече заранее и одобрил ее и что он сам желал разумной реформы конституции.

* * *

Здесь я прерываю свой рассказ о Французской революции. Детальные подробности, с которыми я ее описал, не соответствуют общему масштабу моего повествования. Но я считал, что это оправдывается тем интересом, который должен проявлять весь мир к этой Революции. Пока еще мы находимся только в самом начале ее истории. Призыв соблюдать права человека, прозвучавший в Соединенных Штатах, был подхвачен Францией, первой из европейских стран. Из Франции этот дух распространился на южные страны.

Разумеется, северные тираны объединились против него, но его подавить нельзя. Их сопротивление только умножит миллионы человеческих жертв. Этот дух охватит подчиненные им

страны, и положение человека во всем цивилизованном мире в конечном итоге намного улучшится. Это – прекрасный пример тому, как малые причины вызывают великие события. Настолько непостижима в этом мире связь между причинами и следствиями, что двухпенсовый налог на чай, несправедливо установленный в одном из его уединенных районов, может изменить положение всех населяющих этот мир людей.

Я потому так подробно описал начальные события этого обновления, что находился в исключительно благоприятном положении, чтобы постичь истину. Будучи в близких и доверительных отношениях с ведущими патриотами, и более всего с маркизом Лафайетом, их главой и их Атлантом, у которого не было от меня секретов, я получал точные сведения об их взглядах и действиях. С другой стороны, мои отношения с дипломатическими представителями европейских стран в Париже, симпатизировавшими двору и стремившимися выведать его намерения и действия, давали мне также информацию о дворцовой партии. Полученные сведения я всегда незамедлительно излагал в своих письмах г-ну Джею и часто также к моим друзьям, и сейчас обращение к этим письмам исключает ошибки моей памяти.

Эти возможности получения мной сведений перестали существовать в период моего ухода со сцены, где разыгрывались эти интересные события. Больше года я добивался отпуска, с тем чтобы поехать домой, ввести своих дочерей в общество, поручить их заботам друзей и возвратиться вскоре для исполнения своих обязанностей в Париж. Но метаморфозы, которые претерпевало наше правительство в своем развитии, подобные превращению из куколки в свою органическую форму, существенно затрудняли его работу, и разрешение, о котором я просил, я смог получить только в конце августа. И сейчас я не могу расстаться с этой великой и доброй страной, чтобы не высказать своего мнения о превосходстве характера ее народа по сравнению с народами других стран мира.

Нигде не встречал я более доброжелательных людей и не видел большего тепла и преданности в их разборчивой дружбе. Их доброта и дружеское отношение к иностранцам не имеет себе равных, а парижское гостеприимство превосходит все, что я могу себе представить осуществимым в большом городе. Кроме того, их достижения в науке, общительность их ученых, вежливость в обращении, легкость и живость, с которыми они ведут беседу, придают их обществу такую привлекательность, которую вы нигде больше не встретите.

Сравнивая Францию с другими странами, мы получим такое

же доказательство ее превосходства, какое получил Фемистокл после битвы при Саламине. Каждый из генералов высказался за то, чтобы первую награду за храбрость вручили ему самому, а вторую – Фемистоклу. Так что спросите поездившего по свету жителя любого государства: «В какой стране вы хотели бы жить?» – «Конечно, в своей, где все мои друзья и близкие, с которой связаны самые первые и самые лучшие привязанности и воспоминания моей жизни». – «Ну, а если не на родине, то где еще?» – «Во Франции».